

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 2 (34)

2025

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, профессор, Россия
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС77-68612,
March 04, 2016
The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the list of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Full Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

ТЕМА НОМЕРА

СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ
(К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

С. В. Бондарев

«Здесь фабрикуют отдых»: социалистический досуг
в бывших царских парках Ленинграда в 1930-е гг. [10]

ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

С. Б. Борисочкин

Повседневная жизнь британских пилотов
на территории советского Заполярья в 1941 г.
(по воспоминаниям участников) [26]

Е. Д. Твердюкова

«...И думать о красе ногтей»: маникюр в военной
повседневности ленинградцев (1941–1945) [48]

С. И. Бондаренко

Из истории Барнаульского маслобойного завода
(1941–1945 гг.): производство, вклад в Победу [67]

Л. Н. Семенова

Музыкантская школа Балтийского ВМФ в годы военных
испытаний 1941–1945 гг. (по архивным материалам) [86]

М. В. Максимов

Механизм влияния немецко-фашистских
окупационных властей на массовое сознание
жителей г. Красногвардейска [105]

В. И. Хрисанфов, С. К. Бернев

Повседневная работа 5-й Ленинградской партизанской
бригады по разложению антисоветских формирований
и в лагерях для советских военнопленных [126]

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

И. И. Иноземцев

Мероприятия по переселению колхозников
в Кексгольмский и Раутовский районы
Ленинградской области в 1945–47 гг. [140]

П. П. Фантров, А. Н. Дубровина

Практики социального обеспечения студентов
сталинградских высших учебных заведений
в первые послевоенные годы [153]

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А. О. Волгушева

Биография героя Великой Отечественной войны
в контексте коллективной памяти семьи [175]

А. А. Павлов

Послевоенная повседневность Ленинграда
и популяризация образа Тани Савичевой.
Интервью с А. В. Ураловым [192]

Иллюстрации [205]

CONTENTS

PRE-WAR EVERYDAY LIFE

Sergei V. Bondarev

“Here They Fabricate Rest”: Socialist Leisure in the Former
Tsarist Parks of Leningrad in the 1930s [10]

MILITARY EVERYDAY LIFE

Stanislav B. Borisochnik

Daily Life of British Pilots in the Soviet Arctic in 1941
(According to the Participants’ Memoirs) [26]

Elena D. Tverdyukova

“...And Think About the Beauty of Your Nails”: Manicure
in the Military Everyday Life of Leningrad Residents
(1941–1945) [48]

Svetlana I. Bondarenko

From the Barnaul Oil Mill History (1941–1945):
Production, Contribution to Victory [67]

Lyudmila N. Semyonova

Baltic Navy Musician School During the Years of Military
Trials of 1941–1945 (Based on Archival Materials) [86]

Michael V. Maksimov

The Mechanism of Influence of the Nazi
Occupation Authorities on the Mass Consciousness
of the Krasnogvardeysk Inhabitants [105]

Valentin I. Khrisanfov, Stanislav K. Bernev

Daily Work of the 5th Leningrad Partisan Brigade
on the Decomposition of Anti-Soviet Formations
in Camps for Soviet Prisoners of War [126]

POST-WAR EVERYDAY LIFE

Igor I. Inozemtsev

Activities for Resettling Collective Farmers
to the Kexholm and Rautovsky Districts
of the Leningrad region in 1945–47 [140]

Pavel P. Fantrov, Anastasia N. Dubrovina

Social Security Practices of Students
of Stalingrad Higher Education Institutions
in the First Post-War Years [153]

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Alla O. Volgusheva

Biography of the Hero of the Great Patriotic War
in the Context of Family's Collective Memory [175]

Arseniy A. Pavlov

The Post-War Everyday Life of Leningrad
and the Popularization of the Tanya Savicheva Image.
Interview with A. V. Uralov [192]

Illustrations [205]

«Здесь фабрикуют отдых»: социалистический досуг в бывших царских парках Ленинграда в 1930-е гг.

С. В. Бондарев

В первой половине 1930-х гг. в Ленинграде и пригородах шел процесс создания парков культуры и отдыха. Новые очаги социалистического досуга возникли на базе дворцовых комплексов: Петергофа, Детского Села, Гатчины и Елагина острова. Образцом «культурного комбината» являлся Московский Центральный парк культуры и отдыха. Столичный опыт внедряли на территории бывших царских резиденций и создали инфраструктуру для тихого отдыха, занятий спортом, военно-оборонной подготовки, проведения танцев, концертов и просветительской работы. Материал подготовлен на основе архивных документов, хранящихся в фондах Государственного музея-заповедника «Петергоф», а также публикаций ленинградских газет. В исследовании рассматривается появление новых стратегий досуга советского человека. Также реконструированы различные сценарии массовых праздников в ленинградских парках культуры и отдыха, собиравших десятки тысяч людей. Предпринята попытка проанализировать условия, в которых произошла трансформация статуса указанных пространств: от царского наследия до передовых достижений советской культуры.

Ключевые слова: Парк культуры и отдыха, царская резиденция, Петергоф, Детское село, Гатчина, Елагин остров, праздники.

Для цитирования: Бондарев С. В. «Здесь фабрикуют отдых»: социалистический досуг в бывших царских парках Ленинграда в 1930-е гг. // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 10–25. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_10. EDN: ABCVIY

Введение

Обращение ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 декабря 1931 г. к партийным, советским, профессиональным и комсомольским организациям Ленинграда, ориентировавшее их на всемерное удовлетворение материальных и культурных потребностей трудящихся, предопределило будущее бывшей имперской столицы – превращение в образцовый социалистический город. Для этого требовалось, в частности, преобразовать парки Детского Села, Петергофа, Гатчины в очаги культурного отдыха и развлечений¹.

Анализ истории формирования уникального культурного феномена – очагов социалистического досуга на территории императорских дворцовых комплексов – дает возможность понять, как в переломные периоды истории посредством властных распоряжений изменялся повседневный мир горожан, происходила их социализация и массовое вовлечение в общественно полезную деятельность. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что опыт отечественных парков культуры и отдыха по регулированию рекреационной повседневности советского человека может быть полезным для создания новых городских общественных пространств.

В историографии достойное внимание уделено созданию первого московского парка подобного образца. В советское время предпринимались попытки вывести общую формулу культурного комбината для распространения этой модели по всей стране [1–2]. Современные исследования рассматривают функционирование парков культуры и отдыха для изучения советской повседневности [3]. Обстоятельное исследование К. Кухер позволило определить влияние государственной идеологии на культуру посредством «комбинатов отдыха» [4]. Другие исследователи также считают парки культуры и отдыха неотъемлемой частью нарратива сталинской эпохи [5–11]. Несколько статей посвящено созданию новых очагов советской культуры в Ленинграде в том или ином конкретном месте [12–15]. Но работа, анализирующая опыт трансформации царских резиденций в парки советского досуга, на сегодняшний день отсутствует.

¹ Обращение Центрального комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров Союза ССР ко всем партийным, советским, профессиональным и комсомольским организациям Ленинграда // Известия. 1931. № 333. С. 1.

Целью данной статьи является анализ создания в Ленинграде в первой половине 1930-х гг. парков культуры и отдыха на базе бывших царских резиденций. Достижению указанной цели способствовало решение следующих задач: выявление модели создания культурного комбината в рамках существующей зеленой рекреационной зоны, выделение особенностей создания парков культуры и отдыха, изучение сценариев массовых праздников.

Результаты

Флагманом в деле внедрения элементов социалистического досуга в бывших царских парках стал Петергоф. В течение 1918–1930 гг. на базе бывшей царской резиденции усилиями научных сотрудников во дворцах и павильонах были созданы общедоступные музеи. Уже с конца 1920-х гг. осуществлялась работа над созданием инфраструктуры для расширения досуга посетителей. По мнению сотрудников учреждения, целесообразность превращения Петергофа в один из ленинградских парков культуры и отдыха объяснялась несколькими причинами [16, л. 132]. Во-первых, бывший дворцовый комплекс являлся неотъемлемой частью зеленого кольца пригородных парков. Во-вторых, оригинальность места – наличие парков с многочисленными фонтанными аттракционами и историко-бытовыми памятниками – помогала развернуть картину дооктябрьской истории России. Наконец, хранители бывшей царской резиденции считали необходимым противостоять факту стихийного превращения Петергофа в место досуга «выходного дня». В этой связи еще до выхода в свет упомянутого постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР на территории петергофских дворцов-музеев началось создание Комбината отдыха, в состав которого включили Нижний парк и Верхний сад, а также соседнюю Александрию.

В начале 1931 г. на музейном совещании обсуждался «Проект культурно-бытового обслуживания посетителей Петергофских музеев». В нем указывалось, что усилия сотрудников, направленные на то, чтобы разнообразить досуг экскурсантов, осуществленные в летнем сезоне 1930 г. (проведение выставок на открытом воздухе, литературно-музыкальных вечеров, выделение территорий для отдыха на траве), в целом себя оправдали [17, л. 6]. Но, как показал опыт, посетителям требовались

закрытые площадки для устройства концертных и иных выступлений. Для указанной цели постановили приспособить пустующее помещение Восточной галереи Большого петергофского дворца, установить внутри мобильную эстраду и поставить 60 скамеек по 2 м каждая. По расчетам научных сотрудников, галерея была способна вместить до 400 человек. Культурно-массовая программа предполагала организацию театральных представлений, концертов симфонической музыки и выступлений коллективов самодеятельности.

Проектом предусматривалась работа библиотеки-читальни в Восточной воронихинской колоннаде [17, л. 8 об.]. Также сохранялись площадки для отдыха экскурсантов на траве у Черного спуска, Готической капеллы и у Нижнего дворца. Для одиночных посетителей постановили изготовить маршрутно-справочные указатели и парковый этикетаж [17, л. 9 об.].

Физкультурный досуг как форма активного отдыха был представлен тирами и силомерами. Очень востребованным оказался пляж, устроенный в 1930 г. на берегу Финского залива между павильоном «Эрмитаж» и Военной гаванью [17, л. 9 об.]. Он был платным, за вход с посетителей взималось 10 коп. Для увеличения музейных доходов с открытием летнего сезона запрещалось купание и принятие солнечных ванн на территории парка, кроме пляжа. Предусматривалась также организация купальни и лодочных станций, рыболовства, катания на яхтах летом и лыжах зимой [17, л. 11–12].

Существующие комнаты отдыха в Большом дворце не справлялись с наплывом экскурсантов, особенно это ощущалось в дождливые дни. Ожидая увеличения посетителей в сезон 1931 г., в Петергофе решили отдать под комнаты отдыха дополнительные помещения на первом этаже дворца. Это позволило увеличить вместимость рекреационной зоны на 100 % и избежать заторов [17, л. 6 об.].

Летом 1930 г. в Большом дворце была открыта пионерская база, однако ее помещение по назначению не использовалось: никто из пионеров и комсомольцев ее не посещал. Музейное совещание приняло решение базу переоборудовать в буфет. На месте последнего решили создать справочную комнату. Предложение организовать во дворце рядом с буфетом парикмахерскую поддержки не получило [17, л. 7 об.]. Также были от-

вергнуты проекты создания комнаты для забытых, утерянных и найденных вещей, камеры хранения и велостанции. Опыт работы медицинского пункта, детских комнат и кабинета для фотоперезарядки был признан положительным и оставлен без изменений и дополнений в 1931 г.

С целью организации общественного питания Управление петергофскими музеями решило сдать в аренду помещение бывшей сервизной кладовой под столовую. На аллеях парка отводились места для торговли кондитерскими изделиями, прохладительными напитками, мороженым, цветами и открытками. Предполагалось также устройство ягодных и фруктовых садов [17, л. 10].

Петергофский проект содержал все основные направления работы по организации образцового парка культуры и отдыха, которые в первой половине 1930-х гг. были распространены на другие бывшие дворцовые комплексы. Так, 22 июня 1931 г. в Гатчине состоялось заседание комиссии по обустройству Областного сада культуры и отдыха на территории Зверинца, Сильвии, Приората и дворцового парка [18, с. 43].

Но пока другие пригородные парки не были готовы к организованному приему посетителей, Петергоф оставался единственным местом культурного досуга, которое могли посетить одновременно десятки тысяч людей. Так, 6 июня 1932 г. профсоюзные организации устроили в Петергофе массовое гуляние, в ходе которого 60 тыс. чел., любясь фонтанами, передвигались по парку [19, с. 4].

В программном обращении ЦК ВКП(б) и СНК СССР к руководителям Ленинграда в декабре 1931 г. также была поставлена задача создать городской парк культуры и отдыха на Елагином и Крестовском островах, построить купальни, пляжи, лодочные станции, детские площадки и т. п. В июне 1932 г. здесь оборудовали симфоническую эстраду, две лодочные базы, вели строительство двух ресторанов и восстанавливали Каменноостровский театр [20, с. 4].

Открытие парка культуры и отдыха на Елагином острове состоялось 5 августа 1932 г. На торжественном заседании в Каменноостровском театре выступающие отметили, что парк необходимо наполнить идейным политическим содержанием: «Это будет действительно культурный Магнитострой» [21, с. 4].

В полной мере оценить качество нового парка ленинградцы смогли в мае 1933 г. В первый день летнего сезона посетителей обслуживали лодочные и велосипедные станции, аттракционы, эстрады и спортплощадки. Весь остров был наполнен музыкой. На танцевальных площадках играли баянисты, работали эстрадный театр и площадка самодеятельного отдыха, несколько оркестров исполняли музыку в беседках. Но культурному досугу препятствовали некоторые организационно-технические проблемы: в парке отсутствовали карты и указатели, поэтому посетителям трудно было ориентироваться на обширной территории. В крытых павильонах не имелось вешалок для пальто. На парковых аллеях не были установлены киоски с едой. Гуляющим негде было оставить детей, так как комнату для малышей не успели оборудовать к началу сезона [22, с. 3]. Директору парка культуры и отдыха пришлось на страницах «Вечерней красной газеты» пообещать в кратчайший срок устранить все недочеты.

К середине июня Елагин остров был приведен в порядок. В Центральном парке культуры и отдыха открыли выставку минералов, а также лагерь путешественников, знакомивший посетителей с особенностями экстремальных походов. Елагин остров в выходные дни посещали до 30 тыс. туристов. Их досуг сопровождали викторины, танцы, книжные лотереи [23, с. 3].

Первое место по популярности среди пригородных парков в начале 1930-х гг. занимал Петергоф. Подготовка к открытию летнего сезона 1933 г. здесь также оставляла желать лучшего. Фигура центрального фонтана «Самсон» была закрыта шатром, установленным на зиму. Другие фонтаны стояли в строительных лесах. Высохшее дно Морского канала было заполнено опавшими листьями, собранными со всего парка. Фонтан-шутиха «Зонтик» ремонтировался, а «Дубок» не был возвращен на место после зимы. На пляже лежал строительный мусор, оставалась закрытой лодочная станция [24, с. 3]. Лишь в июне в Петергофе заработали фонтаны и пляж, в прокат начали выдавать лодки и велосипеды, у Шахматной горы и на аллеях парка организовали массовые игры и танцы [25, с. 3].

За три выходных дня в июне 1933 г. Петергоф принял 8 тыс. экскурсантов. Детское село за это же время – 3 500 чел., Гатчина – 250 чел. [26, с. 3]. Первые майские выходные 1934 г. пока-

зали, что Петергоф по-прежнему пользовался большой популярностью. Так, 6 мая его музеи посетили около 3 тыс. чел., парки – до 10 тыс. чел. [27, с. 1]. А. Г. Маньков записал в дневнике 18 мая 1934 г.: «Поезда шмыгали каждые четверть часа, вывозя обезумевших горожан в Н. Петергоф, где было открытие фонтанов» [28, с. 149]. Особенно привлекало отдыхающих впервые примененное вечернее освещение фонтанов цветными прожекторами. Всего же за летний сезон петергофский парк принял около 1,5 млн визитеров [29, с. 4].

Для создания комфортного отдыха горожан среди фонтанов и устранения больших скоплений народа было необходимо перестроить работу всех дворцовых комплексов. Весной 1934 г. в прессе широкое освещение получила подготовительная работа к летнему сезону в пригородных парках. В Детском Селе увеличили количество скамеек, начали восстановление мостов и дорожек, построили уборные. Планом художественно-массовой работы предусматривались установка десятков передвижных щитов, лозунгов, плакатов, проведение концертов, работа радиостудии, организация уголков тихого отдыха. Открыто признавалось, что «в противовес прошлым годам» летом 1934 г. предстояло развернуть большую физкультурно-оздоровительную работу: обеспечить сдачу желающими норм ГТО, проводить соревнования по футболу и волейболу, наладить работу физкультурных аттракционов. Детскосельское управление дворцов и парков занималось подготовкой постоянных и передвижных выставок «Что смотреть в Детском Селе?», «Ленинград к концу второй пятилетки», «Семья, улица и дети в наши дни» [30, с. 4]. В 1935 г. в Детскосельском парке для детей открыли городок-павильон «Верхняя ванна» с большим количеством игрушек и уголком животного мира. На Большом пруду для отдыхающих заработала лодочная станция, а на острове – танцевальный павильон. В Собственном садике Александра II восстановили фонтан и разместили шезлонги. В парке ежедневно играл духовой оркестр, работали буфеты, рестораны и киоски. В павильоне «Грот» был открыт магазин «Гастроном». Большим успехом пользовалась первая в пригородах Ленинграда парашютная станция, оборудованная в павильоне «Арсенал» [31, с. 4].

Гатчинское управление весной 1934 г. впервые принялось за организацию работы по культурному обслуживанию экскур-

сантов. Строили читальни, подготавливали места для массовых и детских игр, устанавливали аттракционы и качели. Для спортивного досуга в Гатчине организовали пять площадок для волейбола и баскетбола, две площадки для крокета [32, с. 2].

Самое большое количество посетителей в парках культуры и отдыха собиралось на праздничные гуляния. Они устраивались по случаю важных политических и культурных событий и памятных дат. Наряду с традиционными развлечениями массовые гуляния предлагали отдыхающим оригинальные сценарии проведения досуга. Особый размах в первой половине 1930-х гг. приобрел праздник, посвященный Дню Конституции СССР. Так, 6 июля 1932 г. в праздничных мероприятиях в петергофском парке приняли участие десятки тысяч рабочих. На поляне в Александрии был организован сектор обороны СССР. Здесь работали эстрада, тир, военный музей. Под руководством инструктора экскурсанты учились разбирать артиллерийское орудие. На эстраде выступали агитбригадники Осоавиахима и артисты Государственного объединения музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий (ГОМЭЦ). На пляже показывали представление жонглеры и фокусники. Перед отдыхающими разыграли сцену боя: вражеский десант со шлюпок предпринял попытку взять штурмом берег, но был сброшен и опрокинут в море. Для большей реалистичности женские бригады санитаров отыскивали раненых, перевязывали и быстро уносили в палатку с красным крестом. В парке на эстрадах в ознаменование Дня Конституции показали номера представители «дружной семьи советских народов»: якуты, чуваша, украинцы и кавказцы. Свидетель события выразил уверенность, что «обогащённый разнообразными формами культмассовой работы Петергофский парк станет “зелёным дворцом” социалистической культуры» [33, с. 4].

Празднование в честь десятилетней годовщины принятия Второй сессией ЦИК СССР текста Конституции СССР было проведено и на Елагином острове в начале июня 1933 г. На Масляном лугу перед дворцом состоялась музыкальная олимпиада профсоюзом. В воздухе над парком кружились АНТ-14 и дирижабль «Смольный», которые сбросили праздничные листовки. По воде промчались байдарки и шлюпки. Люди наблюдали за партией живых шахмат, в которой сражались чемпионы СССР П. А. Ро-

мановский и М. М. Ботвинник. Посетители катались на американских горках, сдавали нормы ГТО. Желаящие насладиться окружающей природой качались в гамаках и лежали в копнах сена. Парк культуры впервые принял 150 тыс. гостей [34, с. 3]. В 1934 г., в день годовщины Конституции СССР на Масляном лугу прошел марш народностей СССР. Во всю высоту Елагина дворца был установлен гигантский герб Советского Союза [35, с. 2].

В 1936 г. праздник Конституции проводился в парках Ленинграда, Гатчины, Детского Села и Петергофа. Вдоль центральной аллеи Елагина острова устроили театрализованные картины, отражавшие важнейшие разделы проекта новой Основного закона СССР – «сталинской Конституции». Оригинальный сценарий помогал посетителям перенестись от шахт Донбасса на пограничную заставу, из капиталистическую нищеты и безработицы в трудовой лагерь гитлеровской Германии. Особое внимание отдыхающих привлекала огромная карта СССР, сделанная из цветов [36, с. 1]. В Петергофе прошли митинги и концерты. Ночью под фанфарный марш загорелись огнями фонтаны: «Небо расколол треск и над дворцом рассыпались пригоршнями золотые и фиолетовые звезды... Над фонтанами загорелась надпись: “Да здравствует право на труд, на отдых...”. “Да здравствует сталинская Конституция!”» [37, с. 4].

Особое внимание в СССР отводилось воспитанию подрастающего поколения. В июне 1934 г. на детский праздник на Елагин остров приехал С. М. Киров. Маленьких ударников учебы приветствовали с трибуны перед дворцом и вручали подарки. После митинга к дворцу подъехала колонна маленьких автомобилей во главе с изящным «Линкольном», что вызвало неподдельный восторг детворы [38, с. 2]. На следующий год праздник, посвященный окончанию учебного года¹, собрал 100 тыс. школьников. На трибуне перед детьми выступил нарком просвещения РСФСР А. С. Бубнов. Лучшие ученики катались по рекам и заливу на пароходах в сопровождении ученых, артистов, спортсменов-парашютистов. На Масляном лугу детям продемонстрировали показательное тушение дворца, над которым взметнулся весьма правдоподобный столб дыма. На пруду состоялся парад венецианских гондол, малайских мореходных

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе // Известия. 1935. № 207. С. 1.

катамаранов, эскимосских кожаных каяков и индейских пирог. Вечером по аллеям парка прошел карнавал старинных сухопутных средств передвижения, во главе его ехали золоченые царские кареты, впервые за много лет покинувшие кладовые Эрмитажа. В конце колонны школьников приветствовали герои Гражданской войны – Чапаев с Петьюкой [39, с. 2].

26 июля 1935 г. Управление петергофских дворцов и парков провело детский смотр самодеятельности. В Верхнем саду на выставке были представлены работы юннатов, кружков юных геологов, авиамоделистов, фотографов. Экскурсия по дворцу сопровождалась литературным чтением произведений, посвященных петергофским паркам. Ребят катали на яхтах, лодках, автомобилях, пони и осликах. Праздник завершился торжественным фейерверком [40, с. 4].

В том же году в Петергофе прошли гуляния, посвященные Дню авиации. В парке выставили самолеты гражданской авиации. Консультанты давали объяснения по управлению самолетами. Во время праздника эскадрилья самолетов продемонстрировала над парком высший пилотаж и прыжки парашютистов в море [41, с. 4].

Одним из знаковых событий, произошедших в Ленинграде в первой половине 1930-х гг., стал праздник встречи «челюскинцев». В 1934 г. после торжественного митинга на площади Урицкого торжественные мероприятия переместились в Центральный парк культуры и отдыха. Трибуна на Масляном лугу была украшена алыми и голубыми (в олицетворение цвета арктических льдов) флагами. На дворце висели огромные стяги: «Добро пожаловать, победители льдов!». В честь «челюскинцев» было организовано карнавальное шествие. Перед трибуной прошли колонны пиццевиков в костюмах пачек папирос и лимонада, коммунальщики с трамваем, деревообрабочники с гигантским стулом. Наконец, проплыл «Красин», а впереди во льдах стояли «челюскинцы». Карнавальное шествие длилось на протяжении двух часов [42, с. 2]. Вечером героев пригласили на банкет в Петергоф, который состоялся в Тронном зале Большого петергофского дворца [43, с. 70–71].

Обсуждение и выводы

Фундаментальной теоретической посылкой для исследователей, изучавших историю досуга, являлось противопоставле-

ние праздников и будней, рассмотрение разнообразных форм отдыха и праздности в качестве перерыва в повседневности [44]. Однако в советской действительности, как справедливо отметила в своем исследовании К. Кухер, в течение предвоенного десятилетия городские парки стали общедоступными учреждениями культуры, предлагавшими сценарии проведения досуга, которым практически не имелось альтернатив [4, с. 309].

Таким образом, созданные в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. в результате масштабного проекта культурных преобразований парки культуры и отдыха были призваны сыграть существенную роль в форсированном преобразовании жизни советских граждан. В меньшей степени их деятельность была направлена на обеспечение возможности «ничегонеделания» трудящихся после тяжелого рабочего дня. Гораздо большее значение придавалось организации активного отдыха и оздоровления горожан, посредством использования достижений технического прогресса и магических инсценировок, приобщения к передовым научным достижениям и героическим подвигам современников, предоставления обычному человеку шанса пережить «потрясающий опыт, суррогат того, чего нет в их жизни» [4, с. 43]. Культурно-просветительские и пропагандистские мероприятия были направлены на воспитание новых поколений граждан в духе социалистических ценностей.

Организация парков культуры и отдыха в бывших императорских резиденциях имела при этом свою специфику: масштабная территория позволяла с минимальными затратами и в кратчайшее время развернуть работу так называемых культурных комбинатов, призванных взаимодействовать с людьми разного возраста, профессии, образования. На первом этапе создание очагов новой советской культуры сопровождалось административными просчетами, но в целом уже в первой половине 1930-х гг. их удалось превратить в настоящие комбинаты отдыха. Пригородные и Центральный парки способствовали созданию новой традиции советской праздничной и досуговой культуры. Зрелищные мероприятия, собиравшие десятки тысяч человек, демонстрировали советскому гражданину мощь государства и олицетворяли успехи в борьбе за победу социалистического строительства. Вместе с тем в отличие от парков, создававшихся практически «с нуля» (как, например,

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького в Москве), бывшие дворцовые комплексы Ленинграда и его пригородов выполняли важную идеологическую функцию: поддерживали паттерн о принадлежности царского наследия трудящимся, обеспечивая тем самым самую широкую поддержку нового строя со стороны народных масс.

Список литературы

1. Глан Б. Н. Парк Горького. Начало истории. М.: Парк Горького, 2013. 208 с.
2. Лунц Л. Б. Парки культуры и отдыха. М.-Л.: Гостройиздат, 1934. 519 с.
3. Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. 439 с.
4. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 350 с. EDN: QPUXLJ
5. Bowlt J. E. Stalin as Isis and Ra: Socialist Realism and the Art of Design // *The Journal of Decorative and Propaganda Arts*. – 2002. – Vol. 24. – Pp. 34–63. DOI: 10.2307/1504182
6. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1999. 336 p.
7. Hoffmann D. L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. New York: Cornell University Press, 2003. 264 p. DOI: 10.7591/j.ctv3mtd1w
8. Shaw C. A Fairground for “Building the New Man”: Gorky Park as a Site of Soviet Acculturation // *Urban History*. – 2011. – Vol. 38. – No. 2. – Pp. 324–44.
9. Siegelbaum L. H. The Shaping of Soviet Workers’ Leisure: Workers’ Clubs and Palaces of Culture in the 1930s // *International Labor and Working-Class History*. – 1999. – No. 56. – Pp. 78–92.
10. Tsipursky G. Socialist Fun: Youth, Consumption, and State-Sponsored Popular Culture in the Soviet Union, 1945–1970. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2016. 360 p. DOI: 10.2307/j.ctt1f89r68
11. Vronskaya A. From Socialist Culture to Capitalist Leisure // *Historic Gardens Review*. – 2013. – No. 28. – Pp. 15–19.
12. Млынская Н. В. Разгоним зеленую скуку (Петергоф и массовые праздники 1930-х годов) // От «царского огорода» к музею-заповеднику: сборник статей по материалам научно-практической конференции, 24–25 апреля 2017 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Государственный музей-заповедник «Петергоф», 2018. – С. 362–369. EDN: ВМАСВЕ
13. Юшманова М. И. «Радио объявило: “Следите за самолетами!”»: звукофикация и праздничное освещение петергофских парков культуры и отдыха в 1930-х гг. // Дворцы и техника: сборник статей по материалам научно-практической конференции, 26 октября 2020 г., Санкт-Петербург. – СПб.: Государственный музей-заповедник «Петергоф», 2021. – С. 253–262. EDN: UCIZUS
14. Савицкий С. А. Преобразование Царскосельского парка в парк культуры и отдыха в 1930-х годах // *Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение*. – 2016. № 2(11). – С. 58–69. EDN: WEZVZR
15. Славнитский Н. Р. Кировские острова в Ленинграде в 1920–1930-е гг. // *История в подробностях*. – 2014. – № 11(53). – С. 72–75. EDN: TIXMPR
16. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6010-ар. Д. 192а.
17. Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП 6028-ар. Д. 208а.
18. Балаева С. Н. Записки хранителя Гатчинского дворца. 1924–1956. Дневники. Статьи. СПб.: Искусство России, 2005. 625 с.
19. Дружинин В. У петергофских фонтанов // *Ленинградская Правда*. – 1932. – № 133. – С. 4.
20. Парк культуры и отдыха // *Ленинградская Правда*. – 1932. – № 130. – С. 4.
21. Открытие Ленинградского парка культуры и отдыха // *Ленинградская Правда*. – 1932. – № 183. – С. 4.
22. Израилевич Л. Здесь фабрикуют отдых // *Вечерняя красная газета*. – 1933. – № 113. – С. 3.

23. Израилевич Л. Островом завладели туристы // *Вечерняя красная газета*. – 1933. – № 139. – С. 3.
24. Капланский Е. Фонтаны в лесах // *Вечерняя красная газета*. – 1933. – № 117. – С. 3.
25. Борецкий В. Здесь оставляют усталость // *Вечерняя красная газета*. – 1933. – № 134. – С. 3.
26. Борецкий В. Почему только в Петергоф? // *Вечерняя красная газета*. – 1933. – № 155. – С. 3.
27. Чазов Г. Весна меняет план // *Социалистический пригород во дворцах и парках*. – 1934. – № 4. – С. 1.
28. Маньков А. Г. Дневники 30-х годов. СПб.: Европейский Дом, 2001. 320 с.
29. Шеманский А. В. Итоги летнего сезона в Петергофе // *Социалистический пригород*. – 1934. – № 108. – С. 4.
30. Январский А. Лето не ждет // *Социалистический пригород*. – 1934. – № 35. – С. 4.
31. Филипов И. Р. Детское село-здравница трудящихся // *Социалистический пригород*. – 1935. – № 175. – С. 4.
32. Синцов Н. Парк готовится к приему трудящихся // *Социалистический пригород во дворцах и парках*. – 1934. – № 2. – С. 2.
33. Рудин С. 60 тысяч в Петергофе // *Ленинградская Правда*. – 1932. – № 158. – С. 4.
34. Борецкий В. Острова не видали такого праздника // *Вечерняя красная газета*. – 1933. – № 154. – С. 3.
35. Аренин К. Праздник конституции // *Ленинградская Правда*. – 1934. – № 158. – С. 2.
36. Аренин К. День конституции в городе Ленина // *Ленинградская Правда*. – 1936. – № 155. – С. 1.
37. Славентатор Д. У Петергофских фонтанов // *Ленинградская Правда*. – 1936. – № 155. – С. 4.
38. Борецкий В. Весело было на Елагином // *Вечерняя красная газета*. – 1934. – № 129. – С. 2.
39. Израилевич Л. Веселые хозяева Кировских островов // *Вечерняя красная газета*. – 1935. – № 133. – С. 2.
40. Детский праздник // *Социалистический пригород*. – 1935. – № 68. – С. 4.
41. День авиации в Петергофе // *Социалистический пригород*. – 1935. – № 189. – С. 4.
42. Карнавал // *Ленинградская Правда*. – 1934. – № 143. – С. 2.
43. Кальницкая Е. Я. Неизвестный эпизод из жизни Большого дворца в Петергофе // *Дворцы и события. К 300-летию Большого Петергофского дворца: сборник статей по материалам научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», 27–28 апреля 2015 г., Санкт-Петербург*. – СПб.: Государственный музей-заповедник «Петергоф», 2016. – С. 68–72. EDN: PNXTTB
44. Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // *Социальная история: ежегодник*. 2007. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – С. 9–21. EDN: OXTAQR

“Here They Fabricate Rest”: Socialist Leisure in the Former Tsarist Parks of Leningrad in the 1930s

Sergei V. Bondarev

The article examines the problems of creating parks of culture and recreation in Leningrad and its suburbs in the first half of the 1930s. New centers of socialist leisure arose on the basis of palace complexes: Peterhof, Detskoe Selo, Gatchina and Elagin Island. The Moscow Central Park of Culture and Rest was the model of the “cultural combine”. Metropolitan experience was introduced on the territory of the former royal residences, where infrastructure for quiet rest, sports, military-defense training, dancing, concerts and educational work was created. The material was prepared on the basis of archival documents stored in the funds of the State Museum-Reserve “Peterhof” as well as publications of Leningrad newspapers. The study examines the emergence of new leisure strategies for Soviet people. Various scenarios of mass holidays in Leningrad parks of culture and recreation,

which gathered tens of thousands of people, were also reconstructed. The author made an attempt to analyze the conditions in which the transformation of the status of these spaces took place: from the tsarist heritage to the advanced achievement of Soviet culture.

Key words: Park of Culture and Rest, royal residence, Peterhof, Detskoe selo, Gatchina, Elagin island, holidays.

For citation: Bondarev, S. V. (2025) «Zdes' fabrikuyut otdyh»: socialisticheskij dosug v byvshih carskih parkah Leningrada v 1930-e gg. ["Here They Fabricate Rest": Socialist Leisure in the Former Tsarist Parks of Leningrad in the 1930s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 10–25. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_10. EDN: ABCVIY

References

1. Glan, B. N. (2013) *Park Gor'kogo. Nachalo istorii* [Gorky Park. The Beginning of History]. Moscow: Gorky Park Publ. (In Russ.)
2. Lunts, L. B. (1934) *Parki kul'tury i otdyha* [Parks of Culture and Leisure]. Moscow-Leningrad: Gostroyizdat. (In Russ.)
3. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet Mass Holidays]. Moscow: RPE. (In Russ.)
4. Kukher, K. (2012) *Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuyu epohu. 1928–1941* [Gorky Park. Leisure Culture in the Stalin Era. 1928–1941]. Moscow: RPE. (In Russ.). EDN: QPUXLJ
5. Bowlt, J. E. (2002) Stalin as Isis and Ra: Socialist Realism and the Art of Design. *The Journal of Decorative and Propaganda Arts*. Vol. 24. Pp. 34–63. (In Russ.). DOI: 10.2307/1504182
6. Fitzpatrick, S. (1999) *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford: Oxford University Press.
7. Hoffmann, D. L. (2003) *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. New York: Cornell University Press. DOI: 10.7591/j.ctv3mtd1w.
8. Shaw, C. (2011) A Fairground for “Building the New Man”: Gorky Park as a Site of Soviet Acculturation. *Urban History*. Vol. 38. No. 2. Pp. 324–44.
9. Siegelbaum, L. H. (1999) The Shaping of Soviet Workers' Leisure: Workers' Clubs and Palaces of Culture in the 1930s. *International Labor and Working-Class History*. No. 56. Pp. 78–92.
10. Tsiursky, G. (2016) *Socialist Fun: Youth, Consumption, and State-Sponsored Popular Culture in the Soviet Union, 1945–1970*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. DOI: 10.2307/j.ctt1f89r68.
11. Vronskaya, A. (2013) From Socialist Culture to Capitalist Leisure. *Historic Gardens Review*. No. 28. Pp. 15–19.
12. Mlynskaya, N. V. (2018) Razgonim zelenuyu skuku (Peterhof i massovye prazdniki 1930-h godov) [Let's Disperse the Green Boredom (Peterhof and the Mass Holidays of the 1930s)]. *Ot «carskogo ogoroda» k muzeyu-zapovedniku* [From the "Tsar's Vegetable Garden" to the Museum-Reserve]. A collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference, April 24–25, 2017, St. Petersburg. St. Petersburg: Peterhof State Museum-Reserve Publ. Pp. 362–369. (In Russ.). EDN: BMACBE
13. Yushmanova, M. I. (2020) «Radio ob'yavilo: “Sledite za samoletami!”»: zvukofikaciya i prazdnichnoe osveshchenie peterhofskih parkov kul'tury i otdyha v 1930-h gg. [«The radio announced: “Watch out for planes!”»: sound systems and festive lighting of Peterhof parks of culture and recreation in the 1930s]. *Dvorcy i tekhnika* [Palaces and technology]. A collection of articles based on the materials of a scientific and practical conference, October 26, 2020, St. Petersburg. St. Petersburg: Peterhof State Museum-Reserve Publ. Pp. 253–262. (In Russ.). EDN: UCIZUS.
14. Savitsky, S. A. (2016) Preobrazovanie Carskosel'skogo parka v park kul'tury i otdyha v 1930-h godah [Transformation of Tsarskoye Selo Park into a Park of Culture and Leisure in the 1930s]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. No. 2 (11). Pp. 58–69. (In Russ.). EDN: WEZVZR
15. Slavnitsky, N. R. (2014) Kirovskie ostrova v Leningrade v 1920–1930-e gg. [Kirov Islands in Leningrad in the 1920–1930s]. *Istoriya v podrobnostyah* [History in Detail]. No. 11 (53). Pp. 72–75. (In Russ.). EDN: TIXMPR

16. *Arhiv GMZ «Peterhof»* [Archive of the State Museum-Reserve Peterhof] (hereinafter – Arhiv GMZ «Peterhof»). PDMP 6010-ar. D. 192a.

17. *Arhiv GMZ «Peterhof»*. PDMP 6028-ar. D. 208a.

18. Balaeva, S. N. (2005) *Zapiski hranitelya Gatchinskogo dvorca. 1924–1956. Dnevnik. Stat'i* [Notes of the Keeper of the Gatchina Palace. 1924–1956. Diaries. Articles]. St. Petersburg: Iskusstvo Rossii Publ. (In Russ.)

19. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1932. No 133. P. 4. (In Russ.)

20. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1932. No. 130. P. 4. (In Russ.)

21. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1932. No. 183. P. 4. (In Russ.)

22. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1933. No. 113. P. 3. (In Russ.)

23. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1933. No. 139. P. 3. (In Russ.)

24. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1933. No. 117. P. 3. (In Russ.)

25. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1933. No. 134. P. 3. (In Russ.)

26. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1933. No. 155. P. 3. (In Russ.)

27. *Socialisticheskij prigorod vo dvorcah i parkah* [Socialist suburb in palaces and parks]. 1934. No. 4. P. 1. (In Russ.)

28. Mankov, A. G. (2001) *Dnevnik 30-h godov* [Diaries of the 1930s]. St. Petersburg: European House Publ. (In Russ.)

29. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. 1934. No. 108. P. 4. (In Russ.)

30. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. 1934. No. 35. P. 4. (In Russ.)

31. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. 1935. No. 175. P. 4. (In Russ.)

32. *Socialisticheskij prigorod vo dvorcah i parkah* [Socialist suburb in palaces and parks]. 1934. No. 2. P. 2. (In Russ.)

33. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1932. No. 158. P. 4. (In Russ.)

34. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1933. No. 154. P. 3. (In Russ.)

35. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1934. No. 158. P. 2. (In Russ.)

36. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1936. No. 155. P. 1. (In Russ.)

37. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1936. No. 155. P. 4. (In Russ.)

38. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1934. No. 129. P. 2. (In Russ.)

39. *Vechernyaya krasnaya gazeta* [Evening red newspaper]. 1935. No. 133. P. 2. (In Russ.)

40. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. 1935. No. 68. P. 4. (In Russ.)

41. *Socialisticheskij prigorod* [Socialist suburb]. 1935. No. 189. P. 4. (In Russ.)

42. *Leningradskaya Pravda* [Leningradskaya Pravda]. 1934. No. 143. P. 2. (In Russ.)

43. Kalnitskaya, E. Ya. (2015) Neizvestnyj epizod iz zhizni Bol'shogo dvorca v Petergofe [An unknown episode from the life of the Grand Palace in Peterhof]. *Dvorcy i sobytiya. K 300-letiyu Bol'shogo Petergofskogo dvorca* [Palaces and events. For the 300th anniversary of the Grand Palace of Peterhof]. A collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference of the State Museum-Reserve "Peterhof", April 27–28, 2015, St. Petersburg. St. Petersburg: State Museum-Reserve Peterhof Publ. Pp. 68–72. (In Russ.). EDN: PNXTTB

44. Pushkareva, N. L. (2008) Istoriya povsednevnosti: predmet i metody [History of everyday life: subject and methods]. *Social'naya istoriya: ezhegodnik, 2007* [Social history: yearbook, 2007]. Moscow: RPE. Pp. 9–21. (In Russ.). EDN: OXTAQR

Об авторе

Бондарев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, докторант отдела современной истории России, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: bondarev_ml@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4087-3557

About the author

Bondarev Sergei V., Candidate of Historical Sciences, Doctoral Student of the Department of Modern History of Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bondarev_ml@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4087-3557

*Статья поступила в редакцию 03.12.2024
Одобрена после рецензирования 24.03.2025
Принята к публикации 01.04.2025*

Повседневная жизнь британских пилотов на территории советского Заполярья в 1941 г. (по воспоминаниям участников)

С. Б. Борисочкин

В статье исследуется повседневная жизнь пилотов Королевских ВВС Великобритании, прибывших в СССР в 1941 г. для оказания помощи советским вооруженным силам в обороне Заполярья. Целью данной статьи является освещение малоизвестной страницы истории Великой Отечественной войны, расширение знаний о советско-британском сотрудничестве и межкультурном взаимодействии. На основе общего анализа воспоминаний участников событий предпринята попытка показать условия жизни, быта, отдыха и иных факторов, влияющих на адаптацию британских пилотов к жизни и выполнению боевых задач в условиях Заполярья. Исследование направлено на понимание влияния аспектов повседневной жизни британских пилотов на ход событий, моральное состояние и формирование союзнических отношений. Основу для данной статьи составили личные свидетельства британских пилотов, собранные в мемуарах и дневниках. Историческое моделирование повседневной жизни базируется на рассказах участников событий, что способствует формированию целостного представления об ее особенностях. Дополнительно были использованы архивные документы и фотографии для уточнения деталей и формирования более полной картины. Взаимопомощь, профессионализм и уважительное сотрудничество с союзниками, обеспечили преодоление трудностей и внесли значительный вклад в успех военных действий, подтверждая ключевую роль человеческого фактора в достижении общей Победы.

Ключевые слова: британские пилоты, Великая Отечественная война, союзники, оборона Заполярья, 151-е крыло Королевских ВВС, повседневная жизнь, воспоминания, условия жизни, рацион питания.

Для цитирования: Борисочкин С. Б. Повседневная жизнь британских пилотов на территории советского Заполярья в 1941 г. (по воспоминаниям участников) // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 26–47. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_26. EDN: AEIBDY

Введение

В преддверии Великой Отечественной войны отношения между СССР и Великобританией, омраченные идеологическими разногласиями и историческими противоречиями, были непростыми. Германская агрессия против СССР стала фактором, ускорившим сближение давних оппонентов перед лицом общей угрозы.

Поддержка Великобритании представляла большую ценность для СССР в тяжелый период войны. Военное, разведывательное и дипломатическое сотрудничество стало стратегически важным элементом противостояния общему врагу. Особое значение приобрели поставки авиационной техники, крайне необходимой для достижения превосходства в воздухе. В кратчайший срок британские пилоты были передислоцированы на аэродром в советское Заполярье для участия в боевых операциях.

Присутствие британских военнослужащих в СССР, даже в ограниченном количестве, имело важное символическое значение, демонстрируя единство союзников в борьбе против нацизма.

Исследование особенностей повседневной жизни британских пилотов на территории Заполярья в 1941 г. представляет собой малоизученный аспект советско-британского военного сотрудничества периода Великой Отечественной войны. Существующие исследования в основном фокусируются на стратегических и политических аспектах взаимодействия, уделяя недостаточно внимания социокультурной адаптации британских военнослужащих на территории СССР.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Оно способствует более глубокому пониманию советско-британского сотрудничества в начальный период войны, выходя за рамки традиционного анализа совместных боевых действий. В условиях современной геополитической напряженности изучение опыта сотрудничества между странами перед лицом общей угрозы приобретает особую значимость. Анализ нарративных источников позволяет воссоздать истинную картину повседневной жизни, что способствует более эмоциональному и глубокому пониманию истории. Описание процесса адаптации британских пилотов к советскому быту и суровым условиям Севера представляет интерес для современных исследований в сфере изучения повседневной

жизни, социокультурных аспектов и опыта межкультурного взаимодействия в условиях войны.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного анализа повседневной жизни британских пилотов в Заполярье на основе широкого круга нарративных источников. Выявлены ранее неизвестные факты и детали, отражающие процесс адаптации британских военнослужащих к арктической среде, непривычному быту и взаимодействию с местным населением. Предложена новая интерпретация советско-британского сотрудничества, учитывающая социокультурные аспекты и личный опыт участников.

Данное исследование способствует не только углублению знаний о повседневной жизни в военное время и взаимодействию союзников по антигитлеровской коалиции, но и предлагает новые подходы к анализу нарративных источников, что расширяет возможности исторической реконструкции.

Основу исследования составляют воспоминания британских пилотов, служивших в советском Заполярье в 1941 г., таких как E. Carter [1], H. Griffith [2], R. Holmes [3], P. Wilkinson [4], N. Cameron [5], A. Ross [6], P. Knapton, C. Haw и др., воспоминания лётчика З. Сорокина [7; 8], а также архивные материалы. Для анализа использованы работы ученых, занимающихся изучением советско-британского сотрудничества в годы Второй мировой войны, в частности британских исследователей E. Mawdsley [9] и J. Golley [10], австралийского исследователя J. Beaumont [11], российских историков А. Марданова [12], М. Жирохова [13] и В. Котельникова [14]. Важными для понимания отдельных аспектов темы оказались научные статьи исследователей А. Конеева [15] и М. Морозова [16]. Значимым источником также послужил сборник «Союзники в войне 1941–1945: К 50-летию Победы» (под ред. А. О. Чубарьяна, У. Ф. Кимболла, Д. Рейнолдса) [17], содержащий исследования различных аспектов взаимодействия СССР и стран антигитлеровской коалиции. Данные материалы в совокупности позволяют реконструировать особенности повседневной жизни британских военнослужащих в условиях войны в Заполярье и понять их восприятие советской действительности.

Цель исследования – реконструкция особенностей повседневной жизни британских пилотов в советском Заполярье в 1941 г. на основе анализа воспоминаний участников событий.

В задачи исследования входит выявление основных аспектов повседневной жизни британских пилотов в условиях Заполярья (быт, питание, досуг, взаимодействие с советскими военнослужащими и местным населением), анализ влияния условий жизни на моральное состояние и боеспособность британских пилотов и оценка вклада нарративных источников в изучение истории советско-британского военного сотрудничества.

Начало операции британских Королевских ВВС «Force Benedict»

22 июля 1941 г. военно-политическим руководством Великобритании было принято решение о создании специального авиационного подразделения для действий на территории СССР – 151-го авиакрыла Королевских ВВС, оснащенного истребителями «Hawker Hurricane». Основными задачами подразделения были оборона военно-морской базы в г. Мурманске и сотрудничество с советскими войсками [17].

151-е крыло, общей численностью около 550 чел., было организовано в следующую структуру: штаб, две авиационные эскадрильи и подразделения наземного обеспечения полетов. Каждая из двух авиационных эскадрилий включала в себя лётный состав, общая численность которого составляла 38 пилотов. Подразделения наземного обеспечения состояли из военных врачей, специалистов по оборудованию и связи, водителей и другого вспомогательного персонала. Технический состав, около 100 чел., под руководством инженер-офицера, отвечал за обслуживание и ремонт самолётов. Штаб крыла, осуществлявший общее руководство и планирование операций, состоял из командира, адъютанта, оперативного отдела, метеорологов, шифровальщиков и специалистов разведки [2, с. 19].

Личный состав крыла представлял собой многонациональную команду, включавшую англичан, шотландцев, валлийцев, австралийцев, ирландцев, канадцев, поляков и одного родезийца. Пилоты отличались разным уровнем подготовки: от новичков до ветеранов, прошедших битву за Британию и имевших на счету сбитые немецкие самолеты. Средний возраст пилотов составлял 21 год [1, с. 72].

Совершив переход через Северную Атлантику и Норвежское море на кораблях конвоя «Dervish», 151-е крыло прибыло в советское Заполярье 31 августа 1941 г. [11].

Во время плавания военнослужащие Королевских ВВС проводили время за турнирами по настольному теннису, дартсу, карточными играми и чтением, устраивались театральные представления и концерты [4, с. 97]. Помимо развлечений, проводились теоретические занятия. Особый интерес вызвал доклад адъютанта крыла, касающийся изменений, произошедших в России после 1917 г. Офицеры медицинской службы прочитали курс лекций, охватывающих вопросы гигиены, безопасности питания и воды, профилактики обморожений, снежной слепоты и венерических заболеваний. Потомок русских эмигрантов, офицер разведки 151-го крыла, дважды в день проводил занятия по изучению языка. Однако русский язык оказался трудным для освоения, и за время плавания большинство смогли выучить лишь алфавит и несколько простых фраз. Самой полезной, по общему мнению, оказалась фраза: «Я англичанин. Я не понимаю по-русски».

Исходя из обстановки на Северном фронте, портом назначения был выбран Архангельск, куда конвой доставил танки, топливо, металлы, медикаменты и другое оборудование, необходимое для советской промышленности и поддержания боеспособности Красной армии в тяжелые месяцы начала войны [9]. Помимо этого, в порт Архангельска доставили в разобранном виде 14 самолетов 151-го крыла. Ещё 24 самолета этого подразделения должны были перелететь с авианосца «Argus» в Баренцевом море непосредственно на аэродром базирования [13].

Операция «Force Benedict» была организована британским правительством за рекордно короткое время – чуть более недели, что свидетельствует о её важности для союзников.

Повседневная жизнь британских военнослужащих в г. Архангельске

По прибытии судов в Архангельск была сформирована передовая группа специалистов, в течение суток оперативно доставленная на аэродром «Ваенга-1» на транспортных самолётах. Основная часть личного состава, около 200 военнослужащих, была отправлена в г. Мурманск на двух кораблях британского флота. Дополнительно, двумя железнодорожными эшелонами было перевезено еще около 200 чел. В Архангельске осталась группа технических специалистов для проведения работ по сборке

истребителей и пилоты для их передислокации к месту базирования Королевских ВВС в Заполярье.

Местом для сборки самолетов был выбран аэродром на острове Кего в дельте р. Северная Двина. При разгрузке выяснилось, что инструмент для сборки самолетов был небрежно упакован и размещен. Отмечалась нехватка ряда основных инструментов, включая специальные ключи для крепления воздушных винтов. Оперативное взаимодействие с советскими техническими специалистами, характеризующееся высоким уровнем профессионального взаимопонимания и доброжелательности, а также ориентацией на совместный поиск решений, позволило за одну ночь изготовить на заводе «Красная Кузница» недостающий британский инструмент, что способствовало оперативному устранению возникшей проблемы [14].

На период проведения сборочных работ технический персонал был размещен на старом колесном пароходе «Иван Каляев». Аскетичные условия проживания на борту характеризовались ограниченностью пространства, минимальными удобствами и плохим соблюдением санитарных норм.

Британские военнослужащие отмечали своеобразие рациона питания, предложенного советской стороной. Завтрак состоял из копченого лосося, колбасы, хлеба и картофеля. На полдник подавался чай без молока, «по-русски», с черным хлебом и маслом. Обеденное меню состояло из картофельного супа, голубцов, стейка, рыбных котлет, жареного картофеля и компота. Ужин включал жареную щуку, мясные котлеты и какао. Для разнообразия использовались продукты, привезенные из Великобритании – говядина, консервированный картофель и соленые огурцы [2].

Британские военнослужащие положительно оценивали питание, предоставляемое им в г. Архангельске, особенно в сравнении с нормами снабжения в военное время на территории Англии. Качество питания было высоким, однако из-за непривычного состава русской кухни у части технического персонала возникли проблемы с пищеварением, настолько серьезные, что с корабля конвоя был вызван британский врач для оказания медицинской помощи.

По завершении сборки было организовано несколько демонстрационных полётов для командования советского ВМФ. Стремясь максимально эффективно продемонстрировать воз-

возможности своих истребителей, британские пилоты допускали грубые нарушения правил безопасности полётов, в частности пролетали на сверхмалой высоте прямо над зрителями. Сами участники в своих дневниках отмечали, что подобные действия в Великобритании повлекли бы за собой суровые дисциплинарные взыскания, вплоть до ареста.

В результате длительных переговоров с советским командованием личному составу 151-го крыла была предоставлена возможность посетить г. Архангельск. Изначально доступ на берег был разрешен только офицерам. Первые контакты британских военнослужащих с советским гражданским населением, зафиксированные в дневниках участников операции «Force Benedict», содержат ценные этнографические наблюдения.

В дневниковых записях одного из офицеров крыла содержится описание эпизода, произошедшего в порту. Офицер, наблюдая с борта корабля за работой группы молодых женщин, занятых погрузкой леса, отметил высокую интенсивность труда, самоорганизацию и отсутствие непосредственного контроля со стороны руководства. Погрузочные работы осуществлялись с высокой скоростью, при этом перерывы были кратковременными и использовались для поддержания хорошего настроения и отдыха. Сам офицер предпринял попытку оказать помощь молодым женщинам, однако не смог поддерживать высокий темп работы, заданный советскими работницами, и ему пришлось вернуться на корабль, со стыдом объясняя это русским девушкам тем, что три недели в плавании сказались на его физической форме. В своем дневнике британский офицер выразил удивление энтузиазмом и энергией, проявленными русскими женщинами при выполнении тяжелой работы. Данный эпизод интерпретируется офицером как свидетельство значительного потенциала и самоотдачи советского гражданского населения, вносящего существенный вклад в поддержку военных действий [2, с. 30].

Пилот А. Холмс в дневнике описал г. Архангельск как место, где ощущается безысходность. Влажный климат, обилие комаров и раннее наступление темноты создавали для англичан неблагоприятную эмоциональную атмосферу. Местное население, плохо одетое, редко улыбающееся, выглядело суровым и апатичным. Неприятный запах, вызванный местным табаком,

запахом тела, водки и одежды, дополнял картину. Холодные климатические условия вынуждали местных жителей постоянно оставаться в теплой стеганой одежде. В городе бросалось в глаза отсутствие бездомных животных, набережная с деревянными постройками была в плохом состоянии, стены зданий обветшали, в городском кинотеатре с жесткими деревянными сиденьями ощущались духота и неудобства. Вода из реки считалась непригодной для питья без кипячения или стерилизации [3].

Для первого посещения города группе из двенадцати британских офицеров был предоставлен советский гид-переводчик, молодая красивая девушка получившая лингвистическое образование в Киевском университете. После прибытия в Архангельск британцы были лишены возможности прогулки по городу и были сразу направлены в ресторан для ознакомления с местной кухней. Далее А. Холмс описывает вечер в ресторане с большим количеством водки и невкусной еды. В течение вечера к группе английских офицеров присоединилась команда советских офицеров-переводчиков, которые подробно расспрашивали их о жизни в Великобритании, войне в Европе и о том, что именно они делают в СССР. А. Холмс и остальные британцы отказались от местного алкоголя и не отвечали на какие-либо острые вопросы советских офицеров [3].

Согласно дневниковым записям пилота П. Нэптона, наиболее популярным местом у британцев являлся ресторан «Sevair» («Север»), который представлял собой заведение общественного питания, со скромным интерьером и ограниченным набором услуг, ассортимент состоял из блюд, характерных для региона. Англичане, в частности, отдавали предпочтение чесночной колбасе, овощным супам («borsch» и «schee») и ржаному хлебу. Британцы также отмечали постоянное присутствие в ресторане лиц, предположительно, причастных к разведывательным структурам СССР.

Санитарно-гигиеническое состояние туалетной комнаты в ресторане отмечалось в дневниках всеми британскими офицерами и характеризовалось неудовлетворительным уровнем чистоты. Непосредственно у выхода располагался деревянный стол, за которым находилась пожилая женщина, осуществлявшая распыление на посетителей низкокачественных ароматизирующих средств с резким, неприятным запахом. Данный факт был отмечен многими британцами, присвоив-

шими аромату метафорическое наименование «The breath of Stalin» («Дыхание Сталина») [1, с. 113].

По инициативе народного комиссара ВМФ адмирала Н. Кузнецова, в целях укрепления взаимодействия между советскими и британскими офицерами, 8 сентября 1941 г. в Архангельском морском клубе состоялся торжественный ужин. Согласно описанию Н. Кэмерона, мероприятие отличалось масштабностью и обилием угощений, алкогольных напитков, закусок и икры. Праздничный вечер начался с произнесения тостов за глав государств. Н. Кэмерон отмечает, что инициатива адмирала Н. Кузнецова, предложившего осушить бокалы залпом, привела к стремительному опьянению британских офицеров, в то время как советские офицеры сохраняли большую устойчивость к воздействию алкоголя. Кульминацией вечера стало совместное исполнение русского народного танца командиром британского авиакрыла и адмиралом. Завершение мероприятия ознаменовалось необходимостью привлечения медицинского персонала крыла для эвакуации британских военнослужащих. Н. Кэмерон также указывает на проявления повышенной эмоциональности и доброжелательности по отношению к союзникам со стороны советских офицеров в состоянии алкогольного опьянения [5].

По воспоминаниям адъютанта крыла Х. Гриффита, 200 британских военнослужащих были направлены к месту базирования в Мурманской области железнодорожным транспортом. Логистические трудности, связанные с пропускной способностью однопутной линии и приоритетом военных перевозок, обуславливали неопределенность в сроках прибытия, варьирующихся от двух-трех до шести и более дней.

Личному составу был выдан недельный продовольственный паек. Питание включало в основном консервированную тушенку, которую разогревали прямо в вагонах с использованием спиртовки. Во время остановок на станциях осуществлялось пополнение запасов кипятка для приготовления чая. Переполненность вагонов потребовала размещения военнослужащих, включая офицерский состав, в условиях очень ограниченного пространства. Была организована лотерея для распределения матрасов, набитых соломой. Ночевка осуществлялась в одежде для минимизации дискомфорта от жестких сидений. Гигиенические процедуры в пути были очень

затруднены. Ежедневное бритье и умывание проводилось с использованием крайне ограниченного количества воды.

В ходе следования была произведена остановка для пропуска санитарного поезда, что стало поводом для знакомства и позитивного общения между советскими и британскими военнослужащими. Мемуары британцев свидетельствуют о взаимном обмене приветствиями и продовольствием, в частности консервированным мясом, печеньем, консервированным черносливом, шоколадом, мятными конфетами и сигаретами. Знание Х. Гриффитом русского языка позволило установить коммуникацию и выразить солидарность с советской стороной в борьбе против общего врага. Британцы с удивлением обнаружили, что простые советские солдаты очень рады их прибытию. Персонал санитарного поезда также демонстрировал искреннее дружелюбие. Под аплодисменты сотни военнослужащих двух стран русская медсестра пришла одному из британских офицеров пуговицы на форме. В ходе общения в неформальной обстановке наблюдалась демократичность и открытость в обсуждении вопросов, независимо от воинского звания, что свидетельствовало о произошедших изменениях в социальной структуре советского общества. На память об этой встрече советскими солдатами британцам был подарен народный музыкальный инструмент «garmonica» [2].

Следует отметить массовое проявление исключительной доброжелательности со стороны советских граждан по отношению к прибывшему британскому контингенту. Британскими военнослужащими была дана высокая оценка потенциалу советских вооруженных сил, один из офицеров в беседе с командованием крыла отметил: «Я чертовски рад, что они на нашей стороне, а не против нас!» [6].

Повседневная жизнь британских пилотов на территории Мурманской области

Лагерь для англичан располагался на окраине аэродрома «Ваенга-1», в 18 км к северо-востоку от г. Мурманска, на песчаном плато в березовом лесу, окруженном холмами. Кирпичные казармы, штаб, столовая и другие постройки находились на расстоянии 500 м друг от друга, на отдельных лесных полянах, что обеспечивало естественную маскировку и снижало уязвимость при бомбардировках.

Ближайшая часть аэродрома находилась в 800 м от лагеря, а самая дальняя – в 2,5 километрах. Пилотам и наземному персоналу приходилось неоднократно преодолевать это расстояние по ухабистым тропам и грунтовыми дорогам, которые осенние дожди превращали в болото [13].

Офицерский состав разместили в двухэтажном здании из красного кирпича, напоминавшем загородный особняк. На первом этаже располагался штаб крыла: оперативная комната, лазарет и склады. На втором этаже, в просторных спальнях, размещались по три офицера. Спальни выходили в коридор без коврового покрытия, что усиливало любой звук. Поэтому оживленное общение или пение в одной из комнат могло лишить сна половину офицеров крыла. В результате шум после определенного часа строго регламентировался. По свидетельству британцев, комнаты были чистыми и светлыми, а от военнослужащих крыла здание получило название «Кремль».

Британским пилотам (унтер-офицерам и сержантам) предложили выбрать для проживания комнаты в одноэтажном кирпичном доме, оборудованном двойными окнами и электрическим освещением. Мебели почти не было – лишь по три кровати в комнате. Одежда и чистое постельное бельё предоставлялись советской стороной один раз в неделю. Каждая комната отапливалась дровяной печью-буржуйкой. Шкафы для личных вещей отсутствовали, воду приходилось носить с улицы, а умываться можно было лишь из холщовых умывальников на деревянных подставках. Уличный туалет примитивного типа вызывал у прибывших ужас. Командиром крыла были изданы строгие приказы об открытии окон для проветривания, соблюдении светомаскировки, правилах топки печей [1, с. 124].

Отсутствие элементарных удобств уравнивало офицеров и рядовых. Ни в офицерских, ни в сержантских жилых помещениях, ни в казармах не было водопровода и канализации. Офицерский туалет казался более презентабельным – восьмиугольная ротонда с выгребной ямой в центре и восемь кабинками по кругу, вместо унитазов стальные перекладки для ног, постоянно покрытые нечистотами.

Таким образом, размещение британских пилотов и обеспечение бытовых удобств характеризовались сложными условиями, обусловленными климатическими особенностями

ми Заполярья, низким уровнем развития инфраструктуры и дефицитом ресурсов.

7 сентября 1941 г. 24 истребителя «Hurricane» перебазировались с авианосца на аэродром «Ваенга-1». Рассредоточив самолеты на стоянке, англичане тут же оказались в окружении лётчиков ВВС СФ (военно-воздушных сил Северного флота), с любопытством осматривавших иностранные истребители. Британцы отметили контраст между собой и русскими пилотами: форма советских морских лётчиков была более строгой, утилитарной и тёплой – все они были с короткостриженными волосами, в тяжелых кожаных плащах и лётных шлемах, с личным оружием. Английские лётчики же напротив носили длинные волосы, были в коротких утепленных кожаных куртках и новых лётных комбинезонах свободного кроя из плотной хлопчатобумажной ткани цвета «RAF Blue-Grey». Одежду и личные вещи, в том числе граммофон и пластинки, британские пилоты перевезли в отсеках своих истребителей.

После знакомства британских пилотов доставили к зданию столовой. Это было длинное бревенчатое здание с простой обстановкой: деревянные столы, старые стулья и большая печь для обогрева. Столовая была ярко освещена и безупречно чиста, англичан приветливо встречали нарядные русские официантки. Британцев изумило меню завтрака: мясные стейки, черная икра, сыр, черный хлеб, бокалы бренди и шампанское в невероятных количествах [1, с. 122].

Стоит отметить, что к этому времени сложная ситуация в Заполярье усугублялась нехваткой продуктов питания, так как продовольственное снабжение региона было крайне затруднено. Вопрос снабжения 151-го крыла продовольствием обсуждался заранее на встречах в народном комиссариате ВМФ СССР в Москве. Несмотря на гарантированное обеспечение продуктами запасами из Англии, британская военная миссия запросила дополнительное снабжение свежими овощами, яйцами, молоком и фруктами [18].

Рацион британских пилотов в Заполярье зависел от наличия продовольствия, но был весьма разнообразным. На завтрак подавали мясо (часто котлеты), белый хлеб, джем и сливочное масло, отличного качества и в неограниченных количествах. Обеденное меню неизменно включало холодную закуску из коп-

ченого лосося, черную икру и отборную ветчину, суп (борщ или щи), основное мясное блюдо и консервированные фрукты в сиропе на десерт. Ужин был схож с обедом, с мясным блюдом или без него. Иногда меню дополнялось омлетами из свежих яиц, гусиным мясом или жареными мясными стейками. К каждому приему пищи подавали чай «по-русски».

Качество и количество питания полностью удовлетворяли военнослужащих, которые отмечали: «Этого не съест и двум англичанам». Однако отношение к рациону различалось. Опытные офицеры, привыкшие к разнообразию кухонь мира, оценивали меню высоко. Молодые же пилоты, привыкшие к столовым Королевских ВВС, находили его странным и непривычным. Несмотря на обильное питание, ощущалась нехватка свежих фруктов и зелени. Медицинский персонал крыла ежедневно выдавал витамины.

Употребление алкогольных напитков в британском лагере жёстко регламентировалось: до ужина действовал полный запрет, а красное вино ежедневно бесплатно выдавалось только офицерскому составу. Пилоты-сержанты имели возможность легального приобретения алкоголя по сниженным ценам в специально оборудованном баре при столовой. Например, бутылка крепкого джина стоила всего 4 шиллинга 6 пенсов (примерно 1500 р. по современному курсу) [2]. В ходе переговоров с советским командованием, британский офицер заявил о необходимости обеспечения рядовых солдат пивом за плату, ссылаясь на соответствующие британские военные нормы. Подчеркивалось, что в случае отсутствия советских поставок, британская сторона готова организовать самостоятельную доставку пива, запасов которого хватало примерно на три недели.

В связи с наступлением холодной погоды, по рекомендации медицинской службы крыла, командир распорядился о ежевечерней выдаче рома. В качестве согревающего и успокоительного средства британским военнослужащим выдавалось по полстакана крепкого грога (смесь рома и воды). Несмотря на контроль сержантов при получении, один капрал потерял сознание после трех лишних порций, сослуживцы нашли его лежащим в сугробе до того, как он замерз насмерть [2].

В своих воспоминаниях британские военнослужащие отмечают, что столовая и бар стали для них своего рода клубом,

который они посещали каждый вечер в виду отсутствия альтернативных мест досуга.

Несоответствие между небольшой вместимостью столовой (100 мест) и большим количеством британцев вынудило организовать питание в пять смен. Это создавало значительную нагрузку на местный персонал, стремящийся обеспечить своевременное обслуживание.

С целью оптимизации работы столовой командование крыла предложило британским военнослужащим адаптироваться к местным условиям и использовать личные столовые приборы и кружки, самостоятельно очищая их после еды, так как это было принято на авиабазах Королевских ВВС в Англии. Заведующая столовой категорически отвергла предложение использовать личную посуду британцами, считая это неприемлемым для гостей. Конфликт ставил под угрозу выполнение программы полетов, оперативного обслуживания и ремонта самолетов, но одновременно демонстрировал гостеприимство, уважение и готовность к сотрудничеству [2, с. 54].

Британские пилоты быстро подружились с молодыми официантками, многие с нетерпением ждали обеда, чтобы пообщаться с девушками. Официантки мило и приветливо общались, с удовольствием знакомили англичан с названиями русских блюд, но, в свою очередь, не проявляли интереса к изучению английского языка [1, с. 153].

Регулярное посещение офицерами ВВС СФ столовой Королевских ВВС свидетельствует об их стремлении к налаживанию дружеских контактов. Отмечались трудности в произношении британских воинских званий, что привело к упрощению обращений. Ко всем техникам 151-го крыла, независимо от их реального имени и звания, советские коллеги обращались «Мистер Гиттинс», по фамилии главного инженера крыла. Британские офицеры и солдаты внешне проявляли уважение к советскому командованию, вставая при их появлении в столовой и приглашая к столу. Во время одного из таких случаев, в ходе беседы британский офицер предложил советским союзникам обращаться к ним «товарищи», после чего поднял тост за победу над общим врагом.

Все англичане, принимая во внимание сложные местные условия, с благодарностью отмечали, что командование ВВС

СФ, офицеры, солдаты и персонал прилагали максимум усилий и принимали их как дорогих гостей. Командир 151-го авиакрыла в беседах с подчиненными, отзываясь о заботе советских людей, говорил: «Они готовы сделать для нас всё, что в их силах» [2, с. 85]. По воспоминаниям британских пилотов, в советском Заполярье они ели вкуснее и сытнее, чем когда-либо прежде [6].

Британским военнотружущим бесплатно предоставлялась возможность посещения бани в п. Ваенга. Банное обслуживание рядового и сержантского состава осуществлялось четыре раза в неделю, офицерского – дважды. Баня, расположенная в кирпичном здании, характеризовалась британцами хорошей организацией и чистотой. Процедура включала помывку под душами с горячей и холодной водой, а затем посещение парной с очень высокой температурой, после чего следовало охлаждение и одевание. Персонал бани, представленный женщинами среднего возраста в комбинезонах и платках, осуществлял традиционное парение березовыми вениками. Многолетний опыт работы сформировал у персонала нейтральное отношение к нахождению в помещении с обнаженными посетителями, но их присутствие очень смущало молодых британцев. После банных процедур военнотружущие переодевались в чистую одежду, отмечая ощущение свежести, прилива сил и поднятие настроения.

Генерал-майор А. Кузнецов, командующий ВВС СФ, регулярно проводил оперативные совещания, на которые приглашался командир 151-го крыла. Примечательно, что однажды подполковник Г. Ишервуд был вызван на совещание непосредственно в баню, где в неформальной обстановке обсуждались вопросы оперативной обстановки и взаимодействия [2, с. 59].

Русская баня в п. Ваенга обеспечивала полноценные гигиенические процедуры, что способствовало поддержанию здоровья и боевого духа британских военнотружущих. Организация банного обслуживания, учитывая ограниченные ресурсы и разницу в гигиенических привычках, потребовала адаптации и компромиссов для обеспечения надлежащих санитарных условий.

Анализ отдела политпропаганды ВВС СФ выявил проблемы с культурным обслуживанием британцев в связи с отсутствием художественной литературы на английском языке в библиотеке авиабазы. Для личного состава крыла был организован концерт Ленинградской государственной эстрады, высоко оцененный

британской стороной, и посещение выставки трофейной немецкой техники в г. Мурманске [19]. Информационное обслуживание осуществлялось посредством газеты «Moscow Daily News», англоязычного издания, ориентированного на иностранную аудиторию.

Согласно воспоминаниям британских пилотов, наблюдался взаимный интерес к национальной военной атрибутике, в частности к обмену знаками различия. Впоследствии приобретение и ношение красноармейских звезд и знаков военно-морской авиации СССР на военной форме вместе с эмблемами Королевских ВВС отражало уважение, стремление к культурному обмену и укреплению дружественных связей.

4 сентября 1941 г. состоялись похороны сбитого в бою британского пилота Н. Смита. После панихиды гроб, накрытый британским и советским флагами, доставили на кладбище героев Северного флота. Траурная процессия сопровождалась проявлением искреннего уважения и сочувствия со стороны местных жителей, отдаaniem воинских почестей советскими военнослужащими. По воспоминаниям англичан, слезы на глазах советских людей оказали на них очень сильное эмоциональное воздействие [1–4; 6].

Для размещения дежурных сил крыла на аэродроме было оборудовано помещение, предназначенное для ожидания приказов на вылет. В целях создания комфортных условий британские пилоты обустроили просторную землянку чугунной печью и системой вентиляции. Вдоль стен были установлены двухъярусные деревянные кровати. Досуг в ожидании боевого вылета включал чтение, игры (шахматы, карты), отдых и прослушивание граммофона. В своих дневниках пилоты с негодованием отмечают случай, когда в условиях низких температур советские техники зашли в землянку и по привычке поставили на печь канистру с бензином для подогрева, после чего с удивлением и непониманием наблюдали за выбегающими в панике британцами [1].

3 октября 1941 г. было объявлено о прекращении водоснабжения аэродрома на пять дней, что потребовало от британцев принятия экстренных мер по экономии воды. Вестовые собирали дождевую воду для британских офицеров, при этом общий запас воды составлял 0,6 литра на человека в день. Контрастирующим событием того дня явился ужин для всех британцев с русскими блинами и шампанским [2]. За ужином подполковник Г. Ишервуд проинформировал пилотов крыла

касательно решения советского командования о денежных выплатах за уничтожение немецких самолётов. Согласно правилам, за сбитый самолёт выплачивалась 1 000 р., что было эквивалентно месячному окладу командира крыла (20 фунтов) [15]. Британские пилоты единогласно отказались от индивидуальных выплат, решив направить средства в Благотворительный фонд Королевских ВВС [4].

5 октября 1941 г. группа военнослужащих крыла совершила первую поездку в г. Мурманск. Чтобы не замерзнуть в пути, британцы использовали форменные русские шапки-ушанки, подаренные советскими лётчиками. Несмотря на изнурительность маршрута по ухабистым заснеженным дорогам, поездка представляла собой нетипичный эпизод в повседневной жизни и вызвала у британцев большой интерес. Встреча с местным населением в клубе характеризовалась тем, что значительная часть советских женщин носила военную форму и имела при себе оружие. Танцы требовали строгого соблюдения правил приличия, но это не исключало приятного дружеского общения. Основное внимание со стороны британцев уделялось трём молодым переводчицам, прикомандированным к крылу¹.

В ходе переподготовки советских летчиков на английские самолеты возникли определенные сложности, обусловленные более высоким средним возрастом и значительным опытом советских пилотов по сравнению с их британскими коллегами [7]. Первоначально советские лётчики выражали скептицизм относительно возможности приобретения новых навыков у британских инструкторов, демонстрируя гордость за советский истребитель «И-16», подчеркивая его прочность и сложность управления. Однако британские пилоты акцентировали внимание на универсальности «Hawker Hurricane», отмечая его пригодность для пилотирования лётчиками с различным уровнем подготовки. В процессе обучения при возникновении ошибок пилотирования, приводивших к повреждениям самолетов, британские инструкторы в шуточной форме напоминали советским лётчикам об их заявлениях об их исключительности («Только лучшие пилоты могут летать на «И-16»). Данный подход, воспринятый в дружеском ключе, способствовал укреплению сотрудничества и взаимопонимания [8].

¹ Imperial War Museums: Haw, Charlton (Oral history) // Imperial War Museums. Available at: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/80011767> (accessed 14 March 2025).

На аэродроме состоялся ряд неформальных встреч между советскими и британскими пилотами. В ходе дружеской вечеринки в гостях у советских лётчиков произошло знакомство с национальными культурными традициями, связанными с употреблением алкоголя. Несмотря на предостережения, многие британцы быстро опьянели, следуя русской традиции употребления водки залпом. Один из офицеров потерял сознание и едва не умер от асфиксии, вызванной западением языка, однако был спасен командиром медицинского подразделения крыла.

В связи с нелетной погодой британцы пригласили советских коллег в свою столовую с ответным визитом. В качестве шутки молодые британские пилоты заменили воду в кувшинах для разбавления виски на крепкий джин. Вечеринка прошла в оживленной и теплой дружеской атмосфере. В воспоминаниях британцев отмечается курьезный эпизод проводов советских гостей после этой встречи, когда при посадке очередного лётчика в небольшой автобус, другой его коллега выпал с противоположной стороны под общий смех всех участников [1].

По завершении программы переподготовки и передачи самолетов ВВС СФ, потребовалось несколько недель для решения вопросов, связанных с передислокацией 151-го крыла в Англию. В ожидании решения для британских военнослужащих был организован показ английских и американских фильмов в кинотеатре п. Ваенга. В соответствии с распоряжением командования, свободное время уделялось физической подготовке, включавшей зарядку, марш-броски, футбол, лыжные прогулки, соревнования по дартсу, стрельбе из винтовки и пистолета. Утренние занятия физическими упражнениями на открытом воздухе проводились для всех британских военнослужащих до тех пор, пока температура воздуха не опустилась ниже -10°C . Чтобы разнообразить досуг, в условиях обилия снега, молодые британские пилоты устраивали катание по территории аэродрома на санях, привязанных к грузовику, играли в снежки и лепили снеговиков [10].

В преддверии отбытия в Англию британские офицеры организовали масштабный прощальный ужин, на который было приглашено более пятидесяти советских командиров, лётчиков и инженеров. Для приема гостей в штабном здании, в длинном коридоре были установлены дополнительные светильники, накрытые белыми скатертями, столы украсили английские

спиртные напитки и блюда русской кухни. 24 ноября 1941 г. основной состав 151-го крыла покинул аэродром для возвращения в Англию на кораблях конвоя «QR-3». Всё имущество, включая предметы обихода, было передано советской стороне, однако ввиду низких температур британское командование обратилось с просьбой оставить на время морского перехода личному составу крыла английские одеяла и спальные мешки, с условием немедленного их возврата после прибытия в Великобританию [20].

При формировании походного ордера конвоя в море со стороны Кольского залива появилась эскадрилья из 12 истребителей «Hawker Hurricane», ведомая Героем Советского Союза Б. Сафоновым. Британский личный состав, находившийся на палубах кораблей, наблюдал демонстрационный пролет эскадрильи над конвоем на бреющем полете. Эскадрилья разделилась на две группы: одна группа осуществляла многократные бреющие пролёты над кораблями, вторая – патрулировала прибрежную зону. В завершение майор Б. Сафонов собрал эскадрилью в строй «Hendon formaggers», характерный только для Королевских ВВС. Советские пилоты, «отдав честь» покачиванием крыльев, выполнили прощальный бреющий пролёт и скрылись в облаках [12].

Пилот Дж. Элкингтон эмоционально описал это в своём дневнике: «Никто и никогда не говорил: "До свидания и спасибо" так вежливо и трогательно. Мы все стояли на палубах, плакали, махали руками и кричали им "До свидания"» [1, с. 240].

Взаимоотношения советских и британских пилотов, зародившиеся в условиях военного времени, отличались не только профессиональным уважением, но и дружбой, и личной привязанностью. Совместное преодоление трудностей, боевые вылеты, участие в культурных мероприятиях и неформальное общение способствовали установлению доверительных связей и взаимопонимания между военнослужащими Великобритании и СССР, что подтверждается искренностью чувств, запечатленных в дневниках и мемуарах.

Обсуждение и выводы

Воспоминания участников тех или иных событий представляют собой ценный, хотя и субъективный источник исторических данных о повседневности. Они позволяют исследовать микроисторию, раскрывая детали быта, межличностных от-

ношений, эмоционального состояния и мировоззрения людей определенной эпохи. В отличие от официальных документов, мемуары отражают личный опыт, восприятие событий и субъективную интерпретацию реальности, что позволяет увидеть историю «изнутри», глазами ее непосредственных участников.

Воспоминания британских пилотов о повседневной жизни в Заполярье отражают личную точку зрения авторов, которая может быть подвержена предвзятости и влиянию времени, фокусируясь на наиболее ярких или значимых моментах. Участники событий создавали свои мемуары в определенном социокультурном контексте, который мог влиять на интерпретацию происходящего и выбор описываемых деталей, приукрашивая события или умалчивая о негативных аспектах.

Анализ воспоминаний британских пилотов о повседневной жизни в советском Заполярье в 1941 г. позволяет заключить, что адаптация к суровым климатическим условиям и непривычной культурной среде потребовала от англичан значительных эмоциональных и физических усилий, стойкости и изобретательности. Изучение особенностей рациона питания, организации досуга, а также практик поддержания морального духа и здоровья, показывает, как повседневные рутинные дела становились инструментами выживания и эффективного выполнения боевых задач. Преодоление трудностей стало возможным благодаря взаимопомощи, чувству юмора, находчивости, профессионализму и тесному сотрудничеству с советскими союзниками, основанному на взаимном уважении.

Это взаимодействие, наряду с высоким уровнем морального духа, оказало существенное влияние на ход военных действий в регионе, подчеркивая важность человеческого фактора в условиях войны и ценность международного сотрудничества для достижения общей Победы.

Список литературы

1. Carter E. Force Benedict. Churchill's Secret Mission to save Stalin. L.: Hodder & Stoughton, 2014. 352 p.
2. Griffith H. R.A.F. in Russia. L.: Hammond, Hammond & Co., Ltd., 1942. 96 p.
3. Holmes R. Sky Spy: From Six Miles High to Hitler's Bunker. L.: Airlife Publishing Ltd, 1997. 336 p.
4. Wilkinson P. The Royal Air Force in north Russia – 1941 by Air Cdre // Royal Air Force Historical Society Journal. 2006. No 36. Pp. 92–104.
5. Cameron N. In the Midst of Things. L.: Hodder & Stoughton, 1986. 256 p.

6. Ross A. *Through Eyes of Blue*. Shrewsbury: Airlife, 2002. Pp. 116–118.
7. Сорокин З. А. *Друзья-однополчане*. М.: Воениздат, 1962. 116 с.
8. Сорокин З. А. *Крылатые гвардейцы*. М.: Воениздат, 1966. 168 с.
9. Mawdsley E. *World War II: a new history*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. 353 p.
10. Golley J. *Hurricanes over Murmansk*. Shrewsbury: Distributed by Sterling Pub. Co, 1987. 216 p.
11. Beaumont J. *Comrades in arms: British aid to Russia 1941–1945*. L.: Davis-Poynter, 1980. 264 p.
12. Марданов А. А. *Воздушная война в Заполярье*. М.: Яуза-каталог, 2015. 512 с.
13. Жирохов М. А. *Асы над тундрой*. М.: Центрполиграф, 2011. 272 с.
14. Котельников В. Р. *Истребитель «Хоукер Харрикейн». Герой битвы за Британию и Восточного фронта*. М.: Яуза-пресс, 2022. 128 с.
15. Конеев А. Н., Федулов С. В. Финансовый аспект советско-британского военно-морского технического сотрудничества в годы Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал*. 2018. № 2. С. 16–23. EDN YTSRNJ
16. Морозов М. Э. *Союзники в Заполярье* // *Флотомастер*. 2000. № 2. С. 48–54.
17. *Союзники в войне 1941–1945: К 50-летию Победы*. Сборник / под ред. А. О. Чубарьяна, У. Ф. Кимболла, Д. Рейнолдса. М.: Наука, 1995. 452 с.
18. *Центральный архив Министерства обороны РФ (архив ВМФ) (Филиал ЦАМО (архив ВМФ))*. Ф. 12. Оп. 128. Д. 49.
19. *Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ)*. Ф. 2. Оп. 773. Д. 8.
20. *Филиал ЦАМО РФ (архив ВМФ)*. Ф. 12. Оп. 128. Д. 49.

Daily Life of British Pilots in the Soviet Arctic in 1941 (According to the Participants' Memoirs)

Stanislav B. Borisochkin

The article examines the daily lives of the pilots of the Royal Air Force of Great Britain who arrived in the USSR in 1941 to assist the Soviet Armed Forces in the defense of the Arctic. The purpose of this article is to describe the little-known page in the history of the Great Patriotic War, to expand the knowledge about the Soviet-British cooperation and intercultural interaction. Based on the general analysis of the memories of the participants of the events, an attempt is made to show the living conditions, lifestyle, recreation and other factors affecting the adaptation of the British pilots to the life and combat missions in the Arctic. The research aims to understand the impact of various aspects of the British pilots' daily lives on the course of events, morale and formation of allied relations. The personal testimonies of the British pilots collected in memoirs and diaries serve as a basis for this article. Historical modeling of the everyday life is based on the authentic narratives of the participants of the events, which contributes to the formation of a holistic view of the features of everyday life of the period under study. Additionally, archival documents and photographs were used to clarify the details and form a more complete picture. Mutual assistance, professionalism and respectful cooperation with the allies ensured overcoming difficulties and made a significant contribution to the military operations' success, confirming the key role of the human factor in achieving a common victory.

Key words: British pilots, the Great Patriotic War, the allies, the defense of the Soviet Arctic, the 151st Wing of the Royal Air Force, daily life, memories, living conditions, diet.

For citation: Borisochkin, S. B. (2025) *Povsednevnyaya zhizn' britanskih pilotov na territorii sovetskogo Zapolyar'ya v 1941 g. (po vospominaniyam uchastnikov)* [Daily Life of British Pilots in the Soviet Arctic in 1941 (According to the Participants' Memoirs)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 26–47. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_26. EDN: AEIBDY

References

1. Carter, E. (2014) *Force Benedict. Churchill's Secret Mission to save Stalin*. L.: Hodder & Stoughton.
2. Griffith, H. (1942) *R.A.F. in Russia*. L.: Hammond, Hammond & Co., Ltd.
3. Holmes, R. (1997) *Sky Spy: From Six Miles High to Hitler's Bunker*. L.: Airline Publishing Ltd.
4. Wilkinson, P. (2006) *The Royal Air Force in north Russia – 1941* by Air Cdre. Royal Air Force Historical Society Journal. No. 36. Pp. 92–104.
5. Cameron, N. (1986) *In the Midst of Things*. L.: Hodder & Stoughton.
6. Ross, A. (2002) *Through Eyes of Blue*. Shrewsbury: Airline. Pp. 116–118.
7. Sorokin, Z. A. (1962) *Druz'ya-odnopolchane* [Fellow soldier friends]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
8. Sorokin, Z. A. (1966) *Krylatye gvardejcy* [The Winged Guards]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
9. Mawdsley, E. (2009) *World War II: a new history*. Cambridge: Cambridge univ. press.
10. Golley, J. (1987) *Hurricanes over Murmansk*. Shrewsbury: Distributed by Sterling Pub. Co.
11. Beaumont, J. (1980) *Comrades in arms: British aid to Russia 1941–1945*. London: Davis-Poynter.
12. Mardanov, A. A. (2015) *Vozdushnaya vojna v Zapolyar'e* [The air war in the Arctic]. Moscow: Yauza-catalog. (In Russ.)
13. Zhirokhov, M. A. (2011) *Asy nad tundroj* [Aces over the tundra]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
14. Kotelnikov, V. R. (2022) *Istrebitel' «Houker Harrikejn». Geroj bitvy za Britaniyu i Vostochnogo fronta* [The Hawker Hurricane fighter. The hero of the Battle of Britain and the Eastern Front]. Moscow: Yauza Press. (In Russ.)
15. Koneev, A. N., Fedulov, S.V. (2018) *Finansovyy aspekt sovetsko-britanskogo voenno-morskogo tekhnicheskogo sotrudnichestva v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The financial aspect of Soviet-British naval technical cooperation during the Great Patriotic War]. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. No. 2. Pp. 16–23. EDN YTSRN (In Russ.)
16. Morozov, M. E. (2000) *Soyuzniki v Zapolyar'e* [Allies in the Arctic]. *Flotmaster* [Floatmaster]. No. 2. Pp. 48–54. (In Russ.)
17. (1995) *Soyuzniki v vojne 1941–1945: K 50-letiyu Pobedy* [The Allies in the war of 1941–1945: On the 50th anniversary of Victory]. Collection / edited by A. O. Chubaryan, W. F. Kimball, D. Reynolds. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. *Central'nyj arhiv Ministerstva oborony RF (arhiv VMF) (Filial TSAMO (arhiv VMF))* [Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Navy Archive)] (hereinafter – TSAMO Branch of the Russian Federation (Navy Archive)). F. 12. Op. 128. D. 49.
19. TSAMO Branch of the Russian Federation (Navy Archive). F. 2. Op. 773. D. 8.
20. TSAMO Branch of the Russian Federation (Navy Archive). F. 12. Op. 128. D. 49.

Об авторе

Борисочкин Станислав Борисович, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: s.borisochkin@mail.ru; ORCID ID: 0009-0005-0351-3092

About the author

Borisochkin Stanislav B., Postgraduate of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: s.borisochkin@mail.ru; ORCID ID: 0009-0005-0351-3092

*Статья поступила в редакцию 27.03.2025
Одобрена после рецензирования 25.04.2025
Принята к публикации 30.04.2025*

«...И думать о красе ногтей»: маникюр в военной повседневности ленинградцев (1941–1945)

Е. Д. Твердюкова

В статье рассматривается тема бытовой повседневности жителей Ленинграда времен Великой Отечественной войны. Освещены вопросы деятельности предприятий коммунального обслуживания блокадного города, практики ухода за руками, работы мастеров по маникюру. Предпринимается попытка охарактеризовать состав клиентуры маникюрных салонов. Указанная проблематика рассматривается впервые в историографии на основе дневников ленинградцев, делопроизводственных документов и нормативно-правовых актов. Исследование позволило сделать вывод о том, что довоенная практика ухода за руками, являвшаяся частью концепта «культурности», сохранялась в ограниченном масштабе в годы войны и блокады. Потребителями соответствующих услуг были не только люди, имевшие доступ к продуктам. В ряде отраслей городского хозяйства (пищевой и табачной промышленности, торговле, общественном питании) был распространен так называемый санитарно-гигиенический маникюр. По мере улучшения продовольственного снабжения к услугам мастеров по маникюру все чаще прибегали и обычные горожане, что можно рассматривать как элемент возвращения к привычным повседневным практикам и возрождения городской бытовой культуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинград, блокада, маникюр, парикмахерские, бытовое обслуживание.

Для цитирования: Твердюкова Е. Д. «...И думать о красе ногтей»: маникюр в военной повседневности ленинградцев (1941–1945) // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 48–66. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_48. EDN: AHFKLD

Введение

Историография блокады Ленинграда чрезвычайно обширна. В новейшем библиографическом указателе литературы и источников по истории Ленинграда военных лет учтено более 10 тыс. публикаций на 14 языках, вышедших с 1941 по 2022 гг. [1]. Однако работы, посвященные блокадной повседневности, занимают среди них весьма скромное место¹. Основной причиной тому, как представляется, служит то, что традиционно в фокусе внимания историков находятся вопросы жизнеобеспечения ленинградцев в первый, наиболее тяжелый, год осады города. В таких исследованиях жизнь обычных людей, как правило, описывается как жизнь в катастрофе, в которой не находилось места привычным, в частности гигиеническим, практикам. Например, С. В. Яров, давший яркую иллюстрацию того, как выглядели «уставшие, обессиленные, опустошенные, даже утратившие волю к жизни» люди, объяснял отказ от привычки следить за своей внешностью и гигиеной зимой 1941/1942 гг. не только исчезновением цивилизованного быта, закрытием бань, парикмахерских, но и так называемой «моральной дистрофией» [5, с. 201]. При этом, детально описывая типичные лица, фигуру, походку блокадников, он не уделил внимания тому, как выглядели их руки. В дневниках современников тех событий соответствующие свидетельства также немногочисленны. Так, например, руки Е. И. Кочиной, при бездействующем водопроводе вынужденной стирать пеленки своей дочки в воде из проруби, покрылись глубокими трещинами: «Видно мясо. Когда я погружаю их в ледяную воду, то вою от нестерпимой боли. Но это только в первый момент. Потом лучше». Руки своего 35-летнего мужа, не справившегося с работой на лесозаготовках, Кочина описывает как «бледные, покрытые грязью, с посиневшими ногтями – руки трупа» [6, с. 183, 187].

Разрушение коммунальной инфраструктуры, холод, необходимость выполнять тяжелую работу (пилить и колоть дрова, тушить «зажигалки» на крышах домов, участвовать в лесозаготовках и очистке города в рамках трудовых мобилизаций и т. п.) заставляли забывать о «красе ногтей». В дневнике литератора С. К. Островской 18 февраля 1942 г. появилась

¹ Среди современных авторов, активно и плодотворно разрабатывающих тему блокадной повседневности, прежде всего следует назвать В. Л. Пянкевича и М. В. Ходякова [2; 3; 4 и др.].

запись: «Мои руки, красотой которых я всегда гордилась, стали обыкновенными руками занятой и неопрятной хозяйки. Ногти чистить надо ежеминутно, заусеницы, следы от ожогов. Желтизна от самокруток. Моя маникюрша Таиса – если когда-нибудь увижу вновь эту попечительницу моих рук в течение многих лет – не воскликнет больше, поглаживая мои пальцы:

– Ах, какие бархатные руки! Вот приятно работать!.. Сразу видно, что никогда ни кастрюльки не возьмете, ни даже чайной ложки не вымоете...

Теперь – все делаю и за все берусь» [7, с. 296].

В ходе настоящего исследования впервые в историографии предпринимается попытка ответить на вопрос, как ухаживали за руками жительницы Ленинграда военной поры, работали ли в городе маникюрные кабинеты и были ли доступны и востребованы услуги мастеров по маникюру.

Основными источниками при написании статьи послужили дневники жителей Ленинграда, делопроизводственные документы, отложившиеся в фондах Ленгоссовета и Управления предприятиями коммунального обслуживания Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Санкт-Петербургского научно-исследовательского института радиационной гигиены Центрального государственного архива научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб), нормативно-правовые акты, определявшие принципы работы бытовых предприятий.

Результаты

В контексте идеологии «бытового аскетизма», господствовавшей в СССР в 1920-е гг., уход за руками и за лицом с помощью декоративной косметики воспринимался негативно, как элемент буржуазного шика. В одной из брошюр, рекомендованной для чтения рабочей молодежи Ленинградским обкомом ВЛКСМ, проводился тезис, согласно которому косметика способствовала умалению личной и общественной ценности девушки-комсомолки: «Косметика – первая ступень *вниз* [курсив наш – Е. Т.]: вслед за ней, чаще – рядом, идут “флирт”, вечерушки, ранняя половая жизнь, неразбериха в личном быту вообще и плавный, но прогрессирующий отход не только от общественной работы, но от всякой общественной жизни вообще»

[8, с. 38]. Девушки, которые тратились на маникюр, были отнесены автором (врачом-гигиенистом) к категории «злостных косметчиц». По его наблюдению, они совершенно не участвовали в коллективных мероприятиях или же выполняли «чисто-механические» задачи (к примеру, собирали взносы).

Однако на рубеже 1920–1930-х гг. уход за кожей рук и ногтями стал рассматриваться не только как гигиеническая мера, но и неотъемлемая часть реализации программы «культурности» – важного императива сталинской повседневности, ориентированной в числе прочих на высокие стандарты индивидуального потребления. А идеология культурности стала одним из средств интеграции «низов» в систему квазиэлитарных ценностей [9, с. 199; 10, с. 104]. Один из постоянных авторов популярного «Женского журнала» доктор Аркадьин в 1929 г. констатировал, что редкая городская жительница хотя бы периодически не прибегала к маникюру. Призывая делать его раз в неделю, он критиковал моду использовать цветной лак, считая ее чрезвычайно вредной, ведущей к утончению и ломкости ногтевой пластины [11, с. 21].

Таким образом, уход за руками преподносился прежде всего как важное оздоровительное мероприятие для широких масс трудящихся. Среди некоторых категорий работников (например, в пищевой, табачной промышленности, торговле продовольственными товарами, общественном питании) пропагандировался так называемый производственный (санитарно-гигиенический) маникюр. Ногти при этом не покрывали лаком. Для придания им блеска проводилась полировка с помощью миндальной пасты или порошка. Миндальная паста для полировки ногтей состояла из миндальных отрубей, фиалкового корня, розовой воды и меда, порошок – из окиси цинка, талька, кармина и розового масла. Тонкий слой пасты наносили непосредственно на ногти, а порошок – на полессуар-утюжок, после чего ноготь полировался до блеска. Для отбеливания ногтей мастера по маникюру применяли жидкость из смеси воды, перекиси водорода и нашатырного спирта.

Вообще же ассортимент продуктов для ухода за ногтями не был велик. Помимо упомянутых средств, отечественные фабрики и артели выпускали лак для ногтей и жидкость для его снятия на основе ацетона. Лак изготовлялся из нитроклетчатки, раство-

ренной в ацетоне и амилацетате и подкрашенной искусственными красителями [12, с. 44]. Государственных стандартов на его рецептуру не существовало. Действовало только положение Наркомата здравоохранения РСФСР, согласно которому в красителях не должны были присутствовать соединения бария (кроме сернистого), меди, мышьяка, ртути, свинца и хрома [13, с. 43].

Горожанки, не связанные по роду своей деятельности с ограничениями по использованию цветного лака, могли позволить себе один из нескольких его оттенков, производившихся в конце 1930-х гг.: перламутрового, розового или красного. Всего накануне Великой Отечественной войны отечественной промышленностью выпускалось пять номеров лаков [14, с. 28].

Должности маникюрш включались в штатные расписания парикмахерских. В 1935 г. в Ленинграде имелось 239 оборудованных мест для производства маникюра, официально трудоустроены были 332 мастера [15, с. 153, 157]. Санитарные правила работы коммунальных предприятий, разработанные в 1930-е гг., обязывали маникюрш соблюдать все гигиенические требования, перед каждым посетителем мыть руки с мылом, проводить дезинфекцию инструментов. Им запрещалось курить в рабочем помещении, вести посторонние разговоры между собой и с клиентами, принимать посетителей вне очереди и по знакомству, а также получать чаевые. Стоимость услуг зависела от разряда мастера. Первый разряд присваивался сотрудникам со стажем до одного года, выполнявшим работы по обрезке, зашлифовке ногтей, обрезке заусениц и излишних наростов кожи, покрытию лаком и полировке ногтей. Маникюрши с опытом работы от одного до трех лет, проделывавшие те же операции, а также умевшие придать правильную форму ногтям (миндалевидную, полуострую или острую), удостоивались второго разряда. К высшему (третьему) разряду с 1944 г. относились мастера со стажем более трех лет, выполнявшие высокохудожественные работы по маникюру и умевшие составлять комбинированные сорта лака [16, с. 17–18].

Маникюрши должны были помнить, что «руки клиента предназначены для труда, а не для безделья», на них возлагалась почетная задача – воспитывать у советских женщин правильное понятие о красоте ногтей [17, с. 6]. Однако эффект от массированного внедрения культуры в широкие слои населения был

неоднозначен. С. К. Островская записала в дневнике 21 июля 1940 г.: «Вошь жрет социализм – обывательская вошь в образе многомиллионного советского мещанина. Жрет с наслаждением и с остервенением... сейчас “количественная подготовка” дает основание думать о переходе в новое качественное состояние чистых занавесок с геранями, маникюра, перманента и фокстрота, с самодовольным и микроскопическим кругозором семейной зажиточности и газетных прописных истин» [7, с. 244].

Однако с началом войны следовать устоявшимся привычкам ухода за собой, включая уход за руками и ногтями, становилось проблематичным, особенно в условиях блокады. Ассортимент парфюмерно-косметических изделий всех предприятий отечественной промышленности был существенно сокращен вследствие недостатка сырья. В частности, ввиду отсутствия парфюмерного масла, вазелина, церезина ленинградская фабрика № 4 Главпарфюмера ограничивалась выпуском стеариновых кремов нескольких наименований («Перламутровый», «Белая ночь», «Кольд-крем», «Шипр»). За 1942 г. было выпущено 97,9 тыс. штук «косметических изделий для защиты кожи от атмосферных влияний и смягчения кожных покровов», за 1943 г. – 172,8 тыс. штук [18, л. 18]. Выработка лака для ногтей и жидкости для его снятия была временно изъята из производственной программы фабрики. В ограниченном масштабе эту продукцию выпускали кустарные предприятия, например мастерская при Всесоюзном театральном обществе (ВТО) и артель «Трудовой химик». Пользуясь отсутствием стандартов, кустари изготавливали продукты крайне невысокого качества, что подтверждалось в ходе неоднократных проверок. Например, исследование лаборатории коммунальной гигиены, проведенное в 1944 г., показало, что лак для ногтей на 60 % состоял из цапонлака, смешанного с ацетоном и грушевой эссенцией. Внешне он выглядел как «мутная густая жидкость клюквенно-красного цвета» с осадком на дне, ложился неравномерно и долго сох. Растворитель для лака представлял собой чистый ацетон, разлитый по стеклянным пробиркам, закупоренным корковыми пробками и залитым смолкой [19, л. 183–186].

В этих условиях мастера по маникюру изготавливали самостоятельно лаки для ногтей и средства по уходу за руками. Так, основой для лака служил раствор целлулоида в ацетоне или других растворителях: кусочки киноплёнки, фотоплёнки или

рентгеновских снимков (7–8 частей) заливали растворителем (93–92 части) и оставляли в закупоренной посуде на несколько дней до получения однородной массы, затем массу разбавляли растворителем до консистенции жидкого лака и добавляли несколько капель касторового масла. Для придания цвета к этой массе добавляли анилиновые краски или краплаки [20, с. 67].

Согласно устоявшейся практике, места для производства маникюра располагались в парикмахерских, работавших в составе районных коммунальных отделов, а также кооперации: промышленной и городского союза кооперативных артелей инвалидов. Однако в отличие от довоенных лет, когда в парикмахерских имелись отдельные комнаты для маникюра (по крайней мере, в заведениях повышенного типа, оказывавших более широкий спектр услуг), в годы блокады все основные операции по уходу за волосами и руками клиентов сосредоточивались в общем рабочем зале. В подсобке обычно располагались вмазанный в печь бак для нагрева воды или керосинка, шкафы для одежды персонала и хранения белья и деревянный ящик для грязных полотенец и салфеток. Другие помещения были законсервированы или служили для складирования дров. Рабочие места мастеров по маникюру представляли собой низенькие столики, на которых располагалась покрытая салфеткой маленькая подушка, а сбоку ставилась чашка с теплой мыльной водой, в которую клиент опускал кончики пальцев для согревания и размягчения ногтей.

С 26 октября 1941 г. для общедоступных парикмахерских был установлен режим работы с 8 до 19 часов (по субботам – до 20 ч). В парикмахерских закрытого типа график определялся руководством предприятий и учреждений, при которых они функционировали. В связи с дефицитом электроэнергии, воды, топлива в первую блокадную зиму все они прекращали свою деятельность. 16-летняя школьница Нелли Черненкова записала в дневнике 6 декабря 1941 г.: «Было 5 уроков. Хотела зайти в парикмахерскую сделать маникюр, но она закрыта, т. к. нет света»¹.

Ленгорисполком решением от 26 января 1942 г. обязал райисполкомы немедленно возобновить работу парикмахерских, обеспечив их электроэнергией и теплом [21, л. 271]. Как справедливо отметил С. В. Яров, руководство города заботила

¹ Черненкова Н. Г. Дневник // Прожито: цифровой архив личных документов [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/1966> (дата обращения: 10.01.2025).

прежде всего «завшивленность» населения, чреватая распространением эпидемий [5, с. 207]. Так что возможность делать маникюр «по-старому» (по выражению С. К. Островской) явилась побочным следствием санитарных мероприятий. Однако открытие предприятий бытового обслуживания происходило медленно. Из 437 парикмахерских, работавших в городе накануне войны, к 1 марта 1942 г. удалось восстановить работу только 91 [22, л. 5; 23, л. 18]. 22 марта 1942 г. С. К. Островская отметила в дневнике: «На Бассейной открылась парикмахерская со свободным доступом для всех граждан, где за 2 руб. можно сделать маникюр. Не иду» [7, с. 316].

К середине ноября 1942 г. в Ленинграде числилось 136 мастеров по маникюру, в том числе в системе РКО – 69, в системе Горкоопсоюза – 8, в промкооперации – 59 [24, л. 3]. На 1 июля 1943 г. в Ленинграде имелось 198 действующих парикмахерских, в которых было оборудовано 143 места для маникюра [25, л. 44–45].

В связи с дефицитом электроэнергии с 5 ноября 1942 г. режим работы парикмахерских был установлен с 9 до 17 часов, для бесперебойного обслуживания населения города выделялись 45 дежурных заведений с удлинённым рабочим днем с 8 до 20.30 часов [23, л. 85; 26, л. 90]. Однако, как выявлялось в ходе проверок, большинство парикмахерских произвольно устанавливали часы своей работы. 26 ноября 1942 г. в Ленгорисполкоме были озвучены многочисленные факты, свидетельствующие о том, что за трудовой дисциплиной в предприятиях бытового обслуживания никто не следил, мастера систематически опаздывали, и никто не привлекал их за это к ответственности. Только в одной парикмахерской Выборгского района маникюрша и дамский мастер были отданы под суд за то, что ушли «неизвестно куда», пока посетители ожидали обслуживания [27, с. 336].

Из-за отсутствия лака для ногтей в продаже маникюрши доставали его или изготавливали самостоятельно, взимая с клиентов в свою пользу дополнительную плату, помимо вносившихся в кассу 2–2,50 р. Стоимость таких услуг была разная: «Одна берет (в Ленинском районе) 3 руб., другая (в Куйбышевском районе) 5 руб., третья (в Смольнинском районе) 1 руб.» [27, с. 337]. Городскими властями такая система взимания платы была названа «прямо обираловской», но противостоять установившейся практике в условиях отсутствия централизованного снабжения

коммунальных предприятий было сложно. Производство лака для ногтей на ленинградской парфюмерной фабрике № 4 удалось возобновить лишь в 1943 г. В течение года в фабричной лаборатории было разработано шесть оттенков лака (от розового до темно-вишневого), быстросохнущих (со скоростью высыхания до 1 минуты); три из них были выпущены в продажу [28, л. 10 об.].

Чтобы обеспечить соблюдение гигиенических правил, маникюрша была обязана на виду у каждого нового посетителя тщательно вымыть руки с мылом, сменить салфетку на подушке, на которой клиент держал руки, протереть все инструменты ватой, смоченной дезинфицирующим раствором (например, 3-процентным мыльно-карболовым раствором), ополоснуть чашку и налить в нее теплой воды, опустив туда кусочек мыла. Последнее требование обуславливалось технологией покрытия ногтей лаком, заключавшейся в том, чтобы теплый лак наносился на теплые ногти. Маникюршам рекомендовалось согревать руки клиента сухим теплом над электроплиткой, над лампочкой или в специальном электросушильном шкафчике. В блокадной действительности ввиду жесткого лимита электроэнергии обеспечить такие условия было невозможно. Поэтому большинство мастеров практиковали так называемую «мокрую просушку», в ходе которой лак наносился на холодные ногти, но для сохранения его блеска клиенту следовало погрузить руки в воду, подогретую до 30–40 градусов [17, с. 39]. При дефиците топлива горожанам порой приходилось нести в парикмахерскую свой собственный керосин, чтобы маникюрши могли провести необходимые процедуры.

Как показало проведенное в 1945 г. сотрудниками Научно-исследовательского санитарно-гигиенического института исследование, мастера по маникюру плохо знали санитарные правила, которым должны были следовать. При этом все опрошенные маникюрши (за исключением одной) чистосердечно признались, что довольно часто допускали порезы пальцев клиентов [29, л. 1 а]. В этой связи врачи-гигиенисты задались вопросом, насколько велик был риск возникновения гнойных и грибковых поражений кожи в ходе получения услуг по уходу за ногтями. Непосредственному санитарному осмотру было подвергнуто 30 рабочих мест маникюра в парикмахерских райкомунотделов и артелей инвалидов, расположенных

в разных концах города. Было установлено, что лишь в единичных случаях мастера мыли руки при смене клиентов. Столь же редко дезинфицировали чашку и меняли салфетку, рабочие халаты нередко были несвежими. Лишь 2–3 маникюрши знали, каким раствором следовало обеззараживать инструменты, а большинство показывало на стоявшую на столике склянку без наклейки, часто грязную, которую они наполняли из бутылки с дезраствором, находившейся у заведующей. Еще хуже дело обстояло с кровоостанавливающими средствами. Несмотря на то что применение квасцов категорически запрещалось, маникюрши пользовались ими для остановки кровотечений при порезах. На вопрос о том, есть ли йод, всегда следовал ответ, что имеется, но находится в аптечном шкафчике и пользоваться им не приходится [29, л. 4].

Бактериологические исследования смывов с инструментов, рук маникюрш, полотенец и салфеток в ходе исследования 1945 г. не выявили патогенных грибков, но почти на всех объектах (за исключением рук маникюрш и ножниц) были обнаружены различные виды плесени, особенно на салфетках, служивших для обтирания рук клиентов. Согласно нормам расхода на инструмент, парфюмерию и материалы для парикмахерских в РСФСР, утвержденным в марте 1944 г., одному мастеру по маникюру полагалось 2 шт. кривых ножниц на три года, прямые ножницы для ногтей и кусачки для кожицы – по 1 шт. на два года, лопатка для сдвигания кожицы и копые для очистки ногтей – по 1 шт. на пять лет, кисточки колонковые – 2 шт. на один год, полиссуар для полировки ногтей – 1 шт. на три года; ежедневно должен был выдаваться 100-граммовый кусочек пемзы [16, с. 35]. Поскольку государственных мастерских по выпуску принадлежностей для парикмахерских и маникюрных кабинетов не имелось, а артели большей частью переориентировались на другую производственную программу, маникюрши были вынуждены работать своими собственными инструментами, сохранившимися с довоенной поры, ибо их нечем было заменить. Неудивительно в этой связи, что все без исключения проверенные в лаборатории санитарно-гигиенического института инструменты оказались заражены кокковыми формами бактерий, причем наибольшее их количество выявлялось на ножницах и кисточках для покрытия ногтей лаком. Всего было выделено

59 штаммов бактерий. Оценивая с санитарной точки зрения производство маникюра в ленинградских парикмахерских, сотрудники института назвали его небезопасным, констатируя ряд серьезных нарушений [29, л. 7]. Совершенно очевидно, что в годы блокады и по объективным причинам (нехватка электричества и топлива, бездействие водопровода и перебои в работе прачечных, призванных обеспечивать предприятия коммунального обслуживания чистым бельем), соблюдать гигиенические требования при операциях ухода за ногтями было практически невозможно. Следовательно, риск возникновения кожных заболеваний должен был оставаться высоким, однако врачи-дерматологи соответствующей статистики не вели.

Закономерен вопрос, насколько востребованы были услуги мастеров по маникюру в блокированном городе? К сожалению, отчеты о работе парикмахерских содержат лишь общую статистику посетителей, без детализации по видам оказанных услуг. Весьма вероятно, что этими возможностями не пренебрегали так называемые «блокадные жены», бывшие содержанками городских управленцев и директоров продуктовых распределителей и столовых, в то время как законные супруги последних находились в эвакуации. Как отметила американский историк А. Пери, сексуальные услуги стали (наряду с едой) валютой в осажденном Ленинграде. Это позволяло предприимчивым девушкам быть всегда хорошо одетыми, тщательно причесанными, с ярким маникюром [30, с. 186–187]. Ленинградцы действительно нередко упоминали в своих дневниках о женщинах, разительно отличавшихся от общей массы горожанок здоровым цветом лица («розовощекие девчонки, крепкие женщины, пахнущие здоровьем»), и задавались вопросом: «Кто помогает им, мужья или любовники?» [31, с. 59]. Как бы подразумевая второй ответ на этот вопрос, инспектор РОНО Л. К. Заболотская описала в конце августа 1942 г. типичную бытовую сцену: «...Я вижу легкий, изящный автомобиль, подъезжающий к Исполкому. Жирная туша Архипова [председателя райисполкома – Е. Т.] вылезает оттуда... букет цветов у него в руках... Букет одной из этих, накрашенных, завитых и наманикюренных “дам”» [32, с. 127].

Среди постоянных клиенток мастеров по маникюру, очевидно, были и сотрудницы баз, магазинов, столовых, о которых писал, например, начальник цеха завода им. Молотова И. А. Савин-

ков: «Работников, связанных с питанием, сразу можно отличить от всех остальных людей, живущих только на свою карточку. Это прежде всего жирная, упитанная туша, разодетая в шелка, бархат, модные ботинки, туфли. Золото в ушах, на пальцах, груди и обязательно часы...» [33, л. 59–59 об.]. Такие «аристократки от плиты» не отказывали себе в уходовых процедурах даже в самое тяжелое «смертное» время, когда парикмахерские бездействовали. К примеру, в январе 1942 г. директор столовой № 40 (на проспекте Володарского, 51а) была оштрафована санинспекцией Куйбышевского района за производство педикюра в рабочее время в варочном цехе, что являлось вопиющим нарушением санитарного режима [34, л. 15]. Архитектор Э. Г. Левина 5 мая 1942 г. зафиксировала в дневнике рассказ парикмахера: «Вы знаете, я уже 5 дней так сыта, меня каждый день приглашает клиентка – то причесать, то брови подкрасить; и на столе у нее и рыба, и каша, и кильки, и сыр, и масло, а хлеба – сколько угодно» [35, с. 169–170]. Закономерно предположить, что такой же спрос был и на услуги «на дому» мастеров по маникюру.

При этом было бы ошибкой считать, что уход за руками в осажденном Ленинграде остался уделом лишь «блокадных жен» и «аристократок от плиты». Судя по имеющимся свидетельствам, некоторые женщины стремились остаться красивыми даже в самый тяжелый период осады. Поэтесса О. Ф. Берггольц в ожидании встречи с новым возлюбленным 29 ноября 1941 г. записала в дневнике: «Вот тепер, пожалуй, я уехала бы из Ленинграда. Очень донимает голодовка... Вчера и сегодня интенсивный артобстрел (делала в “Астории” маникюр, а рядом рвались снаряды, на площади, но страшно не было)... мы хотим закатиться с Юрой “на баррикады” на всю ночь... мы сварим похлебочку из 3 картошек, выпьем очень маленькую бутылку водки, я одену Муськино зеленое платье, – я в нем чудесная, только бы опухоль к завтрашнему дню сошла с лица, я буду петь ему, читать стихи, говорить с ним, целовать его...» [36, с. 63]. Упоминания об уходе за руками встречаются и на других страницах «Блокадного дневника» поэтессы (например, 26 мая 1942 г.: «... можно было бы наработаться всласть... А я долго маникюрела ногти, мыла голову» [36, с. 225]).

Но для большинства горожан, очевидно, маникюр воспринимался как элемент оставшейся в прошлом мирной жиз-

ни. В условиях неопределенности своей дальнейшей судьбы психологически им было тяжело вспоминать об этом, и они не торопились восстанавливать свои привычки, даже если появлялась такая возможность. Это состояние хорошо описала С. К. Островская: «Как-то вечером зашла в свою комнату... Подойдя к туалету, почему-то открыла флакон французских духов (Ambre Molinard Paris), понюхала – и вдруг так остро и страшно затосковала, вспомнила, поняла, ощутила как сущее всю страшную и смертную тупость и узость теперешней своей жизни, ее безысходность, окольцованность, обреченность и ужас. От нежного и чужого уже запаха дорогих духов заметалась, как зверь в клетке, как раненая птица. Захотелось закричать: “Спасите, хоть кто-нибудь... я же погибаю...!”. Потом овладела собой и улыбнулась... Настроение вошло в обычную солдатскую рамку. Вспоминать не надо. Думать не надо. Читать стихи не надо. Слушать музыку не надо. И ни в коем случае не касаться флакона с заграничными духами...» [7, с. 322].

Яркий лак на ногтях стал для горожан одним из симптомов излечения от «моральной дистрофии». Писатель и военный корреспондент В. В. Вишневский, скрупулезно фиксировавший в дневнике бытовые «картины Ленинграда», записал свои впечатления от поездки по городу 9 июня 1942 г.: «Не забуду: вошла в трамвай молодая тощая девушка-контролер... Проверила билеты, молча стала у выхода... Взгляд усталый, грустный. И вдруг я увидел ее руку – исхудавшая, резко выделяются суставы, а ногти ярко-красные – маникюр... Это сочетание поразило...» [31, с. 172].

Многие горожане продолжали ухаживать за руками в гигиенических целях: в домашних условиях или на производстве. Так, М. Е. Салье, ставшая одним из лидеров ленинградского демократического движения на рубеже 1980–1990-х гг., вспоминала о своем детстве: «Во время блокады я начала ковырять пальцы вокруг ногтей, у меня были страшные заусенцы. ... на моих пальцах не было живого места... Чтобы отучить меня от этой привычки, Ина [вторая жена отца – Е. Т.] довольно регулярно делала мне маникюр, конечно, без лака» [37, с. 151]. На табачной фабрике им. Урицкого, в штате которой состояли преимущественно женщины, весной 1942 г. наряду с сапожной и пошивочной мастерскими, пунктом по приему белья в стирку

была возобновлена и работа парикмахерской с возможностью сделать маникюр. В декабре 1943 г., фабричная радиостанция сообщила, что общественности удалось добиться установления единых прейскурантных цен за обслуживание: за маникюр с покрытием следовало уплатить 2,50 руб., причем отдел рабочего снабжения фабрики категорически запретил маникюрше употреблять свой лак [38, л. 72 об.].

В источниках встречаются упоминания о том, что уход за ногтями практиковали и мужчины. Литератор и педагог М. Ю. Кричевский записал в дневнике 3 сентября 1942 г.: «...Зашел побриться, увидел, что у маникюрши нет очереди и срезал свои чудовищные когти и заросли мяса на них»¹. Э. Г. Левина как элемент возвращения довоенного тренда на «культурность» отметила в январе 1944 г. наличие мужчин-военнослужащих среди клиентов парикмахерских: «Майоры из пастушков делают маникюр, ждут денщиков, забывают колхозных жен и тянутся к “культурным девушкам”» [35, с. 212].

Обсуждение и выводы

Таким образом, маникюр, вошедший в повседневную жизнь горожан в 1930-е гг., практиковался и в годы войны и блокады. Имеющиеся источники не позволяют с достоверностью оценить количество тех, кто делал его регулярно и систематически. Даже если бы в нашем распоряжении имелись данные о количестве клиентов, обслуженных маникюршами в парикмахерских, они не отражали бы полной картины, так как, очевидно, некоторые категории населения имели возможность получать соответствующий сервис у себя на дому. Конечно, в тяжелейшее «смертное» время возможностей и желания ухаживать за руками у большинства ленинградцев не имелось. Услуги маникюрш были востребованы в основном со стороны тех, кто имел доступ к продовольственным ресурсам и мог расплатиться дефицитными продуктами. По мере улучшения положения в городе, примерно с лета 1942 г., уход за собой стал способом выздоровления от «моральной дистрофии». Свою роль, возможно, сыграла и привычка к экстремальности, сделавшая возможным возвращение в блокадную повседневность забытых было «мирных» практик:

¹ Кричевский М. Ю. Дневник // Прожито: цифровой архив личных документов [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/6559> (дата обращения: 10.01.2025).

«Что делают люди во время обстрелов и тревог?.. Люди ходят по улицам и продолжают свою обычную жизнь каждого дня... Глухая Людмила делает маникюр мне и Татике», – записала 27 января 1943 г. С. К. Островская [7, с 396–397]. Даже ставшая привычной тяжелая работа уже не становилась препятствием к тому, чтобы следить за собой. Е. С. Гриц, служившая в местной противовоздушной обороне и принимавшая участие в разборке разрушенных зданий, восстановлении трамвайных линий, очистке города, записывала о своем посещении парикмахерской как бы между делом: «В субботу 10 июля 1943 г. я вымыла голову в тазу в школе, а поэтому, когда в воскресенье утром в 6 часов все пошли в баню, я убежала с Розой в парикмахерскую, сделали мы маникюр, я осталась делать прическу... Я долго задержалась там и меня чуть не лишили увольнительной на воскресенье – “с ломом в руках и лопатой”» [39, с. 222]. В конечном счете стремление следить за собой и «думать о красе ногтей» как о чем-то обычном, повседневном, свидетельствовало о возрождении городской бытовой культуры.

Список литературы

1. Ленинград в годы Великой Отечественной войны: библиогр. указ. литературы и источников, 1941–2022 гг. / отв. сост. А. Ю. Стефаненко. СПб.: Нестор-История, 2023. 772 с. EDN: PCJGTV
2. Пянкевич В. Л. По разные стороны прилавка. Продавцы и покупатели блокадного Ленинграда // Вестник Пермского университета. – История. – 2024. – № 1. – С. 148–157. EDN: DWKBVV
3. Пянкевич В. Л. Разговоры, сны и мечты жителей блокадного Ленинграда. 1941–1944 // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13. – № 3. – С. 569–583. EDN: IKGTCG
4. Ходяков М. В. Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // Quaestio Rossica. – 2022. – Т. 10. – № 2. С. 455–468. EDN: QWFGYZ
5. Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2023. 302 с.
6. Кочина Е. И. Блокадный дневник // Память: исторический сборник. – М.; Париж: Ymca-Press, 1981. – Вып. 4. – С. 153–208.
7. Островская С. К. Дневник. 2-е изд. М.: НЛЮ, 2018. 752 с.
8. Каган А. Как молодежь расходует и как надо расходовать получку. Л.: Прибой, 1928. 93 с.
9. Волков В. В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. – 1996. – № 1–2. – С. 194–213. EDN: UCMTQF
10. Клинова М. А. Концепция «культурности» в социальной политике второй половины 1930-х годов // Человек. – 2017. – № 4. – С. 94–105. EDN: ZCPEVH
11. Аркадьин. Гигиенический уход за руками // Женский журнал. – 1929. – № 11. – С. 21.
12. Вишневский И. П. Парфюмерно-косметические товары: пособие для студентов. Харьков: тип. им. Фрунзе, 1946. 48 с.
13. Минкина Р. В., Калиниченко И. А. Косметика. М.; Л.: Пищепромиздат, 1937. 189 с.

14. Гайсинович Д. Н. Товароведение и техника торговли парфюмерно-косметическими товарами. М.; Л.: Пищепромиздат, 1941. 72 с.
15. Семериков П. В. Санитарное состояние парикмахерских города Ленинграда // Сборник работ Научно-исследовательской лаборатории коммунальной гигиены Ленгорздравотдела. – Вып. 2. – Л.: Изд-во лаборатории коммунальной гигиены, 1938. С. 152–164.
16. Сборник правил, положений и инструкций по парикмахерскому хозяйству. М.; Л.: Изд-во Наркомхоза РСФСР, 1944. 48 с.
17. Рыцерж А. Е. Краткое руководство для маникюрш. Киев: Госмедиздат УССР, 1958. 56 с.
18. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 1222. Оп. 4. Д. 230.
19. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (ЦГАНТД СПб). Ф. 285. Оп. 1–1. Д. 9.
20. Кольгуненко И. И. Уход за кожей рук, ног и за ногтями: пособие для маникюрш. М.: Изд-во Минкоммунхоза РСФСР, 1961. 86 с.
21. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 1437.
22. ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 7. Д. 111.
23. ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 7. Д. 57.
24. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 13. Д. 138.
25. ЦГА СПб. Ф. 9448. Оп. 1. Д. 48.
26. ЦГА СПб. Ф. 3200. Оп. 7. Д. 58.
27. Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совета. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. Ноябрь 1941–декабрь 1942 гг.: сб. док. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 439 с.
28. ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 1073.
29. ЦГАНТД СПб. Ф. 285. Оп. 2–1. Д. 183.
30. Peri A. Queues, Canteens, and the Politics of Location in Diaries of the Leningrad Blockade, 1941–1942 // *Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union During World War II* / Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald Filtzer. Bloomington: Indiana University Press, 2015. Pp. 158–205.
31. Вишневский В. В. Ленинград. Дневники военных лет: в 2 кн. Кн. 1. М.: Воениздат, 2002. 317 с.
32. Заболотская Л. К. Дневник 23 августа 1942–6 июня 1943 гг. // *Человек в блокаде. Новые свидетельства* / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб.: Остров, 2008. С. 126–144.
33. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 4000. Оп. 11. Д. 99.
34. ЦГА СПб. Ф. 9814. Оп. 1. Д. 174.
35. Левина Э. Г. Дневник. 12 января 1942–23 июля 1944 // *Человек в блокаде. Новые свидетельства* / отв. ред. В. М. Ковальчук. СПб.: Остров, 2008. С. 145–213.
36. Берггольц О. Ф. Блокадный дневник (1941–1945). СПб.: Вита Нова, 2015. 556 с.
37. Салье М. Е. Ностальгия. Кн. 1. СПб.: РИД, 2014. 421 с.
38. ЦГАИПД СПб. Ф. 81. Оп. 2. Д. 165.
39. Гриц Е. С. «Нет, нет и нет. Ещё не время...»: Блокадный дневник Лены Гриц. СПб.: ГАЛАРТ, 2021. 488 с.

“...And Think About the Beauty of Your Nails”: Manicure in the Military Everyday Life of Leningrad Residents (1941–1945)

Elena D. Tverdyukova

The article deals with the issues of everyday life of Leningrad residents during the Great Patriotic War. The questions of activity of public service enterprises of the besieged city, the practice of hand care, the work of manicure masters are covered. An attempt to characterize the composition of the clientele of manicure salons is made. The mentioned problems are investigated for the first time in historiography on the basis of diaries of Lenin-

grad residents, office documents and normative-legal acts. The study allows us to conclude that the pre-war practice of hand care, which was part of the “culturnost” concept, was preserved on a limited scale during the war and blockade. Consumers of the relevant services were not only people who had access to food. In addition to so-called sanitary manicure, which was compulsory for workers in a number of sectors of urban economy (food and tobacco industry, trade and catering), as the food supply improved, the services of manicurists were increasingly used by ordinary citizens, which can be seen as an element of return to familiar everyday practices and revival of urban everyday culture.

Key words: Great Patriotic War, Leningrad, blockade, manicure, hairdressing salons, consumer services.

For citation: Tverdyukova, E. D. (2025) «... I dumat' o krase nogtej»: manikjur v voennoj povsednevnosti leningradcev (1941–1945) [“...And Think About the Beauty of Your Nails”: Manicure in the Military Everyday Life of Leningrad Residents (1941–1945)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 48–66. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_48. EDN: AHFKLD

References

1. Stefanenko A. Yu., ed. (2023) *Leningrad v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: bibliogr. ukaz. literatury i istochnikov, 1941–2022 gg.* [Leningrad during the Great Patriotic War: bibliographic index of literature and sources, 1941–2022]. St. Petersburg: Nestor-Istorija. (In Russ.)
2. Pjankevich, V. L. (2024) Po raznye storony prilavka. Prodavcy i pokupateli blokadnogo Leningrada [On different sides of the counter. Sellers and buyers of besieged Leningrad]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija* [Herald of Perm University. History]. No. 1. Pp. 148–157. (In Russ.)
3. Pjankevich, V. L. (2023) Razgovory, sny i mechty zhitelej blokadnogo Leningrada. 1941–1944 [Conversations, Dreams and Desires of the Inhabitants of Besieged Leningrad. 1941–1944]. *Novejšaja istorija Rossii* [Modern History of Russia]. Vol. 13. No. 3. Pp. 569–583. (In Russ.)
4. Khodyakov, M. V. (2022) Bezhency v Leningrade i zhilishhnaja politika gorodskih vlastej na nachal'nom jetape vojny i blokady [Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica]. Vol. 10. No. 2. Pp. 455–468. (In Russ.)
5. Jarov, S. V. (2023) *Povsednevnaia zhizn' blokadnogo Leningrada* [Daily life of besieged Leningrad]. St. Petersburg: European University Publishing House. (In Russ.)
6. Kochina, E. I. (1981) Blokadnyj dnevnik [Blockade diary]. *Pamjat': istoricheskij sbornik* [Memory: a historical compendium]. Vol. 4. Moscow, Paris: Ymca-Press. Pp. 153–208. (In Russ.)
7. Ostrovskaja, S. K. (2018) *Dnevnik* [Diary]. 2 ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
8. Kagan, A. G. (1928) *Kak molodezh' rashoduët i kak nado rashodovat' poluchku* [How young people spend and how they should spend their paychecks]. Leningrad: Priboj. (In Russ.)
9. Volkov, V. V. (1996) Konceptcija kul'turnosti, 1935–1938 gody: sovetskaja civilizacija i povsednevnost' stalinskogo vremeni [The Concept of Culturality, 1935–1938: Soviet Civilization and Everyday Life in Stalin's Time]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1–2. Pp. 194–213. (In Russ.)
10. Klinova, M. A. (2017) Konceptcija «kul'turnosti» v social'noj politike vtoroj poloviny 1930-h godov [The concept of “culturalism” in social policy in the second half of the 1930s]. *Man* [Chelovek]. No. 4. Pp. 94–105. (In Russ.)
11. Arkad'in (1929) Gigienicheskij uhod za rukami [Hygienic care for hands]. *Zhenskij zhurnal* [Women's Journal]. No. 11. P. 21. (In Russ.)
12. Vishnevskij, I. P. (1946) *Parfjumerno-kosmeticheskie tovary: posobie dlja studentov* [Perfume and cosmetic goods: manual for students]. Kharkov: Frunze printing house. (In Russ.)
13. Minkina, R. V., Kalinichenko, I. A. (1937) *Kosmetika* [Cosmetics]. Moscow; Leningrad: Food publishing house. (In Russ.)

14. Gajsinovich, D. N. (1941) *Tovarovedenie i tehnika trgovli parfjumerno-kosmeticheskimi tovarami* [Commodity science and technique of trade in perfumes and cosmetics]. Moscow; Leningrad: Food publishing house. (In Russ.)

15. Semerikov, P. V. (1938) Sanitarnoe sostojanie parikmaherskih goroda Leningrada [Sanitary condition of barbershops in the city of Leningrad] *Sbornik rabot Nauchno-issledovatel'skoj laboratorii kommunal'noj gigieny Lengorzdravotdela* [Collection of works of the Research Laboratory of Communal Hygiene of the Leningrad City Health Department]. Issue. 2. Leningrad: izd-vo laboratorii kommunal'noj gigieny. Pp. 152–164. (In Russ.)

16. *Sbornik pravil, polozenij i instrukcij po parikmaherskomu hozjajstvu* (1944) [Collection of rules, regulations and instructions on hairdressing]. Moscow; Leningrad: Commissariat of National Economy RSFSR. (In Russ.)

17. Rycerzh, A. E. (1958) *Kratkoe rukovodstvo dlja manikjurnsh* [Brief guide for manicurists]. Kiev: State medical publishing house USSR. (In Russ.)

18. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archive of St. Petersburg] (hereinafter – TSGA SPb). F. 1222. Op. 4. D. 230.

19. *Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv nauchno-tehnicheskoy dokumentacii Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Scientific and Technical Documentation of St. Petersburg] (hereinafter – TSGANTD SPb). F. 285. Op. 1–1. D. 9.

20. Kol'gunenko, I. I. (1961) *Uhod za kozhej ruk, nog i za nogtjami: posobie dlja manikjurnsh* [Care for the skin of hands, feet and nails: manual for manicurists]. Moscow: publishing house of the Ministry of Communal Services of the RSFSR. (In Russ.)

21. TSGA SPb. F. 7384. Op. 18. D. 1437.

22. TSGA SPb. F. 3200. Op. 7. D. 111.

23. TSGA SPb. F. 3200. Op. 7. D. 57.

24. TSGA SPb. F. 7384. Op. 13. D. 138.

25. TSGA SPb. F. 9448. Op. 1. D. 48.

26. TSGA SPb. F. 3200. Op. 7. D. 58.

27. *Stenogrammy zasedanij ispolkoma Leningrad'skogo gorod'skogo Soveta. Zapisi obsuzhdenij, zamechanij k proektam, reshenija. Nojabr' 1941–dekabr' 1942 gg.* (2017) [Transcripts of meetings of the Executive Committee of the Leningrad City Council. Records of discussions, comments on drafts, decisions. November 1941–December 1942: collection of documents]. St. Petersburg: Art-Express. (In Russ.)

28. TSGA SPb. F. 4965. Op. 1. D. 1073.

29. TSGANTD SPb. F. 285. Op. 2-1. D. 183.

30. Peri A. Queues, Canteens, and the Politics of Location in Diaries of the Leningrad Blockade, 1941–1942. *Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union During World War II*. Ed. by Wendy Z. Goldman and Donald Filtzer. Bloomington: Indiana University Press, 2015. Pp. 158–205.

31. Vishnevskij, V. V. (2002) *Leningrad. Dnevniky voennyh let* [Diaries of the war years]. In 2 books. Book 1. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)

32. Zabolotskaya, L. K. (2008) Dnevnik 23 avgusta 1942 – 6 ijunja 1943 gg. [Diary of August 23, 1942 – June 6, 1943]. *Chelovek v blokade. Novye svidetel'stva* [Man in the Blockade. New Evidence]. Ed. by V. M. Kovalchuk. St. Petersburg: Ostrov. Pp. 126–144. (In Russ.)

33. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (hereinafter – TSGAIPD SPb). F. 4000. Op. 11. D. 99.

34. TSGA SPb. F. 9814. Op. 1. D. 174.

35. Levina, E. G. (2008) Dnevnik. 12 janvarja 1942–23 ijulja 1944 [Diary. January 12, 1942–23 July 1944]. *Chelovek v blokade. Novye svidetel'stva* [Man in the blockade. New Evidence]. Ed. by V. M. Kovalchuk. St. Petersburg: Ostrov. Pp. 145–213. (In Russ.)

36. Berggol'ts, O. F. (2015) *Blokadnyj dnevnik (1941–1945)* [Blockade Diary (1941–1945)]. St. Petersburg: Vita Nova. (In Russ.)

37. Sa'le, M. E. (2014) *Nostal'gija* [Nostal'gija]. Book 1. St. Petersburg: RID. (In Russ.)

38. TSGAIPD SPb. F. 81. Op. 2. D. 165.

39. Gric, E. S. (2021) «Net, net i net. Eshhjo ne vremja...»: *Blokadnyj dnevnik Leny Gric* [“No, no, and no. It's not time yet...”: Lena Gritz's Blockade Diary]. St. Petersburg: Galart. (In Russ.)

Об авторе

Твердюкова Елена Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории, лаборатория «История блокады Ленинграда», Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: e.verdyukova@spbu.ru; ORCID ID: 0000-0003-4415-2279

About the author

Tverdyukova Elena D., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern Russian History, St. Petersburg State University; Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History, Laboratory «History of the Siege of Leningrad», St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: e.verdyukova@spbu.ru; ORCID ID: 0000-0003-4415-2279

*Статья поступила в редакцию 15.01.2025
Одобрена после рецензирования 10.02.2025
Принята к публикации 18.02.2025*

Из истории Барнаульского маслобойного завода (1941–1945 гг.): производство, вклад в Победу

С. И. Бондаренко

В статье по материалам сводных годовых отчетов Барнаульского маслобойного завода № 3 «Росглавжирмасло» исследуются проблемы пищевого производства в годы Великой Отечественной войны. Производится оценка ресурсной базы завода в военные годы. Анализируются данные о техническом состоянии завода, выполнении годовых планов, проблемы их выполнения, динамика изменения кадрового состава завода. Отмечается, что в военные годы завод освоил не только новые методы производства, но и выпуск новых видов продукции. В 1942 г. завод первым в стране стал перерабатывать кунжут однократным прессованием, что позволило увеличить выпуск сезамового масла. Был внедрен новый метод переработки кунжута на халву, что имело большое значение для кондитерской промышленности страны в целом. Констатируется, что руководство завода выполняло свои социальные обязательства перед рабочими, а также уделяло большое внимание семьям военнослужащих, особенно в самом трудном для тылового Алтая 1944 г. Делается вывод, что, завод сумел в экстремальных условиях перестроить производство и обеспечить выпуск продукции для населения и фронта.

Ключевые слова: Алтайский край, подсолнечное масло, Великая Отечественная война.

Для цитирования: Бондаренко С. И. Из истории Барнаульского маслобойного завода (1941–1945 гг.): производство, вклад в Победу // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 67–85. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_67. EDN: AIVTKP

Введение

Изучение различных аспектов истории Великой Отечественной войны, несмотря на серьезную активизацию исследований в данном направлении, остается актуальной научной задачей. К числу важных и недостаточно изученных тем относится деятельность пищевой промышленности в годы войны и ее вклад в обеспечение продовольствием фронта и тыла. Именно ценой величайшего напряжения воли, сил, массового героизма на фронте и в тылу была достигнута Победа, и роль пищевой промышленности в этом трудно переоценить.

Актуальность изучения ценного опыта работы отдельных предприятий пищевой промышленности в экстремальных условиях может быть востребована и в современных реалиях. Изучение таких аспектов, как расширение производственных мощностей, поиск новых видов источников сырья, мобилизации материальных и людских ресурсов, обеспечение материально-бытовых нужд работников и семей военнослужащих, требует научного анализа исторического опыта.

Среди общих работ послевоенного периода по экономике тыла в годы войны в послевоенный период превалировали труды экономистов. Среди них можно выделить работу Н. А. Вознесенского, председателя Госплана СССР, «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», где впервые обобщался опыт деятельности различных отраслей экономики СССР в условиях войны [1]. Другим фундаментальным трудом стала «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945» в шести томах, изданная в 1960–1965 гг., где помимо детального описания хода военных действий, рассматривается крайне тяжелое положение сельского хозяйства, анализируется ухудшение материально-технического обеспечения колхозов и совхозов, которые в том числе были поставщиками пищевых предприятий в регионах [2]. К 70-летию Великой Победы в 2014 г. был создан 12-томный труд «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Седьмой том «Экономика и оружие войны» полностью посвящен советской социалистической экономике [3].

В ряду исследований, уделявших внимание развитию пищевой промышленности, можно отметить монографию Я. Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», где показан процесс перестройки народного хозяйства

на военный лад [4]. В работе «Советская экономика в период Отечественной войны (1941–1945 гг.) под редакцией И. А. Гладкова, в отдельной главе рассматривается состояние пищевой промышленности в военные годы, характеризуются причины ее кризиса [5]. Монография М. С. Зинича содержит ряд данных о развитии пищевой промышленности в годы войны. В частности, анализируются ущерб, нанесенный этой отрасли индустрии, перестройка её на военный лад, размещение и ввод в строй предприятий наркомата пищевой промышленности СССР на востоке страны [6]. Среди трудов, раскрывающих деятельность региональной пищевой промышленности в годы Великой Отечественной войны, можно отметить исследование С. Н. Юсуповой о работе пищевой промышленности Среднего Поволжья [7].

В источниках регионального уровня, рассматривавших проблемы функционирования пищевой промышленности на Алтае, изучались сюжеты, относившиеся к довоенному, либо послевоенному периоду [8–10]. Непосредственная деятельность пищевой промышленности в военное время отражалась преимущественно в газетных обзорах по отдельным предприятиям. Во многом это объясняется тем, что в регион были эвакуированы оборонные заводы. Работа оборонных предприятий исследована, в частности, В. Д. Гончаровым, однако состояние пищевой промышленности в ней не затрагивается [11]. Эвакуация оборонных предприятий в корне изменила структуру промышленности края, пищевая отрасль, довольно динамично развивавшаяся в довоенный период, испытывала серьезный кризис и оставалась без внимания исследователей.

Большой теоретико-методологический вклад в понимание культуры жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны внесла профессор Т. К. Щеглова. Она изучала сельскую повседневность, а не жизнь рабочих промышленных предприятий. Однако интересным представляется акцент автора на том, что такие понятия, как «Великая победа», «подвиг советского народа», «фактор победы», требуют корректировки и расширения исследовательского поля [12]. Предлагается рассматривать эти дефиниции через такие аспекты, как «человек боевого фронта» и «человек трудового фронта». На наш взгляд, изучение более широкого понятия «трудовой фронт» включает в себя и изучение практик отдельных предприятий в годы войны,

в том числе и пищевых. Исследование этих практик позволит расширить наше понимание фактора Победы.

Предлагаемая статья базируется на широком спектре репрезентативных исторических источников, включающем ранее неопубликованные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края (ГААК).

Целью работы является анализ хозяйственной деятельности Барнаульского маслобойного завода в экстремальных условиях военного времени; новых адаптационных практик; раскрытие трудового героизма работников пищевых предприятий и их вклада в общую Победу.

Методологической основой исследования выступают конкретно-исторический и системно-структурный подходы к анализу рассматриваемых вопросов. Для реализации задач исследования использовался историко-хронологический метод, позволивший характеризовать деятельность завода в определенные годы изучаемого периода.

Результаты

Пищевая промышленность Алтайского края в довоенный период приобрела общесоюзное значение. Среди других отраслей промышленности она занимала ведущее место, на ее долю приходилось 41,8 % всей валовой промышленной продукции края [13, с. 56].

С началом Великой Отечественной войны пищевая промышленность в целом и маслобойная отрасль в частности испытали настоящий кризис, который был вызван целым комплексом причин. Это разрушение 92 масложировых заводов на территориях, временно оккупированных врагом, недостаток рабочей силы, вызванный мобилизацией, ослабление внимания к материально-технической базе предприятий, недостаточное обеспечение предприятий сырьем, связанное с изменением структуры посевов, недостатком семян, техники, кадров и т. д. В связи с этим на оставшиеся в тылу маслобойные заводы возлагалась задача увеличения выработки подсолнечного масла.

Маслобойная промышленность в Алтайском крае в довоенный период была представлена в основном двумя маслобойными заводами: Барнаульским и Бийским. В 1930-е гг. в результате

модернизации заводов удалось значительно увеличить выпуск продукции (табл. 1).

Таблица 1

Динамика производства растительного масла в Алтайском крае (т)

1925/26	1937	1940
634	4500	5000

Подсчитано по: [10, с. 18]

С 1 января 1937 г. вследствие реорганизации Сибирского маслобойного треста, Барнаульский маслобойный завод № 3 перешел в непосредственное ведение Главного управления растительных жировых масел «Росглаврасжирмасло» Москвы, в котором состоял на момент 1941 г. Завод специализировался на переработке семян подсолнечника [14, л. 1]. В годы Великой Отечественной войны завод стал играть важную роль в обеспечении подсолнечным маслом жителей края и фронта.

Из объяснительной записки к годовому отчету следует, что коллектив завода уже с первых дней Великой Отечественной войны стал руководствоваться в своей работе лозунгом «Все для Победы!». Завод сразу приступил к перестройке всей работы на военный лад. Мощности предприятия включали в себя прессовый, рушально-веечный, вальцевый, сушильно-очистительный, паросилового цеха. В 1941 г. был закончен монтаж и сдан в эксплуатацию рафинационный цех, оборудованный упрощенной схемой промывки и сушки масла [15, л. 11]. Отметим, что строительство рафинационного цеха имело большое хозяйственное значение в условиях Сибири. В начале ноября для выполнения спецзадания по дроблению пищевого соевого жмыха на заводе была установлена жмыходробилка «Клеро» малой модели, снятая с оборудования прессового цеха. Был установлен редлер для подачи товара на жаровню. В 1941 г. завод работал без остановки на ремонт, остро испытывая нужду в паре и электроэнергии.

С начала Великой Отечественной войны основной заботой руководства маслозавода стала подготовка кадров по работе с масличными культурами. Подготовка кадров для посевной кампании 1941 г. была проведена вовремя, осенью 1940 г. Однако осенью 1941 г. подготовить кадры к весне 1942 г. не удалось. Эта

работа была запланирована на январь 1942 г. Для эффективного проведения весеннего сева, уборки масличных культур маслозаводом командировались в поля работники завода. В 1941 г. было откомандировано три человека, в том числе и агроном завода, которые пробыли в командировке 149 дней [15, л. 12]. Основными функциями командированных являлись: проведение бесед с колхозниками подшефных колхозов, организация постоянных звеньев, заключение соцдоговоров между колхозами и звеньями на повышение урожайности масличных культур. Для более быстрой коммуникации и доведения решений руководства была создана добровольная корреспондентская сеть из звеньевых передовых колхозов в количестве пяти человек, с которыми поддерживалась личная и письменная связь.

Большое внимание уделялось обмену опытом между специалистами. Краевой заготовительный отдел (КрайЗО) регулярно проводил совещания по выращиванию всех технических культур. Завод командировал своих сотрудников для участия в этих совещаниях. Также большое внимание уделялось выпуску брошюр по вопросам возделывания подсолнечниками. Например, в 1941 г., несмотря на трудности военного времени, было издано 3850 экз. на сумму 6 316 р. 90 к. [15, л. 12].

Из новых масличных культур особое внимание было уделено посеву ляллеманции¹. Семена для посева этой культуры были выданы заводом для посевов на площади 12 га. Кроме того, культура была посеяна в шести колхозах на площади 13 га. Весь урожай полученной ляллеманции был забронирован на посев в 1942 г.

Завод старался курировать посевы подсолнечника. Осенью 1941 г. была проведена большая работа по вопросу сева подсолнечника под зиму. Маслозавод поставил вопрос о максимальном расширении площади посевов подсолнечника перед краевыми властями. Было решено расширить посевы под зиму до 52 тыс. га. Завод совместно с КрайЗО выпустил 2 200 экземпляров листовок о подзимнем севе подсолнечника и довел их до каждого колхоза. Две статьи на эту тему были опубликованы

¹ Ляллеманция - однолетнее растение высотой 40–50 см. Род семейства яснотковые. Ее семена содержат от 27 до 35 процентов масла. Ляллеманцевое масло похоже на конопляное и может быть использовано для пищи и в промышленности. По мнению специалистов, это ценная культура, и масло из нее получается хорошее. Однако эта культура распространения в стране не получила. В настоящее время небольшие площади ляллеманции засеваются на Северном Кавказе (Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский край), но чаще лишь с целью производства технического масла для лакокрасочной продукции (например, олифа).

в краевой газете, проведена одна передача на радио. В итоге план подзимнего сева удалось выполнить на 62,5 % или 32 510 га, что составляло к общему плану посева подсолнечника на 1942 г. 29,5 %. Также завод поощрял колхозы за высокий урожай подсолнечника. В частности, завод премировал колхоз «Красный рыбак» в размере 1 тыс. р. [15, л. 12 об.–13].

В 1941 г. на предприятии работали 182 чел., в том числе 88 рабочих. Средняя заработная плата рабочих составляла 3 376 р., инженеров – 6 792 р. [15, л. 14]. Однако фактическая выданная заработная плата в 1941 г. оказалась выше плановой. Перерасход по фонду заработной платы произошел вследствие увеличения времени работы предприятия на 40 %, выплат выходного пособия уходящим на фронт, оплаты компенсации за неиспользованный отпуск.

В целом план 1941 г. по выработке масла коллективом завода был выполнен на 102 %. Было выработано 2 562 т всех видов масел при плане 2 513 т. По стоимости валовой продукции план был выполнен на 224,5 % (табл. 2).

Таблица 2

**Выполнение производственной программы
Барнаульским маслозаводом в 1941 г.**

Виды продукции	Ед. изм.	План	Факт	% выполн.
Выработка масла всего	тонн	2513	2562,988	102
В т.ч: масла подсолнечного			2013,803	
Масла соевого			549,185	
Жмых		3 740	6 771,586	181
Халва подсолнечная		-	100,466	
Бочки новые	штук	1000	478	47,8
Масло форчанное	тонн		275,325	
Валовая выработка в неизм. ценах 1926/27 гг.	тыс. р.	1319,0	2961,6	224, 6

Сост. по: [15, л. 13].

Значительный рост валовой выработки продукции в неизменных ценах 1926/27 гг. заводом был достигнут вследствие расширения и освоения новых видов продукции, в частности выработки низколузгового подсолнечного жмыха, пищевого соевого жмыха и внеплановым выпуском подсолнечной халвы.

В 1941 г. заводом был освоен новый метод переработки подсолнечных семян и сои без прессукна – одним из первых в Сибири. Этот метод практиковался заводом еще до войны, но теперь стал особенно актуальным. Производительность труда при этом составила 222 %. Экономия от освоения нового метода работы без применения дорогостоящего прессового сукна составила 166 тыс. р., в натуральном выражении было сэкономлено 4800 кг дорогостоящего сукна из верблюжьей и овечьей шерсти. Как следует из источника, с особой энергией рабочие завода отнеслись к экономии дорогостоящего сукна во втором полугодии, понимая, что шерсть как никогда нужна бойцам для теплой одежды и обуви [15, л. 14].

Вместе с тем был допущен убыток в сумме 1 496 тыс. р., против плановых 784 тыс. р. Большие убытки случились вследствие убыточной переработки соевых бобов.

Шел поиск оптимизации расходов и освоения новых методик производства продукции. Необходимо отметить вклад рабочих завода в процесс оптимизации расходов, во многом этому способствовало стахановское движение. Так, стахановцы завода, мастера прессового цеха Петр Андреевич Богачев и Евдокия Георгиевна Баляс за первые полгода войны сэкономили за счет потерь 6 117 кг и 4 391 кг масла соответственно. В целом за первый год войны работниками завода в фонд обороны страны было отчислено 7 800 р., внесено облигаций займом на 18 тыс. р., сдано 196 предметов теплой одежды, послано новогодних подарков защитникам Москвы 178 посылок и 750 кг растительного масла [15, л. 10, 10 об.].

Важной составляющей работы пищевых предприятий в годы Великой Отечественной войны, помимо производства продукции для фронта и тыла, стало оказание помощи семьям красноармейцев. Уже в 1941 г. помощь оказывалась в основном в виде выдачи лузги на топливо и предоставления заводского транспорта для бытовых нужд [16, л. 18]. Также завод имел собственную столовую, которая обеспечивалась продуктами со своего подсобного хозяйства, где осуществлялось питание как рабочих, так и членов семей красноармейцев.

По данным С. А. Жевалова, в 1941–1942 гг. заготовки подсолнечника по стране достигли минимума в 1942 г. (12,5 % по сравнению с 1940 г.) [17, с. 47]. В тяжелейших условиях Барнаульский завод

доказал возможность выработки семян без применения прессового сукна и безкожурно из таких культур, как соя, горчица, кунжут, в том числе и дикорастущих (рыжик, рапс, жабрей и др.). В 1942 г. завод выпустил (кроме подсолнечного) 466 т этих масел (табл. 3).

Таблица 3

**Выполнение производственной программы
Барнаулским маслозаводом в 1942 г.**

Виды продукции	Ед. изм.	План	Факт	% выполн.
Выработка масла всего	тонн	3518	3954	113
В т.ч: масла подсолнечного		3450	3488	101,6
других масличных культур		63	466	683,3
Форчананное подсолнечное		-	410	-
Жмыха всего		5716	6164	107,7
Халва подсолнечная		-	8	-
Мыло		-	46	-
Валовая выработка в неизм. ценах 1926/27 гг.	тыс. р.	1716,4	2436,4	140,6

Подсчитано по: [16, л. 11].

За 1942 г. было сэкономлено 6 168 кг прессового сукна стоимостью 360 тыс. р.

По линии выпуска новых видов продукции завод в 1942 г. освоил три вида: переработку кунжута на сезамовое (кунжутное) масло, выпуск тахинной халвы и выработку хозяйственного мыла (жидкого и твердого).

В мае-июне после первых пробных выработок завод переработал 880 т кунжута на сезамовое масло. Подробности первого в маслостроительной промышленности опыта массовой переработки кунжута однократным прессованием были сообщены Главному комитету пищевой и перерабатывающей промышленности СССР с цифровыми данными [16, л. 12].

В 1942 г. была закончена работа по нахождению нового метода переработки кунжута на халву, с получением тахинного масла полусухим способом, без применения соляного раствора и большого количества воды. Этот способ имел большое значение для кондитерской промышленности, в частности выработки халвы и, насколько известно, практически нигде не применялся.

После проведения ряда опытов в халвичном цехе было установлено нужное оборудование для выработки тахинной халвы новым методом. Однако в 1942 г. этот метод не нашел практического применения в промышленном масштабе из-за отсутствия патоки, которая не поступала на завод в течение всего 1942 г.

В IV квартале было освоено производство хозяйственного мыла как жидкого (в основном из фузы)¹, так и твердого (из кокосового масла). Отметим, что количество работников в 1942 г. уменьшилось на 46 чел. по сравнению с 1941 г.

В целом, годовой план был выполнен досрочно 29 ноября 1942 г., сверх плана выработано 435 т масла, производительность труда на одного среднесуточного рабочего была повышена в ценах на 37,5 %, а в натуральном выражении – по маслу на 10 %. Себестоимость 1 т масла была снижена на 4,69 %. На заводе все рабочие в обязательном порядке проходили инструктаж по обслуживанию машин, оборудования.

Отметим, что как и в 1941, в 1942 г. руководство завода продолжало держать во внимании вопросы посевов подсолнечника. Так, за время командировок специалистов завода в колхозы был заключен 31 соцдоговор между колхозами, бригадами, звеньями по выполнению урожайности масличных культур. Также был увеличен выпуск газетных статей и радиопередач, по сравнению с 1941 г., в шесть раз [16, л. 10 об.].

Безусловно, героический труд людей сыграл определяющую роль в выполнении плана. В 1942 г. на заводе увеличилось число стахановцев, если в 1941 г. их было 70 чел., то в 1942 г. – 82 чел. [16, л. 14 об.]. Лучшими работниками в 1942 г. стали: Николай Васильевич Калистратов – начальник смены, его бригада систематически перевыполняла нормы выработки; Григорий Степанович Токарев – слесарь, перевыполнял нормы выработки на 130–140 %; Евдокия Георгиевна Баляс – освоила профессию жаровщика, за год за счет снижения потерь сэкономил 14 тыс. кг масла.

В 1943 г., кроме основного производства, в работе завода функционировал цех мыловарения, для этой цели использовавший оборудование рафинационного цеха [18, л. 8]. Халвичный цех из-за отсутствия патоки в 1943 г. также не мог работать.

¹ Фуза – сопутствующее пищевое вещество, которое возникает в процессе переработки и производства нерафинированного растительного масла.

Основной сырьевой базой для обеспечения предприятия сырьем являлась Кулундинская степь, в районах которой из-за засухи летом 1943 г. урожай подсолнечника был очень низким, вследствие чего работа завода в IV квартале была не обеспечена сырьем.

Несмотря на военное время, руководство завода поддерживало тесную связь с научными организациями. Так, осуществлялась тесная связь с Госселекционной станцией путем разработки тематического плана по масличным культурам. Мероприятия проводились станцией за счет завода, которой он оказывал финансовую помощь. В 1943 г. эта помощь составила 20 тыс. р. Большое внимание завод уделял обучению своих сотрудников. В 1943 г. было обучено 40 чел., из них через курсы техникума – 19 и стахановские школы – 21 чел.

В 1943 г. под пристальным вниманием руководства завода находились семьи военнослужащих. В частности, была выдана капуста со своего подсобного хозяйства – 84 семьям от 20 до 50 кг, двум семьям были выданы поросята, отходы – 93 семьям от 20 до 50 кг. Была выделена площадь земли в 2,65 га под индивидуальные огороды, выданы семена картофеля – 899 кг, фасоли – 72 кг, свеклы – 11,8 кг, моркови – 11 кг [18, л. 12 об.]. До остановки завода на консервацию семьи военнослужащих снабжались топливом (лузга), после его остановки стали выдаваться дрова. Всем семьям военнослужащих предоставлялись лошади для перевозки овощей и топлива.

Бытовые проблемы семей военнослужащих завод старался также решать. В частности, выдавались валенки, трикотаж, талоны на промтовары, пропуска в заводскую столовую. Была организована сапожная мастерская, которая производила ремонт обуви семьям военнослужащих наравне с рабочими завода. Завод помогал семьям военнослужащих делать ремонт жилья. В 1943 г. было трудоустроено шесть инвалидов Великой Отечественной войны.

В 1943 г. от 250 до 400 чел. рабочих и служащих, семьи военнослужащих пользовались общественным питанием. Заводская столовая была обеспечена картофелем и капустой полностью и частично крупой со своего подсобного хозяйства.

Производственная программа по выработке масла в 1943 г. была выполнена на 87,9 %. Невыполнение плана было связано прежде всего с недостатком сырья, из-за засухи в Кулундинской

степи. Однако план выработки продукции в неизменных ценах был все же выполнен на 96 % вследствие увеличения выпуска продукции ширпотреба, в частности мыла (табл. 4).

Таблица 4

**Выполнение производственной программы
Барнаульским маслозаводом в 1943 г.**

Виды продукции	Ед. изм.	План	Факт	% выполн.
Выработка масла всего	тонн	3500	3078,7	87,9
В т.ч: масла подсолнечного		3500	3071,2	87,7
Жмыха всего		4799	4159,2	86,7
Мыло	тонн	200	254,5	127,2
Валовая выработка в неизм. ценах 1926/27 гг.	тыс. руб. р.	1727,0	1658,2	96

Подсчитано по: [18, л. 10 об.].

В 1943 г. экономия средств продолжала оставаться в центре внимания работы завода. В целях наиболее эффективного решения этого вопроса на предприятии был проведен общественный смотр. В рамках этого мероприятия были проведены технические, цеховые и общезаводские производственные совещания. В результате проведения этого смотра от рабочих, инженерно-технических работников, служащих было получено 47 предложений, из которых 10 предложений, дающих 17 тыс. р. экономии, были реализованы в 1943 г. [18, л. 13 об.].

Завод активно принимал участие в соцсоревновании. В 1943 г. был заключен договор о соцсоревновании с Усть-Каменогорским маслобойным заводом. Лучшими стахановцами Барнаульского завода стали: Г. С. Токарев с нормой выработки 125–140 %. Он также обучил пять человек слесарному делу; Н. Е. Колмыков, М. А. Ощепкова – машинисты паромашин, не допустившие в работе ни одной аварии; Ш. Ш. Буки – прессовщик несколько месяцев, работавший за двоих с нормой выработки 200 %; Е. Г. Баляс – мастер-жаровщик, с самого первого года перевыполнявшая планы. Эти работники – безусловно герои трудового фронта, внесшие неоценимый вклад в работу своего завода [18, л. 14].

Следующий военный год оказался для завода крайне тяжелым. В 1944 г. в результате низкой урожайности подсолнечника

по краю, на завод поступило всего 1 897 т сырья (план поступления сырья на завод был определен в размере 5 200 т) [19, л. 6].

Кроме сырья, поступившего с Алтайского края, завод получал необходимые ингредиенты из других областей. Так, из Новосибирской области было получено – 90 т, Омской – 482 т, из Северного Казахстана – 216 т, прочих областей – 29 т.

Кроме неблагоприятных климатических условий 1943/44 гг., повлиявших на снижение урожайности, имели место и другие причины невыполнения плана: недостаточное применение механизированных способов по уходу за подсолнечником; затяжка с уборкой до наступления зимы, в результате чего увеличились потери. План снабжения сырьем в 1944 г. был выполнен всего на 37,9 %.

Таким образом, в целях сохранения рентабельности, кадрового состава, завод вынужден был увеличить выработку хозяйственного мыла из отходов своего производства, план которого в итоге был перевыполнен в натуральном выражении на 18 %. Кроме того, был освоен новый вид продукции – жмыховая мука. Конечно, выполнить производственную программу завод в таких условиях не мог. По выработке масла она была выполнена на 34,7 %, по выработке в неизменных ценах – на 70 % (табл. 5).

Таблица 5

**Выполнение производственной программы
Барнаульским маслозаводом в 1944 г.**

Виды продукции	Ед. изм.	План	Факт	% выполн.
Выработка масла всего	тонн	1200	415,5	34,7
В т.ч: масла подсолнечного		1200	394,0	32,8
Жмыха всего		1528	620,4	41
Мыла всего		310	366,6	118
Мука жмыховая			320,5	
Валовая выработка в неизм. ценах 1926/27 гг.	тыс. р.	847	582,5	70

Подсчитано по: [19, л. 11].

Несмотря на тяжелое материальное положение, завод в 1944 г. продолжал оказывать материальную помощь семьям военнослужащих. Было выдано 10 500 обедов в заводской сто-

ловой, 26 семьям были выданы поросята, 25 семьям – зерновые отходы от 20 до 30 кг. Семьи военнослужащих снабжались топливом. Была выделена и вспахана земля в количестве 2,65 га земли под индивидуальные огороды. Семьям красноармейцев были выданы семена картофеля – 200 кг, фасоли – 20 кг, свеклы – 30 кг. Выделялись лошади для перевозки овощей. Так, 18 семьям военнослужащих было выдано 18 пар валенок, 60 промтоварных талонов, десяти семьям – 10 кг лоскута, 300 литров молока со своего подсобного хозяйства. Был проведен ремонт 4-х квартир, отремонтировано 15 печей. Выделена денежная помощь 35 семьям военнослужащих в размере 3650 р. из добровольных взносов рабочих и служащих завода [19, л. 9 об.].

Во всех проводимых мероприятиях коллектив завода принимал активное участие. Так, в 1944 г. по решению общего собрания коллектива был отчислен двухдневный заработок семьям красноармейцев, затем детям фронтовиков освобожденных районов отчислен двухдневный заработок в сумме 5883 р. В проводимой 4-й денежно-вещевой лотереи коллектив завода принял 100 % участие с подпиской на 11 550 р. Также была проведена подписка на 2-й Государственный военный заем на общую сумму 58 500 р. в том числе 16 775 р. наличными. Для детей рабочих и служащих и семей военнослужащих в течение 1944 г. было проведено три детских утренника.

В 1944 г. среднесписочное число работающих составило 154 чел., что было на 44 меньше, чем в 1943 г. [19, л. 12].

В 1945 г. завод перевыполнил план в валовом выражении в неизменных ценах за счет сверхплановой выработки мыла и халвы, а также за счет выпуска высококачественной продукции форчанного¹ масла и пищевого жмыха (табл. 6).

План в натуральном выражении по маслу был не выполнен по причине отсутствия сырья (засуха). Среднесписочное число работающих в 1945 г., по сравнению с 1944 г. увеличилось на 29 чел. [20, л. 7 об.]. Завод продолжал обеспечивать рабочих общественным питанием исключительно за счет подсобного хозяйства (свининой, частично бараниной, молоком). Оказывалась помощь семьям погибших (выделено четыре телки). В 1945 г. вследствие засухи погиб почти весь урожай овощей, что существенно осложнило организацию общественного питания рабочих.

¹ Масло, получаемое предварительным съемом в форчанах.

Таблица 6

**Выполнение производственной программы
Барнаулским маслозаводом в 1945 г.**

Виды продукции	Ед. изм.	План	Факт	% выполн.
Выработка масла всего	тонн	800	668,8	83,6
Жмыха всего		1107	1073,1	96,8
Мыла всего		250	483,2	178
Мука жмыховая			20	
Халва подсолнечная			89,3	
Валовая выработка в неизм. ценах 1926/27 гг.	тыс. р.	606	851,3	140,5

Подсчитано по: [20, л. 3–4].

Одной из сложных проблем завода стало полное отсутствие на заводе автотранспорта. Все перевозки осуществлялись гужтранспортом, который состоял из 14 рабочих лошадей и трех быков. Причем многие лошади были старыми по возрасту, а представители мелкой монгольской породы не были пригодны для перевозки грузов [20, л. 12 об.].

Обсуждения и выводы

Подводя итоги производственной деятельности завода в условиях военного времени, отметим, что проходила она в крайне тяжелых условиях. За 3 года с 1942 по 1945 г. посевная площадь под масличные культуры, особенно подсолнечника, в крае сократилась почти в два раза (табл. 7).

Таблиц 7

Динамика посевной площади подсолнечника в Алтайском крае

Годы	Площадь посева тыс. га	Урожай с 1 га (ц)	Товарное поступление на завод (т)
1942	100,3	2,6	14 500
1944	62,2	2,5	1 250
1945	48,6	2,5	1 401,9

Подсчитано по: [20, л. 15].

На этом фоне наибольшее падение производства подсолнечного масла произошло в 1944 и 1945 гг., что наглядно демонстрируют данные табл. 8.

Таблица 8

**Динамика выполнения производственной программы
Барнаульским маслозаводом (1941–1945 гг.)**

Виды продукции	Ед. изм.	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Выработка масла всего	тонн	2562,988	3954	3078,7	415,5	668,8	10679,9
В т.ч: масла подсолнечного		2013,803	3488	3071,2	394,0	394,4	9361,4
Других масл. Культ		549,185	466	7,5	21,5	274,4	1318,5
Жмых		6771,586	6164,0	4159,2	620,4	1073,1	18788,3
Мука жмыховая		-	-	-	320,5	483,2	
Халва подсолнечная		100,466	8	-	-	89,3	
Бочки новые	штук	478	-	-	—		
Мыло	тонн	-	46	254,5	366,6	483,2	
Валовая выработка в н/ценах 1926/27 г.	тыс. р.	2961,6	2436,4	1658,2	582,5	851,3	8490

Подсчитано по: [15, л. 13; 16, л. 11; 18, л. 10 об.; 19, л. 11; 20, л. 3–4].

Таблица 9

Динамика численного состава работников завода (1941–45 гг.)

	1941	1942	1943	1944	1945
Всего работающих	182	136	198	154	183
Из них рабочих	88	92	86	58	47
ИТР	13	14	13	11	9
Ср. зарплата рабочих (р.)	3376	3766	4778	4450	5074
Ср. зарплата итр (р.)	6792	7357	8716	9527	12055

Сост. по: [15, л. 14; 16, л. 12; 18, л. 11 об.; 19, л. 12; 20, л. 4–6].

И если в целом по стране наиболее низкой выработка растительного масла была в 1943 г. (на 27 % по сравнению с довоенным периодом), то для Алтайского края это произошло в последующие два года.

В ходе исследования установлено, что Барнаульским маслобойным заводом № 3 за военные годы было выработано более 10 тыс. т масла, 18 788,3 т жмыха. Начиная с 1942 г. завод постоянно увеличивал выпуск мыла, выработав 1 150,3 т продукции.

Увеличив выпуск ширпотреба, удалось сохранить кадры, технические мощности. Отметим, что динамика численности работников завода в военный период менялась незначительно. Средняя заработная плата рабочих при этом увеличилась в полтора раза, инженерно-технических работников в 1,8 раза (табл. 9).

За годы Великой Отечественной войны завод сумел организовать социально-бытовое обслуживание не только своих рабочих, но и семей военнослужащих. В годы войны заводчане проявляли высокую гражданскую позицию, основанную на патриотических чувствах, проявлявшуюся в систематической помощи фронтовикам, их семьям в тылу, помощи детям, оставшимся без родителей. Учитывая в каких тяжелых условиях приходилось работать заводчанам, отметим, что ими был внесен значительный вклад в разгром фашизма.

Список литературы

1. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 192 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: в 6 т. Т. 3. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1961. 652 с.
3. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 7. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
4. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Мысль, 1985. 494 с.
5. Советская экономика в период Отечественной войны (1941–1942 гг.) / отв. ред. И. А. Гладков. М.: Наука, 1970. 595 с.
6. Зинич М. С. Будни военного лихолетья 1941–1945: в 2 вып. Вып. 1. М.: ИРИ, 1994. С. 106–110.
7. Юсупова С. Н. Пищевая промышленность Среднего Поволжья в первый период Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – 1942 г.) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Новые гуманитарные исследования». 2006. С. 103–108.
8. Лизина А. И. Алтай в послевоенный период. Барнаул: Алт. кн. изд., 1974. 224 с.
9. Митюшкин В. Развитие социалистической промышленности на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1955. 256 с.
10. Преображенный Алтай / отв. ред. А. И. Лизина. Барнаул: Алт. кн. из-во, 1971. 288 с.
11. Гончаров В. Д. Вклад Алтайского края в Победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.: монография. 2-е изд., доп. Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2016. 608 с.
12. Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Барнаул: ООО «АЗ-БУКА», 2015. 132 с. EDN: WKKGSN
13. Курсакова Е. Н. Влияние Великой Отечественной войны на развитие легкой промышленности Алтайского края 1946–1956 гг. // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 1(6). С. 56–61. EDN: WCBQRB.
14. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф.Р-163. Предисловие к описи № 4.
15. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 163. Оп. 3. Д. 17.
16. ГААК. Ф. 163. Оп. 3. Д. 18.

17. Жевалов С. А. Заготовка подсолнечника в СССР в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны // История и педагогика естествознания. 2018. № 3. С. 45–47. DOI: 10.24411/2226-2296-2018-10307. EDN: YTOGZN

18. ГААК. Ф. 163. Оп. 3. Д. 19.

19. ГААК. Ф. 163. Оп. 3. Д. 20.

20. ГААК. Ф. 163. Оп. 3. Д. 21.

From the Barnaul Oil Mill History (1941–1945): Production, Contribution to Victory

Svetlana I. Bondarenko

The article examines the problems of food production during the Great Patriotic War on the base of the consolidated annual reports materials of Barnaul Oil Mill No. 3 Rosglavzhirmaslo. The publication evaluates the resource base of the plant during the war years. The data on the technical condition of the plant, the implementation of annual plans, the problems of their implementation, and the dynamics of changes in the plant's personnel are analyzed. It is noted that during the war years, the plant mastered not only new production methods, but also the production of new types of products. In 1942 the plant was the first in the country to master the method of processing sesame seeds by single pressing, which increased the production of sesame oil. A new method of processing sesame seeds into halva was introduced, which was of great importance for the confectionery industry of the country as a whole. It is stated that the plant's management fulfilled its social obligations to the workers, and also paid great attention to the families of military personnel, especially in 1944, the most difficult year for the rear Altai. It is concluded that the plant managed to rebuild production in extreme conditions and ensure the production of products for the population and the front.

Key words: Altai Territory, sunflower oil, Great Patriotic War.

For citation: Bondarenko, S. I. (2025) Iz istorii Barnaul'skogo maslobojnogo zavoda (1941–1945 gg.): proizvodstvo, vklad v Pobedu [From the Barnaul Oil Mill History (1941–1945): Production, Contribution to Victory]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 67–85. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_67. EDN: AIVTKP

References

1. Voznesenskij, N. A. (1947) *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny* [The military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (In Russ.)

2. (1961) *Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941–1945* [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. In 6 vols. Vol. 3. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR. (In Russ.)

3. (2014) *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War of 1941–1945]. In 12 vols. Vol. 7. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

4. Chadaev, YA. E. (1985) *Ekonomika SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [The economy of the USSR during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

5. Gladkov, I. A. (1970) (ed.) *Sovetskaya ekonomika v period Otechestvennoj vojny (1941–1942 gg.)* [The Soviet economy during the Patriotic War (1941–1942)]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

6. Zinich, M. S. (1994) *Budni voennogo liholet'ya 1941–1945* [Everyday life of the war years 1941–1945]. In 2 iss. Iss. 1. Moscow: IRI. (In Russ.)

7. YUsupova, S. N. (2006) Pishchevaya promyshlennost' Srednego Povolzh'ya v pervyj period Velikoj Otechestvennoj vojny (iyun' 1941 g. – 1942 g.) [The food industry of the Middle Volga region in the first period of the Great Patriotic War (June 1941 – 1942)]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Special'nyj vypusk «Novye gumanitarnye issledovaniya»* [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Special issue of "New Humanitarian Studies"]. Pp. 103–108. (In Russ.)

8. Lizina, A. I. (1974) *Altaj v poslevoennyj period* [Altai in the post-war period]. Barnaul: Alt. kn. izd. (In Russ.)

9. Mityushkin, V. (1955) *Razvitie socialisticheskoy promyshlennosti na Altaje* [Development of socialist industry in Altai]. Barnaul: Alt. kn. izd-vo. (In Russ.)

10. Lizina, A. I. (1971) (ed.) *Preobrazhennyj Altaj* [Transformed Altai]. Barnaul: Alt. Kn. iz-vo. (In Russ.)

11. Goncharov, V. D. (2016). *Vklad Altajskogo kraya v Pobedu nad fashistskoj Germaniej v Velikoj Otechestvennoj vojne v 1941–1945 gg.* [The contribution of the Altai Territory to the Victory over Nazi Germany in the Great Patriotic War in 1941–1945]. Barnaul: IP Kolmogorov I. A. (In Russ.)

12. SHCHeglova, T. K. (2015) *Etnografiya russkogo krest'yanstva yuga Zapadnoj Sibiri v XX stoletii: kul'tura zhizneobespecheniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ethnography of the Russian peasantry of the South of Western Siberia in the 20th century: the culture of life support during the Great Patriotic War]. Barnaul: OOO «AZBUKA. (In Russ.) EDN: WKKGSN

13. Kursakova, E. N. (2016) *Vliyanie Velikoj Otechestvennoj vojny na razvitie legkoj promyshlennosti Altajskogo kraya 1946–1956 gg.* [The impact of the Great Patriotic War on the development of light industry in the Altai Territory 1946–1956]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs]. No. 1 (6). Pp. 56–61. (In Russ.) EDN: WCBQRB.

14. *Centr hraneniya arhivnogo fonda Altajskogo kraya* [The storage center of the archive fund of the Altai Territory]. F. R-163. Predislovie k opisi No. 4. L. 1.

15. *Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraya* [The State Archive of the Altai Territory] (hereinafter – GAAK). F. 163. Op. 3. D. 17.

16. GAAK. F. 163. Op. 3. D. 18.

17. Zhevalov, S. A. (2018) *Zagotovka podsolnechnika v SSSR v predvoennye gody i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Harvesting of sunflower in the USSR in the pre-war years and during the Great Patriotic War]. *Istorija i pedagogika estestvoznaniya* [History and pedagogy of natural sciences]. No. 3. Pp. 45–47. (In Russ.) DOI: 10.24411/2226-2296-2018-10307. EDN: YTOGZN

18. GAAK. F. 163. Op. 3. D. 19.

19. GAAK. F. 163. Op. 3. D. 20.

20. GAAK. F. 163. Op. 3. D. 21.

Об авторе

Бондаренко Светлана Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Российская Федерация; e-mail: bonsvet@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-5528-1845

About the author

Bondarenko Svetlana I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanities of the Altai State Agrarian University of Barnaul, Russian Federation; e-mail: bonsvet@bk.ru; ORCID ID: 0000-0002-5528-1845

Статья поступила в редакцию 24.01.2025

Одобрена после рецензирования 01.04.2025

Принята к публикации 14.04.2025

Музыкантская школа Балтийского ВМФ в годы военных испытаний 1941–1945 гг. (по архивным материалам)

А. Н. Семенова

С началом Великой Отечественной войны система советского образования подверглась тяжёлым испытаниям. Необходимо было сначала перевезти, а затем и обеспечить функционирование школ, интернатов, детских домов в условиях эвакуации. К началу войны в СССР существовали различные типы школ, в том числе закрытые. К закрытому типу школ относилась школа, дающая мальчикам 14–17 лет общее образование и специальные музыкальные знания. Эта школа уходит своими корнями в XIX в., когда инспектор военных хоров (оркестров) морского ведомства Н. А. Римский-Корсаков основал Музыкантскую школу ВМФ. В XX в. Музыкантская школа ВМФ стала учебным заведением закрытого типа. Воспитанники школы жили в условиях интерната. С начала и до конца своего существования школа готовила не столько индивидуальных исполнителей, сколько коллективы музыкантов для военных оркестров. В годы Великой Отечественной войны Музыкантская школа ВМФ им. Римского-Корсакова была эвакуирована в село Сёла Верхне-Городковского района Молотовской области (Пермский край). Несмотря на военное время, школа осуществляла ежегодный приём и выпуск воспитанников. Будущие воспитанники отбирались в детских домах на основе музыкальных способностей, отличной и хорошей успеваемости и дисциплины. Воспитанники были на полном государственном обеспечении. Руководство школы прилагало огромные усилия, чтобы обеспечить воспитанников самым необходимым: одеждой, обмундированием, обувью, школьными принадлежностями, питанием, сносными условиями жизни.

Ключевые слова: образование, специальные учебные заведения закрытого типа, детский дом, специальное музыкальное образование и воспитание, воспитанники, военный оркестр, Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Для цитирования: Семенова А. Н. Музыкантская школа Балтийского ВМФ в годы военных испытаний 1941–1945 гг. (по архивным материалам) // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 86–104. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_86. EDN: AVXEЕE

Введение

История школы, о которой пойдёт речь в данной публикации, ещё не восстановлена полностью и требует продолжения изысканий. Открытие этой школы связано с именем Николая Андреевича Римского-Корсакова, который в 1873 г. исполнял обязанности инспектора военных хоров (оркестров) морского ведомства. Под его руководством Музыкантская школа Балтийского флота пережила этап становления как специальное военно-музыкальное учебное заведение для детей-сирот младших военных чинов. Накануне Первой мировой войны школа была закрыта и вновь восстановлена в 1922 г. Этапы закрытия и открытия школы чередовались вплоть до 1937 г. С этого момента начинается следующая страница истории закрытого учебного заведения ВМФ для мальчиков.

В условиях военного времени 1941–1945 гг. школа и её воспитанники во главе со своими наставниками переживали все тяготы войны, в том числе эвакуацию в село Сёла Верхне-Городковского района Молотовской (Пермской) области. Несмотря на трудности организационного и бытового характера, резкое сокращение преподавательского состава, низкий уровень продовольственного и материального обеспечения, в том числе музыкальными инструментами, школу, которую до 1956 г. возглавлял Г. М. Тараянц, удалось сохранить как специальное учебное заведение для детей-сирот из детских домов, проявивших музыкальные способности, выдержавших экзамены и годных по медицинским показателям.

Степень изученности темы крайне низкая. Прямых исследований на протяжении всей истории фактически двух учебных заведений нет. Музыкантская школа, открытая Н. А. Римским-Корсаковым в 1873 г., упоминается редко и связано это либо с военными оркестрами («хорами»), либо с деятельностью композитора в должности инспектора военных хоров, или с историей Петербургской консерватории [1; 2].

О школе при восьмом флотском экипаже для мальчиков 7–14 лет, погибших матросов и рекрутов, которая существовала с 1833 до мая 1873 г., упоминает И. Шаванов в своей статье «Морское дело в Консерватории» [2]. Эта школа не получала от казны «ни продовольствия, ни обмундирования, ни помещения для жилья». Николай Андреевич Римский-Корсаков добился, чтобы

школу зачислили в смету морского ведомства с 8 мая 1873 г. Главной функцией школы стала подготовка музыкантов для нужд портовых и строевых хоров (оркестров) [2, с. 27]. Лучшие её воспитанники имели возможность поступить в Петербургскую консерваторию на отделение военно-морских хоров (с 1940 г. военно-морской факультет). За каждого ученика морское ведомство по настоянию Н. А. Римского-Корсакова выплачивало по 150 р. в год и распределяло на место службы, что не всегда согласовывалось с потребностями ведомства [2, с. 30–31].

Современные авторы, рассматривая работу системы образования страны в годы Великой Отечественной войны, дают обобщённые характеристики основных направлений её деятельности. Ю. Г. Россинский отмечает, что основной заботой государства с началом войны было сохранение жизни и здоровья детей, их эвакуация, медицинское обслуживание, обеспечение продуктами питания, обувью, одеждой и т. д., сохранение и развитие всеобща [3]. О роли государства в сохранении советской системы образования, её адаптации к новым военным условиям, в том числе детских домов и интернатов, пишут и другие авторы [4–6]. Однако ни в одной работе мы не встречаем обращения к опыту деятельности специальных учебных заведений, в т. ч. таких, как Музыкантская школа Балтийского ВМФ.

Определённый интерес представляют очерки советских авторов о музыке периода Великой Отечественной войны, в которых подчёркивалась сила воздействия песенной и оркестровой музыки во время войны [7–9]. Автор 200 песен, посвящённых военноморскому флоту и морякам, К. Листов писал о том, что «основная задача военных оркестров – быть средством воспитания» [9, с. 69]. Эта мысль имеет прямое отношение к Музыкантской школе ВМФ, её воспитанникам, преподавателям, военнослужащим.

Основными источниками о деятельности Музыкантской школы ВМФ в 1941–1945 гг. стали недавно рассекреченные материалы филиала Центрального архива Министерства обороны ВМФ, благодаря которым осуществлена реконструкция повседневной жизни специального учебного заведения закрытого типа военно-морских сил страны – Музыкантской школы ВМФ имени Римского-Корсакова [10; 11].

Основными методами исследования были хронологический, который обусловлен периодом Великой Отечественной войны

советского народа 1941–1945 гг.; метод статистики при подсчёте данных, связанных с преподавательским составом в годы войны, воспитанников и их обеспечения, в том числе обмундированием, средствами обучения и прочее. Аналитический, сравнительный и обобщающий методы применялись в работе с документами, хранящимися в архиве и использованными в данной публикации. Метод проектирования позволил восстановить повседневную жизнь руководства, преподавателей и воспитанников школы в период эвакуации.

Целью данной публикации является раскрытие одного из сложнейших периодов истории Музыкантской школы ВМФ, периода эвакуации с 1941 по 1945 гг., выявление условий пребывания школы в селе Сёла Верхне-Городковского района Молотовской области.

Результаты

Музыкантская школа ВМФ, несмотря на неоднократные закрытия и отмены, с момента своего образования представляла собой особый тип учебного заведения. Приказом комиссара просвещения РСФСР от 4 апреля 1941 г. устанавливались требования к поступающим в специальные военные средние школы. В нём говорилось, что учащимися этих школ могут быть только мальчики, окончившие в текущем учебном году 7-е классы «неполных средних и средних школ с отличной и хорошей успеваемостью, высокими политико-моральными качествами, отличной дисциплиной, отвечающих по состоянию здоровья требованиям службы в Красной Армии и Военно-Морском Флоте» [10, л. 56, 57].

Последовавшие далее постановление Совнаркома СССР и приказы Наркомпроса РСФСР и союзных республик установили, что все специальные военные средние школы являются интернатами закрытого типа, так называемыми «школами с особым режимом», в которых оставление учащихся на второй год по неуспеваемости запрещалось, учащиеся полностью находились на гособеспечении и за обучение не платили [10, л. 65–68, 146–147].

Отличительной особенностью Музыкантской школы ВМФ имени Римского Корсакова, находившейся ещё перед войной на Каменном острове г. Ленинграда, была не подготовка одиночных музыкантов, а целых оркестров, состоящих не менее чем из 20 чел. Выпускники этой школы были не только участ-

никами военных оркестров различных флотов страны, но и капельмейстерами этих и других оркестров. С развитием военно-музыкальной культуры в XX в. военные оркестры приобрели широкую популярность.

Газета «Красный флот» неоднократно сообщала о конкурсах морских военных оркестров. Так, например, в январе 1941 г. газета поместила заметку о конкурсе оркестров кораблей, частей и соединений на лучший духовой оркестр Тихоокеанского флота. В конкурсе приняло участие 14 военных оркестров. «Хорошие результаты продемонстрировал также участвовавший вне конкурса оркестр воспитанников, которыми управлял флагманский инспектор оркестров Тихоокеанского флота интендант 2-го ранга т. Елисеев. Воспитанники закончили в прошлом году Ленинградскую музыкантскую школу Военно-Морского Флота» [12, с. 4].

В 1941 г. воспитанники Музыкантской школы впервые участвовали в первомайском параде в Ленинграде, показав, как и другие военно-морские спецшколы, «хорошую строевую выpravку» [13, с. 1].

В июне 1941 г. в Музыкантской школе шли не только выпускные и переводные экзамены, но и готовились к летней практике. В соответствии с приказом начальника школы № 39 от 17 июня 1941 г. её окончили 32 воспитанника. За достигнутые успехи в области специальной и общеобразовательной подготовки четыре воспитанника были награждены ценными подарками, а за хорошую организацию учебно-воспитательной работы ряду преподавателей были вынесены благодарности с занесением в личное дело. Два старшины получили денежное вознаграждение «за хорошую работу на курсе и хорошую постановку в области строевой подготовки» (по 50 р. каждый) [11, л. 18].

В предвоенное время в Музыкантской школе установилась традиция выступлений её оркестров в выходные дни (воскресенье) и в День военно-морского флота перед ленинградцами. Так было и в воскресные дни 15 и 22 июня 1941 г., когда школьный оркестр выступал в Парке культуры и отдыха (ЦПКиО) им. Кирова [11, л. 51–54].

Начавшаяся война изменила летние планы. В условиях обострения ситуации под Ленинградом на основе приказа начальника Военно-морских учебных заведений ВМФ от 17 августа

1941 г за № 077 Музыкантская школа ВМФ, как и другие учебные заведения города, готовилась к эвакуации. 21 августа школа выехала из своего помещения на пр. Динамо, д. 11 г. Ленинграда и 6 сентября прибыла в город Молотов (г. Пермь). Через два дня местом её размещения стало село Сёла Верхне-Городковского района Молотовской области. Вместе со школой прибыли её выпускники, которые оказались «задержаны и назначения не получили», и 50 % преподавательского состава [14, л. 84].

В своём письме начальнику Военно-морских учебных заведений (ВМУЗ) от 16 сентября 1941 г. начальник школы Георгий Макарович Тараянц и комиссар школы Макаров (имя и отчество не указаны) обозначили первые трудности, с которыми столкнулись, прибыв на место. Школа осталась не только без связи с Ленинградом, но и без финансирования. На тот момент её не передали ни Наркомпросу, ни Наркомату ВМФ. Только с 1 января 1942 г. удалось добиться начала финансирования школы от Наркомата ВМФ.

Единственным, кто оказывал школе всемерную помощь, было Военно-морское авиа-техническое училище (ВМАТУ) им. Молотова. Об этом училище на протяжении первой половины 1941 г. в рубрике «По страницам краснофлотских газет» регулярно писала газета «Красный флот» [15]. Практически весь период эвакуации школа находилась на довольствии этого училища. Когда она оказалась в бедственном положении, связанным с ветхостью обмундирования и обуви воспитанников, после неоднократных обращений начальника школы по приказу Наркомата ВМФ училище выделило школе 100 комплектов требуемого обмундирования осенью 1943 г. [14, л. 106].

В докладе начальнику Управления подготовки и комплектования (УПК) ВМФ от 25 августа 1943 г. начальник школы Г. М. Тараянц сообщал: «... личный состав совершенно оборвался, остался без обуви, так как в таких условиях обувь срока своего не выносит и в половину положенного и вывезти личный состав куда-либо не представляется возможным» [14, л. 81]. Под «такими условиями» начальник подразумевал непролазную грязь в течение более половины года, т. е. от весны до лета, включая осень. Кроме того, все без исключения хоз. работы по обеспечению школы проводились силами учеников и «всё без транспорта, своими руками, на своих плечах» [14, л. 81].

Сохранить обмундирование, особенно мальчишкам, было крайне сложно. По установленной норме 1942 г. отпуска обмундирования на одного учащегося специальных школ военно-морских сил на три года обучения полагались: шинель суконная краснофлотская (1 шт.), фланелевая шерстяная и фланелевая бумажная тельняшки (по 1 шт.), форменка хлопчатобумажная (2 шт.) плюс ещё одна на второй год обучения. Брюки суконные должны были выдаваться каждый год в силу быстрого их износа, как и ботинки хромовые на кожаной подошве. По годовой норме учащимся выдавались также кальсоны (2 шт.), носки шерстяные (3 пары) и носки летние (3 пары) [10, л. 73, 75].

При проверке школы в июле 1942 г. инспектором Управления Военно-морских учебных заведений (ВМУЗ) П. Г. Скобликовым были установлены значительные трудности в жизнеобеспечении школы: непригодные для проживания и обучения помещения, низкая калорийность пищи как для детей, так и для преподавателей, антисанитарное состояние уборных и выгребной ямы в силу отсутствия дезинфекции и пр. [15, л. 34–35]. Характеризуя санитарное состояние школы, инспектор писал: «Школа находится в сельской местности в санитарном отношении совершенно неблагоустроенном» [15, л. 35].

Одним из угрожающих факторов было наличие сифилиса у жителей села, а также из-за расположения школы не было возможности приобрести необходимые лекарства и предметы туалета (зубной порошок, зубные щётки, мочалки для мытья) [15, л. 36]. Воспитанникам и преподавателям было запрещено общаться с местным населением из-за угрозы возможного заражения. Мыться ходили только в проверенные бани местных жителей.

Однако, несмотря на имеющиеся трудности, инспектор констатировал, что «желудочно-кишечных заболеваний не отмечалось» (фраза подчёркнута), как и «острых инфекционных заболеваний...». Имелся лишь случай «костного и лимфатического туберкулёза и хронического полиартрита» [15, л. 36]. О профилактических мероприятиях в школе школьный врач Накрайникова сообщала, что в школе была проведена брюшно-тифозная и паратифозная иммунизация (А и В) воспитанников III и II курсов, командования и служащих. Также была проведена противодизентерийная иммунизация всего личного состава школы, служащих и их семей. Всему личному составу была

проведена санация зубов. Докладная записка школьного врача легла в основу акта проверки школы инспектором Управления ВМУЗов по Музыкантской школе 13–15 июля 1942 г. [15, л. 37].

Вместе с воспитанниками школы трудности эвакуации испытывали на себе и военнослужащие, и вольнонаёмные работники, главным образом, преподаватели. После окончания 1940–1941 уч. года июньские приказы начальника школы были связаны с очередным выпуском воспитанников, подготовкой к лагерным сборам, награждением личного, преподавательского и младшего командного состава ценными подарками, денежным вознаграждением, благодарностью с занесением в личное дело, билетами в театр и пр. Приказом начальника школы от 16 июня 1941 г. 25 преподавателей были отправлены в отпуск [15, л. 17].

Именно в условиях военного времени проявляются человеческие характеры, сила духа, чувство долга. На наш взгляд, важным фактом в биографии школы, стало то, что часть преподавателей школы, не дожидаясь конца отпуска, вернулась к исполнению своих обязанностей в школе 11 августа 1941 г. А кто-то, как преподаватель ударных инструментов Н. С. Никитин, с 1 августа добровольно вступил в народное ополчение [15, л. 39]. В акте о проверке состояния и работы школы (июль 1942 г.) был приведён список преподавателей, выбывших из школы в момент её перебазирования. Из 15 чел., указанных в списке, трое преподавателей по общеобразовательным предметам: математике (завуч Н. И. Колпакова), русскому языку и литературе и географии остались в Ленинграде. Преподаватель истории В. И. Творожкова убыла на фронт медсестрой.

На 1942–1943 уч. год в школе было пять учителей общеобразовательных предметов во главе с завучем А. И. Ристолайнен, преподававшей русский язык и литературу. Два учителя вели по два (биология и география) и три предмета (математика, физика, химия) одновременно. Немецкий язык, историю и Конституцию СССР вели два совместителя. При проверке школы инспектор отметил, что одна из учительниц (Г. М. Опарина) не соответствовала требованиям школы. «Остальные предмет знают, методикой владеют» [10, л. 24].

Восемь преподавателей по специальности: труба, кларнет, флейта, гобой, валторна и др. убыли в эвакуацию с филармонией (г. Новосибирск), консерваторией (г. Ташкент), Михайлов-

ским и Кировским театрами (г. Молотов) [10, л. 22]. В начале 1941 г. в школе было 20 преподавателей по различным музыкальным инструментам и предметам [16, л. 8]. В селе Сёла их было всего пять во главе с начальником школы, который часть музыкальной подготовки воспитанников взял на себя.

О четырёх преподавателях школы по спецдисциплинам следует сказать особо. Среди них: О. П. Егиазаров – преподаватель теории музыки и сольфеджио; А. В. Ланге – класс трубы и корнетов; В. И. Зайончковский – кларнеты; В. Ф. Киблер – баритон-басы. Последний был одним из лучших преподавателей школы. Все они имели высшее музыкальное образование, большой стаж работы по специальности, в том числе педагогической (от 10 до 29 лет). При катастрофической нехватке преподавателей они имели учебную нагрузку от 40 до 44 ч в неделю [10, л. 23].

Несмотря на трудности в организации специального и общеобразовательного обучения, инспектор оркестров ВМФ П. Г. Куприянов дал высокую оценку оркестровой подготовки воспитанников. При этом, как говорилось в акте проверки, воспитанники школы на момент проверки провели четыре концерта в местном районе [10, л. 6, 13].

Об одном из таких выступлений писала Молотовская областная газета «Звезда». О праздновании пятилетия школы ВМФ газета сообщала в небольшой заметке, в которой отмечалось, что школа готовит «квалифицированных музыкантов-духовиков для подразделений ВМФ. К работе в школе привлечены квалифицированные преподаватели музыки – профессор Гордон, доцент Березин, преподаватели Залонговский, Киблер, Ланго, Елизаров и другие». Оркестр школы исполняет на практических занятиях произведения Чайковского, Листа, Грига, Гуно и др., и что «при школе создан ансамбль песни и пляски из 90 человек».

Заканчивалась заметка тем, что в день 5-летия школы силами учащихся будет дан «большой концерт, в котором будут участвовать духовой оркестр и ансамбль песни и пляски», а днём будут проведены военно-физкультурные соревнования¹ [17, с. 1].

Действительно, выпускники школы, составлявшие штат военных оркестров советских флотов, отличались хорошей выучкой и высокой музыкальной подготовкой. Так, летом 1943 г.

¹ Официальный сайт «Чусовской городской округ Пермского края». Музыкантская школа в Сёлах. URL: <https://chusokrug.ru/news/66503> (дата обращения: 15.01.25).

к зачёту духовых оркестров по служебно-строевому репертуару в Кронштадте среди десяти оркестров был допущен и оркестр из бывших воспитанников школы в количестве 17 чел. Руководил оркестром капельмейстер, старший лейтенант Баронин, который отдельной строкой в протоколе был отмечен комиссией «как добившийся значительных успехов по специальной подготовке». В отдельном пункте акта о результатах зачёта говорилось, что «отличные успехи показали молодые кадры – юные музыканты, бывшие воспитанники Музыкантской Школы ВМФ, прибывшие на КБФ¹» [15, л. 69].

Местоположение школы в одном из сёл Молотовской области было неблагоприятным не только для организации систематической учебной деятельности, особенно по специальности, но и для решения целого круга жизненно важных вопросов. Достаточно сложно решался вопрос с питанием воспитанников и преподавательского состава.

В мае 1942 г. начальник школы обращается к начальнику Главного управления портов ВМФ, начальнику Санитарного управления ВМФ и старшему инспектору инспекции военных оркестров УПК ВМФ с тем, что «отпуск тылового пайка является неправильным, т. к. школа – это среднее учебное заведение ВМФ» [17, л. 1].

По донесению школьного врача участились случаи жалоб учеников школы «на головные боли, головокружение, ощущение общей слабости, кроме того, жалобы на кровоточивость дёсен, шатание зубов – результат недостаточного количества витаминов и низкой калорийности пищи». В адрес инспекции оркестров начальник школы писал: «Учитывая детский растущий возраст учеников (13–17 лет) и существующую большую нагрузку, достигающую для такого возраста одних только классных занятий до 10 часов в сутки, прошу Вашего указания ВМАТУ им. Молотова о отпуске личному составу школы, как учебному заведению, курсантского пайка (вместо тылового – Л. С.) наравне с учениками школ учебных отрядов» [17, л. 1]. Не сразу, но вопрос с пайком для учащихся был решён (с 1 июня 1942 г.).

С преподавателями было сложнее. Питанием они обеспечивались только один раз в сутки – обед в школьной столовой. В одном из выводов по результатам проверки школы организация питания преподавателей оценивалась как неудовлетво-

¹ КБФ – Краснознамённый Балтийский флот.

рительная [10, л. 16]. Продовольствие, хотя и в недостаточном количестве, они получали по карточкам, но доставить или приобрести продукты было затруднительно. По мнению школьного врача Накрайниковой, большая нагрузка отражалась на нервной системе и общем состоянии здоровья преподавателей. Плохое питание приводило к «жалобам педагогов на головную боль, головокружение, потемнение в глазах; на появление общей слабости и быстрой утомляемости. Они стали крайне раздражительны и нервны» [15, л. 34].

На момент проверки школы летом 1942 г. школьные учителя приступили к разведению свиней, имея уже две свиноматки и 10 маленьких поросят, что, по мнению проверяющего капитана 2-го ранга П. Г. Скобликова, «позволит улучшить питание с осени сего года семей начсостава и преподавателей». У некоторых имелись свои небольшие огороды [10, л. 15].

Доставка продуктов из г. Молотов в село Сёла была большой проблемой. После многократных требований начальника школы она, наконец, была обеспечена гужевым транспортом в наём. До 1943 г. в школе было две лошади. Была и машина, но использовать её можно было только два месяца летом (июль-август), «при условии устоявшейся жаркой погоды» [15, л. 81]. В самом селе приобрести продукты было невозможно, так как местные жители не продавали их за деньги, а меняли на промтовары, которых у школы не было [10, л. 14].

В своём докладе начальнику Управления подготовки и комплектования ВМФ от 25 августа 1943 г. начальник школы писал о найденном пути решения этой проблемы: «... приходится снаряжать по 30–40 человек для переброски на себе на расстояние 7–11 км продуктов, обмундирования и т. д., что вызывает потери, недостачу их и приносит огромный ущерб учебной работе, ведёт к снижению дисциплины, не говоря о безусловном явно непроизводительном труде и затрате энергии и сил учеников» [15, л. 81].

Досуг воспитанников Музыкантской школы в условиях сельской местности был организован по традициям городской жизни. В школе был киноаппарат, но электричества не было, не было и киномеханика. В школе два раза в неделю проводилась политинформация по 20 минут. Два раза в месяц выходила школьная газета, был организован драмкружок. Проводились беседы с участниками Отечественной войны. Были организованы

культпоходы в кинотеатры города Молотова (1–2 раза в месяц) и экскурсии на молочно-товарную и животноводческую фермы, 80 % воспитанников были награждены значком ГТО. Проводились соревнования по шахматам, лыжам, городкам, футболу [15].

Несмотря на сокращение школьного книжного фонда, обеспечивала школу художественной литературой, газетами и журналами районная передвижная библиотека. Периодические издания доставлялись от одного до пяти экземпляров: газеты «Комсомольская правда» и «Пионерская правда» по 1 экз.; журналы «Крокодил» и «Огонёк» также по 1 экз.; местная областная газета «Звезда» – 3 экз.; газета «Московская правда» – 2 экз., а «Водный транспорт» – 10 экз. В школьной библиотеке было всего 200 книг. Обеспеченность учебниками была очень низкой. Вообще не было учебников по литературе, по истории средних веков было 9 учебников на 42 чел., а по остальным предметам один учебник на 2–3 чел. [10].

С первых дней пребывания Музыкантской школы в Молотовской области в с. Сёла Верхне-Городковского района начальник училища Г. М. Тараянц ходатайствовал перед всеми инстанциями о переводе школы в город Молотов для успешного осуществления учебно-воспитательного процесса в школе. В начале даже было найдено место – бывший клуб железнодорожников. Однако до конца эвакуации школа находилась в сельской местности, лишённой необходимых условий не только для взрослых, но и для детей¹.

1944 г. стал переломным для ленинградских учреждений культуры, эвакуированных в Молотов. Вернулся в Ленинград театр оперы и балета им. Кирова, музыканты которого поддерживали связь с Музыкантской школой ВМФ. Вновь усилился «преподавательский голод» по специальным музыкальным дисциплинам. Вопрос о реэвакуации встал и перед школой.

В марте 1944 г. вышло постановление Совнаркома № 242 «О порядке возвращения школьных зданий, используемых не по назначению», в соответствии с которым «школьные здания, освобождаемые воинскими частями, госпиталями, предприятиями, учреждениями и другими организациями, должны возвращаться в полном порядке школам, у которых они были

¹ Официальный сайт «Чусовской городской округ Пермского края». Музыкантская школа в Сёлах. URL: <https://chusokrug.ru/news/66503> (дата обращения: 15.01.25).

временно изъяты, для использования их по прямому назначению»¹. Определялись ответственные исполнители и срок возвращения школ – 1 июля 1944 г. В соответствии с этим постановлением Музыкантская школа, находившаяся в Сельской школе, также должна была освободить место в силу того, что она была подведомственна Балтийскому военно-морскому флоту.

И вновь начальнику школы пришлось бороться за школу, так как освободить занимаемое помещение молниеносно или в кратчайшие сроки школа не могла. Впереди предстояло подобрать новый контингент учащихся из детских домов Молотовской области, подготовить и провести итоговую аттестацию выпускников. Зданиям школы требовался и ремонт, начиная с крыш зданий.

Летом 1944 г. состоялся очередной (пятый) выпуск специалистов-музыкантов для ВМФ. За достигнутые результаты по подготовке кадров для ВМФ приказом народного комиссара ВМФ Союза ССР от 24/VI-44 г. была дана положительная оценка работе всего личного состава. Начальствующий и преподавательский состав школы были отмечены значком «Отличник ВМФ» и денежным вознаграждением. Вольнонаёмные работники (библиотекарь, повар, кассир-делопроизводитель, уборщицы, прачки, подавальщица, посудомойка и др.) получили премию от 250 до 100 р. [11, л. 110–111].

Подготовка к реэвакуации школы началась в соответствии с директивными указаниями Управления военно-морскими учебными заведениями Наркомата ВМФ. Начальники училищ должны были заблаговременно решить вопрос о приведении в порядок жилищного фонда по месту предвоенного пребывания, а также «изыскать возможности для заготовки основных ремонтных материалов и доставки их в Ленинград» по месту временного базирования [22, л. 60]. А на месте для проведения капитально-восстановительного ремонта зданий военно-морских учебных заведений требовались «стекло, фанера, гвозди, доски, олифа, трубы, радиаторы, предметы сантехники, любая краска, железо и т. п.» [19, л. 134]. Военно-морским учебным заведениям, в том числе и Музыкантской школе ВМФ, надо было вернуть помещения, в которых они находились до войны. Сделать это было непросто.

¹ Директивы ВКП (б) и постановления Советского правительства о народном образовании. Сб. документов за 1917–1947 гг. Приложение к журналу «Советская педагогика». Вып. 1 / сост. Н. И. Болдырев. М.–Л.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1947. С. 313–314.

Благодаря рассекреченному акту по проверке состояния и хранения имущества, оборудования и музыкальных инструментов, принадлежащих школе, от 23.XI.42 г., составленному инспектором Инспекции оркестров ВМФ при Управлении подготовки и комплектования ВМФ, начальником материально-финансовой части УПК ВМФ, начальником и капельмейстером Музыкантской команды Ленинградского флотского экипажа удалось установить, что в здании школы по проспекту Динамо, д. 11 на Каменном острове города Ленинграда был расквартирован дивизион Н-ского аэростатного полка ПВО Ленинградского фронта. Здание, которое принадлежало Отделу народного образования Ленинградского горсовета депутатов трудящихся, на момент проверки с 18 по 21 ноября 1942 г. находилось в удовлетворительном состоянии. Однако внутри здания комнаты были не опечатаны, в лабораторных шкафах был полный беспорядок, личные вещи (тельняшки, бельё, обувь), бывшие в употреблении, «находятся в хаотичном состоянии и валяются на полу... (десять стульев пришли в полную негодность)» [20, л. 19].

Обнаруженные музыкальные инструменты (52 из 57 наименований описи имущества) требовали среднего или капитального ремонта. При перебазировании (эвакуации) командованием школы имущество, оборудование и музыкальные инструменты были переданы по акту (не был обнаружен комиссией) завхозу школы Н. М. Грибанову, но его призвали на флот. При отъезде он передал ключи от комнат с лабораторным оборудованием и иным имуществом старшему лейтенанту Николаеву, но акта они не составили. Комиссией предлагалось экипажу КБФ взять под контроль имущество школы, а шкафы и комнаты опечатать. «При обнаружении недостачи имущества, материалы передать в Прокуратуру ВМФ» [20, л. 20].

Активная фаза подготовки к возвращению в Ленинград началась в школе с марта 1944 г. Проходила она не так быстро и не так успешно. Предстояло вывезти более 200 чел.: военнослужащих – 21, вольнонаёмных – 32, воспитанников – 165 чел. [21, л. 36–37]. С 8 апреля Молотовская администрация начинает требовать освободить школу. Однако на 10 апреля администрация так и не предоставила двух обозных лошадей, которых обещали ранее. Прошло более года, прежде чем появилась реальная возможность вернуться в Ленинград.

20 августа 1945 г. приказом № 158 на основании решения ГКО от 29 июля 1945 г. начальник школы Г. М. Тараянц утвердил порядок реэвакуации Музыкантской школы из села Сёла Верхне-Городковского района Молотовской области в Ленинград. В соответствии с приказом № 161 в восемь часов вечера 26 августа школа отбыла из Сёла, чтобы прибыть на станцию «Урал-нефть» Пермской железной дороги для погрузки в вагоны 27 августа. В Ленинград школа прибыла 6 сентября и была временно размещена в Ленинградском флотском экипаже [10, л. 213–215].

В новом учебном году занятия в школе начались только 5 октября, в условиях, «ненормальных для обучения» [22, л. 25]. В начале учебного года школа «не имела скамеек, тумбочек и столов. Воспитанники в продолжении длительного времени стоя принимали пищу, а на кроватях располагались по двое», – говорилось в политдонесении школы от 29 июня 1946 г., хотя после возвращения прошло девять месяцев [22, л. 26–27]. В школе не хватало учебников по общеобразовательным предметам. Здания и их помещения, в которых располагалась школа, были непригодны и неприглядны, и требовали ремонта. В это время Музыкантская школа военно-морских сил СССР уже находилась по адресу: г. Ленинград, ул. Мастерская, д. 26-4.

Музыкантская школа ВФМ с 1941 по 1945 г. сумела преодолеть трудности военного времени и вернуться к мирной жизни в родном городе.

Обсуждение и выводы

Музыкантская школа ВМФ им. Римского-Корсакова (это имя школа получила в 1948 г.) в годы Великой Отечественной войны выполняла главную свою задачу: воспитывать и обучать будущих музыкантов военных оркестров для Военно-морского флота СССР. Эта школа была сохранена как одна из наиболее востребованных и в условиях мира, и в военное время.

В годы Великой Отечественной войны подготовленные оркестры из выпускников Музыкантской школы ВМФ были направлены на Балтийский, Северный и Черноморский флоты СССР.

Осенью 1941 г. школа была эвакуирована из Ленинграда в Молотовскую (Пермскую) область. Сначала в Чусовские городки, потом в город Молотов, где места ей не нашлось (много эвакуированных учреждений культуры) и, в конечном итоге шко-

ла четыре года находилась в селе Сёла Верхне-Городковского района Молотовской области. Несмотря на сложные условия жизни в деревне в период эвакуации, администрации школы во главе с ее начальником Георгием Макаровичем Тараянцем (1904–1961?) удалось сохранить контингент воспитанников школы (переменный состав) в условиях войны, реализовать общеобразовательную и музыкальную подготовку воспитанников.

Как и в предвоенный, так и в военный период Музыкантская школа давала одновременно музыкальное и общее образование, решая тем самым задачи всеобуча. Ежегодные экзамены демонстрировали готовность воспитанников к предстоящей профессиональной музыкальной и оркестровой деятельности. Оркестровая подготовка выпускников школы традиционно оценивалась достаточно высоко.

Продолжая традиции, заложенные ещё в XIX в. великим композитором, воспитанники Музыкантской школы, занимались не только музыкой и учили уроки, но и участвовали в концертной деятельности. Выступление школьного оркестра, состоящего из мальчишек 14–17 лет, вызывали глубокий отклик в душах местного населения. Выпускники школы, составлявшие основу морских военных оркестров, успешно сдавали зачёты в соревнованиях оркестров, а в случае военной необходимости в полном составе отправлялись в действующие флоты.

Свободное время воспитанников было распределено между просветительскими мероприятиями, самоподготовкой, организацией быта, хозяйственными работами по обеспечению жизнедеятельности школы, спортивными соревнованиями.

Несмотря на военное время и вызванные им трудности, военный и вольнонаёмный состав преподавателей добивался положительных результатов в обучении воспитанников, стабильных хороших результатов в успеваемости. Дисциплинарные проступки воспитанников были немногочисленными, в школе удавалось обеспечивать порядок.

Большая заслуга в сохранении школы принадлежит тем, кто не покинул её в момент эвакуации, кто, испытывая лишения, связанные с полуголодным существованием и сложными условиями осуществления своих обязанностей, выстоял и остался верен своему делу и долгу. Безусловным лидером всего коллектива был начальник школы Георгий Матвеевич Тараянц. Его

личные качества, профессионализм, способность находить решение в сложных ситуациях, преданность делу служили примером для его соратников.

Исследование истории Музыкантской школы ВМФ в годы войны является определённым вкладом в изучение советской системы школьного образования военного времени и, в частности, школ закрытого типа. В годы войны школа была подведомственна двум наркоматам: военно-морскому и просвещения, поэтому и задачи, которая решала школа, были комплексными и взаимосвязанными: обеспечить реализацию всеобуча и необходимую профессиональную подготовку музыкантов, которые были востребованы в военных оркестрах Наркомата ВМФ¹.

Список литературы

1. Колесникова Д. Морской факультет Консерватории // Альманах «Малоизвестные страницы Консерватории». Выпуск V. URL: <http://www.conservatory.ru/node/704> (дата обращения: 07.12.24).
2. Шаванов И. Морское дело в Консерватории // Альманах «Малоизвестные страницы Консерватории». Выпуск XI. URL: <http://www.conservatory.ru/node/704> (дата обращения: 07.12.24).
3. Россинский Ю. Г. Система образования РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2 (23). С. 24–33.
4. Гуркина Н. К. Российская школа в годы Великой Отечественной войны (особенности управления и развитие образовательной системы) // Управленческое консультирование. 2020. № 10. С. 146–156. EDN: FDCIVZ
5. Малхасян Н. В. Политика советского правительства в области народного образования в годы Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 3. Т. I (Гуманитарные науки). С. 55–57. EDN: PIWZIV
6. Помелов В. Б. Отечественное образование в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник ШГПУ. 2019. № 4 (44). С. 264–269. EDN: НРУУКВ
7. Апостолов П. Война и музыка // Советская музыка. 1946. № 2–3. С. 58–65.
8. Данилевич Л. Музыка на фронте // Советская музыка. 1946. № 2–3. С. 65–71.
9. Листов К. На флотах Отечественной войны // Советская музыка. 1946. № 2–3. С. 77–79.
10. Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 280.
11. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 858.
12. Лучшие оркестры // Красный флот. 22 июня 1941. С. 4.
13. Ко дню Военно-Морского Флота. Экзамены в спец. военно-морских школах // Красный флот. 1941. 20 мая. С. 1.
14. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1552.
15. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 269.
16. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 858. Оп. 8790. Д. 1.
17. Пятилетие музыкантской школы ВМФ // Звезда. 1942. № 219. С. 1.
18. Красный флот. Орган народного комиссариата военно-морского флота. 1941.
19. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 4. Оп. 999.
20. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1531.
21. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1573.
22. Филиал ЦА МО РФ – архив ВМФ. Ф. 858. Оп. 034881. Д. 1.

¹ Иллюстрацию к статье см. на с. 205.

Baltic Navy Musician School During the Years of Military Trials of 1941–1945 (Based on Archival Materials)

Lyudmila N. Semyonova

With the beginning of the Great Patriotic War, Soviet education system was subjected to severe tests. It was necessary first to transport, and then to ensure the functioning of schools, boarding schools, orphanages in the conditions of evacuation. By the beginning of the war, there were various types of schools in the USSR, including closed ones. Among the closed ones there was a school that gave 14–17 years old boys special musical and general education. This school has its roots in the 19th century, when the inspector of military choirs (orchestras) of the naval department N. A. Rimsky-Korsakov founded the Navy Musical School. In the 20th century, the Navy Music School became a closed educational institution. The pupils lived in conditions of a boarding school. From the beginning to the end of its existence, the school trained not so much individual performers as groups of musicians for military orchestras. During the Great Patriotic War, the Rimsky-Korsakov Naval Music School was evacuated to the village of Syola in the Verkhne-Gorodkovsky district of the Molotov region (Perm Territory). Despite the wartime, the school carried out annual admission and graduation of pupils. Future pupils were selected in orphanages on the basis of musical abilities, excellent and good academic performance and discipline. The pupils were fully supported by the state. The school administration made great efforts to provide pupils with the most necessary things: clothes, uniforms, shoes, school supplies, food, tolerable living conditions.

Key words: education, special educational institutions of the closed type, orphanage, special musical education and upbringing, pupils, military orchestra, the Great Patriotic War of 1941–1945.

For citation: Semenova, L. N. (2025) Muzykantskaya shkola Baltijskogo VMF v gody voennykh ispytaniy 1941–1945 gg. (po arhivnym materialam) [Baltic Navy Musician School During the Years of Military Trials of 1941–1945 (Based on Archival Materials)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 86–104. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_86. EDN: AVXEEE

References

1. Kolesnikova, D. Morskoj fakul'tet Konservatorii [The Maritime Faculty of the Conservatory]. *Al'manah «Maloizvestnye stranicy Konservatorii»* [Almanac "Little-known Pages of the Conservatory"]. Iss. V. Available at: <http://www.conservatory.ru/node/704> (accessed 07 December 2024). (In Russ.)
2. SHavanov, I. Morskoe delo v Konservatorii [Maritime Affairs at the Conservatory]. *Al'manah «Maloizvestnye stranicy Konservatorii»* [Almanac "Little-known Pages of the Conservatory"]. Iss. XI. Available at: <http://www.conservatory.ru/node/704> (accessed 07 December 2024.). (In Russ.)
3. Rossinskij, YU. G. (2015) Sistema obrazovaniya RSFSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The education system of the RSFSR during the Great Patriotic War]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. No. 2 (23). Pp. 24–33. (In Russ.)
4. Gurkina, N. K. (2020) Rossijskaya shkola v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (osobennosti upravleniya i razvitiye obrazovatel'noj sistemy) [Russian school during the Great Patriotic War (features of management and development of the educational system)]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management consulting]. No. 10. Pp. 146–156. EDN: FDCIVZ (In Russ.)
5. Malhasyan, N. V. (2011) Politika sovetskogo pravitel'stva v oblasti narodnogo obrazovaniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Policy of the Soviet Government in the Field of Public

Education during the Great Patriotic War]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 3. Vol. I (Humanities). Pp. 55–57. EDN: PIWZIB (In Russ.)

6. Pomelov, V. B. (2019) Otechestvennoe obrazovanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Domestic education during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Vestnik SHGPU* [Bulletin of ShSPU]. No. 4 (44). Pp. 264–269. EDN: HPUYKW (In Russ.)

7. Apostolov, P. (1946) Vojna i muzyka [War and music]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. No. 2–3. Pp. 58–65. (In Russ.)

8. Danilevich, L. (1946) Muzyka na fronte [Music at the front]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. No. 2–3. Pp. 65–71. (In Russ.)

9. Listov, K. (1946) Na flotah Otechestvennoj vojny [On the fleets of the Patriotic War]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. No. 2–3. Pp. 77–79. (In Russ.)

10. Filial Central'nogo arhiva Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii [Branch of the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation] (hereinafter – Filial CA MO RF – arhiv VMF). F. 4. Op. 1. D. 280.

11. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 858.

12. Luchshie orkestry [The Best Orchestras]. *Krasnyj flot* [The Red Fleet]. June 22, 1941. P. 4. (In Russ.)

13. Ko dnyu Voенно-Morskogo Flota. Ekzameny v spec. voенно-morskih shkoleh [For the Day of the Navy. Exams in Specialized Naval Schools]. *Krasnyj flot* [The Red Fleet]. May 20, 1941. P. 1. (In Russ.)

14. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 2. Op. 6. D. 1552.

15. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 4. Op. 1. D. 269.

16. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 858. Op. 8790. D. 1.

17. (1942) Pyatiletie muzykantskoj shkoly VMF [Fifth anniversary of the Navy Music School]. *Zvezda* [Zvezda]. No. 219. P. 1. (In Russ.)

18. (1941) *Krasnyj flot. Organ narodnogo komissariata voенно-morskogo flota* [Red Fleet. Organ of the People's Commissariat of the Navy]. (In Russ.)

19. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 4. Op. 999.

20. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 2. Op. 6. D. 1531.

21. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 2. Op. 6. D. 1573.

22. Filial CA MO RF – arhiv VMF. F. 858. Op. 034881. D. 1.

Об авторе

Семенова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: ln.semenova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9048-7200

About the author

Semyonova Lyudmila N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: ln.semenova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-9048-7200

Статья поступила в редакцию 23.04.2025

Одобрена после рецензирования 06.05.2025

Принята к публикации 12.05.2025

Механизм влияния немецко-фашистских оккупационных властей на массовое сознание жителей г. Красногвардейска

М. В. Максимов

В статье на основании широкого круга источников рассматриваются основные факторы, которые использовались немецко-фашистским оккупационным режимом в рамках формирования механизма влияния на массовое сознание и повседневность жителей оккупированной территории на примере г. Красногвардейска (г. Гатчина). Были выявлены основные компоненты влияния немецко-фашистской оккупационной власти на местных жителей с целью изменения их массового сознания, а также предотвращения любых форм сопротивления на оккупированной территории. Наиболее отчётливо в данной системе влияния выделяются такие факторы, как перманентное запугивание населения с целью его тотального контроля, использование идеологической пропаганды, жёсткое цензурирование источников информации, политика голода, а также применение жестоких репрессий с использованием пыток и публичных казней по отношению к мирному населению. Оккупационная политика преследовала своей целью формирование среди населения отрицательного отношения к советской власти, доброжелательного отношения к немецким солдатам как к освободителям населения от большевизма, пропаганды сотрудничества и несопротивления, а также пропаганды тотального подчинения в рамках социал-националистических расовых установок. Данная статья создана в рамках подготовки диссертационного исследования по теме «Повседневная жизнь и массовое сознание жителей пригородных районов Ленинграда в 40-е гг. XX в.».

Ключевые слова: Великая Отечественная война, немецко-фашистская оккупация, массовое сознание, повседневность, Ленинград.

Для цитирования: Максимов М. В. Механизм влияния немецко-фашистских оккупационных властей на массовое сознание жителей г. Красногвардейска // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 105–125. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_105. EDN: AXTHGM

Введение

В период немецко-фашистской оккупации территорий СССР множество людей были вынуждены столкнуться с трудными вызовами, при которых их повседневная жизнь была затронута политическими и военными событиями. Красногвардейск¹ не стал исключением в длинном ряду оккупированных городов и сёл Ленинградской области. Оккупационный режим не только внёс существенные изменения в повседневную жизнь, но и оказал значительное влияние на психологию, социальные взаимоотношения и массовое сознание красногвардейцев. Огромную роль в процессе трансформации массового сознания сыграл системный механизм нацистского воздействия на граждан с целью их тотального контроля и подчинения.

В отечественной исторической науке тема Великой Отечественной войны и немецко-фашистской оккупации занимает ключевую позицию в научных исследованиях различного характера.

В советской историографии вопрос повседневной жизни на землях, занятых немецко-фашистскими войсками, не рассматривался отдельно от общей темы Великой Отечественной войны. Оккупация, как правило, исследовалась в рамках контекста самой войны, при этом многие аспекты повседневной жизни либо намеренно обходились стороной, либо ненамеренно игнорировались. Несмотря на это, советские исследователи внесли значительный вклад в понимание проблемы оккупации. Советскими историками рассматривались вопросы экономической стратегии нацистов на оккупированных территориях [1], преступления немецкой армии [2–3], деятельность партизанских отрядов и их роль в помощи РККА [4–5], борьба местных жителей с захватчиками [6–7].

Исследователи же постсоветского времени подробно рассматривали вопросы коллаборационизма [8–9], а с обретением актуальности в отечественной исторической науке такого направления исследований, как история повседневности, и различные, преимущественно бытовые, аспекты жизни советских мирных граждан, в первую очередь в блокадном Ленинграде [10–12].

В контексте исследования повседневности советских граждан в годы немецко-фашистской оккупации территорий СССР

¹ Данное название г. Гатчина носил с 1929 по 1944 гг., здесь и далее г. Гатчина будет именоваться нами в рамках советской топонимики Красногвардейском.

не в последнюю очередь интересны вопросы их не только бытового, но и морального, психологического состояния. Отдельные сюжеты, связанные с анализом повседневности, а также формирования и изменения массового сознания под влиянием немецко-фашистского оккупационного режима, были рассмотрены такими авторами, как Н. Д. Козлов [13–15], Б. Н. Ковалёв [16], Е. Е. Красноженова [17–18], В. А. Сомов [19], Т. Н. Минникова [20] и др. Вместе с тем в отечественной историографии нет работ по изучению влияния нацистского оккупационного режима на повседневность и массовое сознание жителей Красногвардейска.

Целью данной статьи является выявление основных факторов действия механизма влияния немецко-фашистских оккупационных властей на массовое сознание жителей Красногвардейска.

Источниковая база исследования представлена материалами, относящимися к деятельности государственных комиссий, которые занимались расследованием немецких преступлений на захваченной территории. Делопроизводственные документы предоставляют множественные свидетельства людей, которые смогли пережить оккупационное время и дать свои показания относительно разрушений и разграблений, а также о структуре нацистской власти, которая была установлена в оккупированных пригородах. Данные документы являются также и важным статистическим источником, показывающим масштабы разрушений и смертности в Красногвардейске в исследуемый период.

Результаты

В довоенное время Красногвардейск был благоустроенным советским городом, где историческая архитектура перекликалась с развитой гражданской инфраструктурой, а также промышленными предприятиями. В городе находился не только знаменитый дворец, который был популярен у советских граждан как место культурного отдыха, но также и вузы, средние школы, дом культуры, дом РККА, театр, библиотека, больницы, ЖД вокзалы [21, л. 2]. Промышленный потенциал города был представлен несколькими крупными заводами, а также многочисленными промкооперативами [21, л. 2].

Согласно переписи населения за 1939 г., до оккупации в городе проживало 38 201 чел. [22, л. 63]. С началом войны жители города были задействованы в массовых оборонительных мероприятиях не только в районе Красногвардейска, но также и в других пригородных районах Ленинграда. Однако после тяжёлых боёв в сентябре 1941 г. город был сдан немецко-фашистским войскам.

Оккупация разрушила гражданскую, промышленную и государственную инфраструктуру города. За три ее года, с 13 сентября 1941 г. по 25 января 1944 г., немецкие солдаты уничтожили промпредприятия¹, дворец-музей², сожгли вместе с оборудованием культурные и медицинские учреждения, массово вырубали деревья дворцового парка. При отступлении были взорваны ж.-д. вокзалы и депо. Значительно пострадала и большая часть коммунального хозяйства: электростанция, электросеть, водопровод, канализация, городская баня, прачечная и хлебозавод. Более 120 тыс. кв. м жилой площади, находящейся в коммунальных и частных домах, было разрушено, в результате чего тысячи жителей остались без дома [21, л. 3].

Однако самым большим страданиям подверглись не здания и материальные объекты Красногвардейска, а местные жители, которые были вынуждены жить в обстановке экстремальной ситуации немецко-фашистской оккупации на протяжении 866 дней.

Для того чтобы эффективно воздействовать на массовое сознание местных жителей, а также предотвратить акты сопротивления и склонить красногвардейцев к сотрудничеству, немецко-фашистские власти использовали комплексный механизм психологического и физического влияния на жителей города. Для углубленного понимания работы данного механизма, стоит уточнить организационную структуру, которую нацисты создали в Красногвардейске. Так, власть в городе была поделена между двумя основными управляющими органами: немецкой комендатурой и русской управой.

Немецкая комендатура, управлявшаяся военным комендантом, контролировала армейские части нацистов, которые базировались в городе, а также исполняла руководящую роль

¹ В то же время значительная часть специализированного оборудования заводов была вывезена в Германию.

² Те коллекции и памятники искусства, которые хранились в музее и не были эвакуированы в первые месяцы после начала войны, были либо вывезены в Германию, либо уничтожены.

в управлении городской жизнью преимущественно через приказы и распоряжения русской управе.

Русской управой заведовал бургомистр¹, человек, который выбирался нацистами из местных жителей. Бургомистр был призван налаживать отношения между оккупантами и красногвардейцами наиболее понятным русскому населению образом и продвигать национал-социалистическую идеологию в массы.

Отдельную и немаловажную роль в контроле за населением выполняли местные отделения СС и гестапо.

В целом, в нацистском механизме власти и влияния на массовое сознание можно выделить несколько ключевых факторов: страх, как средство контроля; ограниченный доступ к информации; идеологическая пропаганда; склонение к сотрудничеству; «План голода».

В центре механизма контроля за населением стоял страх. Оккупационные власти систематически угрожали насилем и применением репрессий для подавления любых форм непослушания или сопротивления среди местных жителей. Перманентная опасность, создаваемая преступными действиями нацистов, порождала тревогу и неопределённость среди жителей, заставляя их испытывать чувство уязвимости и беспомощности перед захватчиками.

Репрессивная политика оккупационных властей включала в себя частые аресты, принудительную депортацию местного населения преимущественно в Германию и Прибалтику², тюремные заключения и внесудебные казни.

Преследуя цель установить тотальный контроль над жителями, оккупанты ввели в городе трудовую повинность, ограничили возможность свободного передвижения, ввели комендантский час с 3-х часов дня. В городе организовывались облавы для проверки документов, а также розыска партизан, евреев и других «неблагонадёжных» представителей местного населения.

Свидетели оккупации Красногвардейска показывали, что в течение первых шести месяцев нацисты, стремясь запугать местное население, применяли тактику публичных казней среди лиц, которых они заподозрили в партизанской деятель-

¹ Также городской голова.

² Эти мероприятия немецкие власти называли «эвакуацией», за время оккупации Красногвардейска в немецкий плен было угнано более 17 000 чел. [21, л. 10].

ности, задержанных за воровство, а также представителей еврейской национальности. На первом этапе оккупации казни действительно стали основным средством устрашения местных жителей. Виселицы были установлены в городе повсеместно, поскольку повешение было частым способом казни. Одна из виселиц была установлена на самом видном и проходимом месте в городе – на центральной Красной улице, где располагался рынок [21, л. 38]. Очевидно, она являлась своеобразным символом, который напоминал гражданам о том, что незначительное неповиновение или преступление в отношении немецких властей может привести к смерти, так как с этой виселицы по несколько дней могли не снимать трупы повешенных за воровство или сотрудничество с партизанами людей. Часто нацисты не проводили никаких судебных разбирательств, поэтому людей казнили без доказательства вины, иногда это происходило по наводке местных жителей или при необоснованном подозрении. Всего за время оккупации города было повешено от 700 до 800 жителей Красногвардейска [21, л. 6].

Ещё одной стратегией устрашения, главными инициаторами которой являлись местные служащие СС и гестапо, были допросы с применением жестоких пыток.

По адресу Красная улица, 22 располагался центральный штаб местного отделения гестапо, во дворе этого дома находился каменный сарай, который был оборудован как пыточная камера для ведения допросов, такая же комната была организована и в самом доме [21, л. 44]. Свидетели, которые непосредственно наблюдали преступления нацистов, описывали следующие элементы пыток: избиение до полусмерти резиновыми дубинками, использование специализированных пыточных приспособлений, психологическое и моральное насилие.

Одна из свидетельниц в своих показаниях Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (далее – ЧК) описывала следующее: «Из камеры, где допрашивали раздавались крики и стоны. Допрашиваемым мужчинам зажимали половой орган в специально сконструированный для этого прибор, после чего в бессознательном состоянии выбрасывали во двор» [21, л. 44]. После этого допрашиваемых выводили на улицу: «Допрашиваемых в сарае выводили и вытаскивали

окровавленных, полуживых и мёртвых, тело которых было разодрано и висело кусками» [21, л. 44]. Далее узников увозили в неизвестном направлении, свидетели указывали, что этих людей больше никогда не видели в городе.

Применение психологического давления и морального насилия над допрашиваемыми, с другой стороны, также практиковалось сотрудниками гестапо в ходе проведения допросов мирных жителей. Нацистские служащие агрессивно принуждали человека сознаваться в преступлении, которое он не совершал. Одна из свидетельниц, давая показания ЧК, описывала следующую ситуацию: «Когда я явилась по указанию гестапо ... человек небольшого роста стал добиваться от меня, чтобы я созналась, что я еврейка. Он заставлял меня читать молитвы, спрашивал зачем я производила обряд обрезания над сыном, другой подносил к моему лицу зеркало и говорил "вот доказательство, что ты жидовка". При этом он ударил меня по подбородку, так как я русская, то, разумеется, я не могла сознаться в том, чего они от меня добивались» [21, л. 47]. Такие случаи негативно влияли на психику местных, многие, в том числе и допрашиваемая женщина, впоследствии старались отгородиться от мира и не появляться на улице, чтобы избежать ненужного внимания.

Нацисты использовали и практику клеймения тех граждан, которых они объявляли преступниками. С мая 1942 г. в главном здании конторы торфообработок был открыт карательный лагерь для гражданского населения города и района, куда помещали людей за незначительные проступки, а также более крупные нарушения, с точки зрения нацистского руководства. Преступлением могло быть копанье картошки на огороде, кражи, грубости по отношению к представителям немецкой власти и солдатам, подозрение в партизанстве и пр. Таких «нарушителей» клеймили латинской буквой «K» [22, л. 48], которая отсылает к немецкому слову «krimineller» – преступник. Клеймение являлось символом предупреждения для других и работало как гарант предотвращения сопротивления и неподчинения нацистской власти. С другой стороны, такой способ наказания мог оказывать разрушительное воздействие и непосредственно на психику клеймённого человека, клеймо морально и физически действовало как стигматизация жертвы в лице других граждан.

Всего за годы оккупации г. Красногвардейска было замучено в пытках и лагерях 3500–4000 красногвардейцев [21, л. 5].

Демонстрируя свою безнаказанность и абсолютную власть, нацисты могли издеваться и над телами погибших людей. В свидетельских показаниях от 17 сентября 1941 г. говорится: «По дороге от деревни Межно до станции Сиверкая группа немецких солдат человек 15 со смехом, криками и улюлюканьем катала по дороге, как колесо, одного еврея, у которого руки и ноги были привязаны к спине: этот еврей был мёртв» [21, л. 31]. Данные действия немецких солдат были показателем обесценивания человеческой жизни, особенно представителя еврейской национальности. Это проявление дегуманизации выразалось не только по отношению к еврейскому населению города в контексте посмертных издевательств, но также и в повсеместных унижениях русских граждан.

В соответствии с пропагандируемой нацистами идеей расовой неполноценности русского населения, проявлялось и жёсткое моральное подавление граждан. Русскому населению внушалось, что их раса низшая, и свидетельства того, как немецкие солдаты подчёркивали данное убеждение через жестокое и уничижительное отношение к русскому населению подтверждают это. В городе на многих зданиях, где располагались немецкие солдаты, находились надписи: «русским вход воспрещён». При критическом дефиците продуктов питания нацисты могли глумиться над местным населением. Несколько свидетельниц, в числе которых уроженки Красногвардейска Станкевич, Альвина и Каманина, рассказывали о следующей ситуации: «Иногда, ради забавы, немцы бросали в лужу кусок гнилого мяса и заставляли женщин вытаскивать его оттуда» [21, л. 4]. Гражданин Красовский в свою очередь рассказывал: «Моя 64-х летняя сестра М. Станкевич в одно из воскресений пошла на кухню и попросила у немца чего-нибудь поесть, но в ответ услышала: "Обед сегодня вкусный, не для русских"» [21, л. 4].

С весны 1942 г. немцы стали отказываться от публичных казней, переводя тактику запугивания на страницы газет и объявлений. Нацисты начали вывешивать на улицах и публиковать в печати списки расстрелянных и повешенных граждан Красногвардейска и района.

Использование печати было действенным способом влияния на массовое сознание местного населения. Строгое регулиро-

вание доступа к информации, цензура прессы, радиовещания и других средств коммуникации позволяла оккупационным властям формировать единую идеологическую линию и подавлять альтернативные точки зрения. Ограничение доступа к информации также способствовало формированию осознания изоляции и чувства отчуждения у населения по отношению как к советской власти, так и ко всему населению СССР и Красной армии, которая вела боевые действия против нацистов.

С целью формирования верной, с точки зрения нацистов, идеологической линии в Красногвардейске, а также нескольких сельских населённых пунктах Красногвардейского района, были открыты книжные магазины, где продавали литературу, газеты, журналы, брошюры и другую печатную продукцию прогерманской направленности. Одна из немецких листовок за 1942 г. сообщала, что в посёлке Сиверский в магазине продовольствия была открыта торговля газетами, журналами, книгами и прочими печатными материалами. В ней подчёркивалось: «В интересах трудящегося народа, чтобы каждый мог приобрести интересующую его литературу, магазин открыт ежедневно, а по воскресеньям – до обеда» [23, л. 1]. Листовка призывала местных старост сёл и деревень при посещении данного магазина закупать литературу не только для личного пользования, но также и для всего населения деревни, с целью «ознакомить жителей ... с новейшими происшествиями, и таким образом, связать себя со всем миром» [23, л. 1]. Отдельно отмечалось, что германская армия прилагает максимальные усилия для обеспечения русского населения новейшими известиями, однако вследствие большевистских разрушений не все их желания относительно литературы удаётся исполнить.

Одновременно с этим вся советская литература, а также советские периодические издания были изъяты из обращения и уничтожены. В списке книг, которые были доступны для покупки в книжном магазине Красногвардейска, можно обнаружить 227 наименований литературы преимущественно немецких авторов, большинство из которых были напечатаны на немецком языке. Помимо художественных произведений, а также различных справочников, здесь присутствовала и идеологически направленная литература, которая пропагандировала национал-социализм. В частности, на 226-й

позиции в данном списке обозначена книга «Майн Кампф» за авторством А. Гитлера [24, л. 8а].

Печать использовалась и как механизм запугивания и введения в заблуждение. Газеты, которые печатались на русском языке на оккупированной территории, часто были направлены на контроль за местными жителями через использование заведомо ложной, а также деморализующей информации. Свидетели Новикова и Прокофьева, которые давали свои показания ЧК описывали, какие сводки печатали в местных газетах немецкие власти. Распространёнными сюжетами были описания ситуации, при которой советские солдаты после освобождения города расстреляют всех жителей Красногвардейска по причине их сотрудничества с нацистами в годы оккупации [21, л. 4]. Также в газетах можно было наблюдать и сводки о состоянии Красной армии, где описывалось бедственное положение солдат, которые воюют без обмундирования и неспособны поддерживать боеспособность [21, л. 4]. Таким образом, можно предположить, что нацисты, вводя в заблуждение местных жителей относительно состояния государства и армии, готовили почву для контролируемого перемещения последних в Германию при отступлении из Красногвардейска. В других газетных статьях описывались похожие сюжеты: в Советском Союзе бушует голод, Красная армия неспособна вести боевые действия, также повторялась тема про расстрел жителей при снятии оккупации с города [21, л. 33].

Ещё одним немаловажным элементом в деле реализации пропагандистской политики Третьего рейха на оккупированных территориях стали школы, которые были направлены в первую очередь на идеологическую обработку детского населения. Чтобы искоренить коммунистическую идеологию, советские школы были реформированы. Детям преимущественно преподавали богословие, немецкий язык, физическую культуру и другие дисциплины, которым придавалось первостепенное значение. Е. Ф. Кринко отмечал: «В начальной школе на оккупированных территориях РСФСР рекомендовалось изучать русский язык и немецкий язык, арифметику, а также краеведение, естествознание, заниматься гимнастикой, пением, рукоделием (для девочек) или трудом (для мальчиков), физкультурой. ... В старших классах добавлялись физика, химия, естествознание, география, черчение» [25, с. 44]. Однако, несмотря на обширную

школьную программу, она была полностью идеологизирована и заточена под нужды немецко-фашистских захватчиков. Многие предметы преподавались исходя из практической пользы для славянских детей, к примеру, в сфере сельского хозяйства и др [25, с. 44]. Идеологизация прослеживалась в учебных программах по истории, пению и другим гуманитарным дисциплинам, где предпочтение отдавалось восхвалению Германии, разжиганию ненависти к евреям, а также уничтожению коммунистической идеологии в обществе [25, с. 44–45].

В Красногвардейске работало несколько платных школ, где образование для славянских детей было выстроено таким образом, чтобы выработать доброжелательное отношение к нацизму и почтение к его лидеру А. Гитлеру, портрет которого висел в каждом классе, исключить возможность развития критического мышления, заменить преподавание строго научных дисциплин изучением Закона Божьего. В. М. Хвощевский, который пережил оккупацию Красногвардейска, впоследствии вспоминал: «Возле церкви – гимназия. Окна открыты – жарко. Я встал на приступочку и взглянул в класс. Дети сидели за партами, как когда-то и я. Но теперь за учение надо платить. Между партами прохаживался поп с крестом на груди» [26, с. 50–51].

Немецко-фашистскому оккупационному режиму было свойственно использовать религию и религиозные институты, которые выступали как своеобразный механизм уничтожения коммунистической идеологии в обществе. Советская государственная политика диктата атеизма к 1941 г. не реализовала себя в полной мере, многие граждане продолжали верить в Бога и исполнять христианские обряды и таинства. Оккупационный режим, пользуясь этим, способствовал массовому открытию церквей и поощрению религиозности среди советских граждан. Немцы открывали храмы и поддерживали их материально. Относительно Красногвардейска С. К. Бернёв приводит следующие цифры: «Гатчинский собор получил 100 тысяч рублей на восстановление из городского управления, священнику Апраксину немцы лично выдали 30 тысяч рублей и шесть дорогих церковных облачений» [27, с. 156].

Стоит уточнить, что с одной стороны, политика насаждения религиозности действительно была направлена на уничтожение основ коммунистической идеологии. С другой же стороны,

священники, которые в данных обстоятельствах снова обрели работу в оккупированных городах, часто становились опорой для местных жителей. А. В. Бурлаков в своей книге «Гатчинский край в годы оккупации 1941–1944» отмечает: «В условиях фашистской оккупации они не только окормляли свои приходы: сотрудничая с властями, священники оказывали посильную помощь населению города, посещали концлагеря для военнопленных, опекали учебные и приютские заведения. По возможности, они пытались решить продовольственную проблему...» [28, с. 21]. Это видно на примере священника Ф. Забелина, протоиерея Гатчинского собора, который ранее служил в Знаменской церкви оккупированного г. Пушкина, а позже в ходе одной из «эвакуаций» был переведён в Красногвардейск. Он, как и многие священнослужители, оказывал посильную помощь населению. Известно, что он укрывал красногвардейцев от артобстрелов в подвале собора. Однако Забелину не всегда удавалось найти общий язык с захватчиками, в документах ЧК зафиксировано следующее свидетельство: «Протоиерей Фёдор Забелин, обратившийся в комендатуру с просьбой выдачи хотя бы незначительного количества хлеба, был, несмотря на свой преклонный возраст, грубо выгнан из помещения» [21, л. 5].

Помимо этого, нацистский режим активно использовал символику, ритуалы покорности и культ личности вождя, которые служили для укрепления психологической зависимости населения от режима.

Нацистская символика активно использовалась вместе с пропагандой немецко-фашистского режима, который выставлял оккупантов как освободителей местного населения от «ига» большевизма. В Красногвардейске проводились мероприятия, концерты и праздники. Одним из таких праздников был «День освобождения» – 22 июня. На одном из фотоснимков¹, сделанных нацистами в Красногвардейске в один из таких дней – 22 июня 1943 г., изображена заполненная людьми площадь перед Гатчинским дворцом, увешанным знамёнами со свастикой, а также вывешенным по центру портретом А. Гитлера. Этим символизмом не ограничивался, нацисты активно задействовали переиме-

¹ Немецкие военнослужащие на площади перед Гатчинским дворцом в оккупированном Красногвардейске (с 1944 года – Гатчина) // Военный альбом. Фотографии Второй мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945). URL: <https://waralbum.ru/342608/> (дата обращения: 20.06.2024).

нования улиц, сёл, и местности на немецкий манер, что также являлось средством воздействия на массовое сознание и должно было создавать впечатление, что советские граждане – часть германского рейха. Например, сам город Красногвардейск был переименован в Линдемаштадт в честь главнокомандующего 18-й армией Г. Линдемана. Это название встречается на многочисленных фотографиях [29–31], которые делались советскими солдатами при освобождении оккупированных территорий в 1944 г. На них изображены немецкие указатели, которые повсеместно устанавливались не только в Красногвардейске и районе, но и в других оккупированных областях Советского Союза.

Ещё одним фактором влияния на массовое сознание являлась система наград и наказаний, которая играла важную роль в поддержании социального порядка. Те, кто проявлял лояльность к режиму или помогал в его осуществлении, могли рассчитывать на привилегии и льготы, в то время как оппозиционно настроенные граждане подвергались репрессиям.

Сотрудничество с оккупантами в данном контексте условно можно разделить на две основные категории: вынужденное (бытовое) сотрудничество и активное пособничество.

Так называемый бытовой коллаборационизм зачастую мог быть результатом влияния страха и поиска возможностей для выживания. В условиях нехватки пропитания косвенное сотрудничество могло стать единственной возможностью обеспечения себя и своей семьи необходимыми ресурсами. С другой стороны, постоянное запугивание, а также демонстрация беззакония и безнаказанности со стороны оккупантов могли повлиять на принятие человеком решения о сотрудничестве и несопротивлении из-за опасений за свою жизнь и жизнь родственников. Стоит также отметить, что не последнюю роль в этом контексте играли и информационные ограничения, которые влекли за собой недостоверные сведения о состоянии государства и армии. В таких обстоятельствах действия человека могли быть обусловлены неверными представлениями о ситуации в стране и на фронте. Сотрудничество с оккупантами далеко не всегда было сознательным выбором в пользу нацистов, а часто являлось вынужденной мерой в условиях угрозы жизни.

В Красногвардейске поимённо известны несколько десятков людей, которые были вынуждены сотрудничать с оккупантами

по различным причинам. В первую очередь, нацисты нуждались в профильных специалистах, часто это были ветеринарные врачи, которые лечили местный скот, преимущественно коров и лошадей. Эти животные были основным источником пропитания и передвижения для немецких солдат. Из документов ЧК можно узнать, что жители Красногвардейска С. Цепляева, М. Силиванов вместе с женой – Л. Силивановой, С. Колесников, А. Смирнова вместе с дочерью – С. Смирновой выполняли работу ветеринарных врачей и зоотехников [32, л. 1]. Однако часто человек мог выполнять и обычную бытовую работу, к примеру, И. Хокконен служил на лошади извозчиком по подвозу дров для больницы в посёлке Старо-Сиверском, а М. Трожкова выполняла чёрную работу, за которую получала от нацистов 3 рубля [32, л. 1].

Однако в Красногвардейске находились люди, которые охотно и целенаправленно сотрудничали с оккупантами ради собственной выгоды. Они принимали активное участие в карательных мероприятиях, составляли доносы, состояли в группах, устраивавших облавы на евреев и пр. Немалую роль в вербовке населения на службу к нацистам играл отдел пропаганды 18-й армии, на содержание которого уходили значительные средства. Представители этого отдела занимались активной пропагандой среди местного населения. Различными ухищрениями они пытались вербовать местных мужчин в Русскую освободительную армию и в ряды тыловых коллаборационистов. Для привлечения внимания местных жителей отдел пропаганды устраивал различные досуговые мероприятия. А. В. Бурлаков отмечал: «Здесь [в Красногвардейске] работали: "русский" театр, концертная бригада "Винетта" и несколько кинопередвижек. В театре неоднократно выступал с концертными программами знаменитый оперный певец Н. Печковский» [27, с. 19].

Чаще всего пособниками режима становились финны, латыши или эстонцы. Свидетели сообщали, что некоторые из тех людей, которые работали на нацистов, были особо увлечены избиениями и пытками сограждан. Несколько жителей называли имена переводчика гестапо Клоковского, латыша по национальности [21, л. 44], и Крумена, также латыша по национальности [21, л. 44]. Свидетель описывал преступления этих людей: «Клоковский сбрасывал, сталкивал с лестницы вниз советских граждан, а Крумен ставил арестованных гестапо у помойки,

давал в руки горшок с цветком и заставлял стоять без движения два часа, если же кто-нибудь шевелился, того забивал» [21, л. 44]. Однако такая национальная тенденция не была свойственна всей оккупированной зоне ленинградских пригородов. К примеру, из документов, относящихся к преступлениям в Пушкине, становится понятным, что большинство людей, которые сотрудничали с нацистами в этом городе, были русскими [33].

Наконец голод являлся одним из ключевых элементов немецкой оккупационной политики. Массовый продовольственный кризис, вызванный немецкой оккупацией, был не только физическим, но также психологическим инструментом, который способствовал контролю за населением. Нацистский «План голода» был разработан немецким статс-секретарём Г. Бакке в ответ на указания А. Гитлера и Г. Гиммлера об уничтожении славянского населения. План предполагал под собой снабжение немецкой армии за счёт собственных сил, использование советских ресурсов для обеспечения Германии, перекрытие путей поставок продовольствия на оккупированные территории, изъятие у населения продовольственных запасов, отказ от обеспечения местных жителей продуктами питания. В директивах немецкого штаба «Ост» было прямо указано, что при реализации данного плана в первую очередь от голода должны пострадать крупнейшие города СССР, безусловно, речь шла о Москве и Ленинграде: «...Население этих территорий, в частности население городов, столкнётся с величайшим голодом» [34, с. 90]. Е. Н. Яковлев отмечал: «Мы имеем документальное доказательство, что план голода для города на Неве существовал уже за месяц до начала войны, и последующая его трагедия была вовсе не случайностью» [34, с. 90]. Однако тотальному голоду подвергся не только блокадный Ленинград, но и жители многих оккупированных городов и сёл Ленинградской области, в том числе и пригородные районы. Стоит отметить, что «План голода» в первую очередь являлся экономической стратегией немецкого руководства по обеспечению Германии и армии ресурсами, однако в то же время он являлся и частью глобального плана нацистов по уничтожению и порабощению народов, которые в нацистской Германии считались «низшими». Специалист в сфере исследования истории нацистской Германии, британский историк А. Кей отмечал: «Хотя создание запасов продоволь-

ствия путём физической изоляции миллионов советских людей от источников пропитания в основном преследовало экономические цели, к тому, что такая идея была вынесена на рассмотрение, привело свойственное авторам данной стратегии чисто расистское отношение к предполагаемым жертвам» [35, с. 29].

Первые полгода с момента начала оккупации нацисты не предоставляли продовольствие местным жителям. Когда красногвардейцы просили у захватчиков еды им отвечали: «Просите у товарища Сталина, чтобы он прислал вам хлеба» [21, л. 4]. Зимой 1942 г. всё нетрудоспособное население города начало получать по 150 гр. хлеба в день, а те люди, которые участвовали в тяжёлых работах получали по 200 гр., и литру супа, который они называли «баландой отвратительного вкуса и качества» [21, л. 4]. Население умирало от голода, многие принимали в пищу несъедобное: мох, траву, кишки и отбросы с бойни, немецкие отходы с кухни. Однако это могло привести к наказанию, вплоть до казни, о чём свидетельствовали Е. Николаева и Н. Егорова, а также очевидцы Бруно, Новиков, Красовский [21, л. 4].

Обсуждение и выводы

Анализ архивных документов и других материалов позволил выявить основные факторы влияния немецко-фашистского оккупационного режима на формирование и изменение массового сознания среди жителей Красногвардейска. Так, основными факторами влияния являлись: страх как механизм контроля местных жителей; пытки, казни, аресты и преследования, что создавало ситуацию безысходности и отчаяния среди жителей города, и позволяло нацистским властям эффективно контролировать население.

Цензурирование всех источников информации также создавало ситуацию неверного представления о положении дел в стране, что позволяло контролировать жителей через отчуждение от советского государства и народа.

Пропаганда национал-социалистических идей была направлена на создание верной, с точки зрения нацистов, идеологической линии среди населения, жители должны были увидеть в захватчиках своих спасителей от большевизма.

Пропаганда сотрудничества с врагом среди красногвардейцев работала как механизм поддержки осуществления репрес-

сий при участии некоторых жителей города и облегчения взаимодействия режима с местным населением.

«План голода» в совокупности с вышеперечисленными факторами являлся не только механизмом экономического обеспечения нацистов, он также работал и как рычаг давления на местное население с целью его подчинения и дальнейшего уничтожения.

Отдельного уточнения заслуживает и тот факт, что даже в экстремальных условиях немецко-фашистской оккупации, несмотря на многочисленные факторы, упомянутые нами выше, всё же существовали отдельные очаги сопротивления населения немецко-фашистской власти на оккупированной территории Красногвардейска.

В результате использования многочисленных методов подавления и контроля, которые были задействованы нацистскими войсками на оккупированной советской территории, среди местных жителей была создана атмосфера страха, подчинения и зависимости от немецкой власти. Для тех людей, которые оказались в чрезвычайных условиях оккупации, этот жестокий режим, безусловно, становился решающим фактором влияния на их массовое сознание в годы Великой Отечественной войны и являлся одной из главных причин изменений в их поведении, мышлении и мировоззрении. Системный механизм манипуляции слабостями человеческой психики, подвергнутой экстремальным обстоятельствам, стал важным инструментом в деле поддержания стабильности оккупационного режима и контроля за местным населением со стороны немецко-фашистских захватчиков.

Список литературы

1. Загорулько М. М. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М.: Экономика, 1970. 271 с.
2. Никитин М. Н. Чудовищные злодеяния немецко-фашистских палачей: По материалам и документам из оккупированных районов и городов Ленинградской области. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1943. 176 с.
3. Вагин П. И., Никитин М. Н. Под игом гитлеровских палачей. М.: Госполитиздат, 1943. 45 с.
4. Швердалкин П. Р. Ленинградские партизаны. Л.: Лениздат, 1947. 220 с.
5. Швердалкин П. Р. Героическая борьба ленинградских партизан. Л.: Лениздат, 1959. 307 с.
6. Гриднев В. М. Борьба крестьянства оккупированных областей РСФСР против немецко-фашистской оккупационной политики, 1941–1944. М.: Наука, 1976. 231 с.
7. Арутюнян И. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 466 с.
8. Семиряга М. И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЕН, 2000. 863 с. EDN: PDWRUH

9. Ковалёв Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг. Типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009. 372 с. EDN: YASQNF

10. Ломагин Н. А. Неизвестная блокада. СПб.: Нева, 2004. 448 с. EDN: XTJVJR

11. Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2018. 318 с. EDN: ZRQNFU

12. Соболев Г. Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде: в 3 т. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013–2017. EDN: YOZCAF

13. Козлов Н. Д. Особенности оккупационного режима и повседневной жизни населения пригородных районов осаждённого Ленинграда // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Подвиг народа и уроки истории. Сб. статей по материалам междунар. науч. онлайн конф. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. – С. 279–291.

14. Козлов Н. Д. Официальное и быденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Альтер-Эго, 2008. 336 с. EDN: QOIBUP

15. Козлов Н. Д. С волей к победе: Пропаганда и быденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2002. 312 с. EDN: SLWYVN

16. Ковалёв Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 619 с. EDN: QPSXGV

17. Красноженова Е. Е. «Детства больше не было»: детская повседневность в период оккупации северо-запада России (1941–1944 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 4. – С. 51–56. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057. EDN: KCZPOE

18. Красноженова Е. Е. Организация повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4. – С. 41–48. EDN: PRVKXX

19. Сомов В. А. Бомбёжки г. Горького и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 1. – С. 33–39.

20. Минникова Т. Н. Оккупация: историко-психологические аспекты: (Ленинградская область: Тосненский район). СПб.: Часть речи, 2018. 415 с.

21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9421. Оп. 1. Д. 81.

22. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7971. Оп. 16. Д. 54.

23. ЦГА СПб. Ф. Р-3355. Оп. 4. Д. 233.

24. ЦГА СПб. Ф. Р-3355. Оп. 4. Д. 234.

25. Кринко Е. Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», 2015. № 2 (23). С. 40–50. EDN: TXUBSX

26. Хвощевский В. М. Кораблик. Автобиографическая повесть. СПб.: СПИШЭ, 1992. 83 с.

27. Бернев С. К., Пензина А. С. Следствие продолжается: Очерки по материалам следственных дел и документов Архива Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области: 95-летию образования органов безопасности Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга посвящается. СПб.: Первый класс, 2013. 211 с.

28. Бурлаков А. В. Гатчинский край в годы немецко-фашистской оккупации: страницы истории. Гатчина: б. и., 2020. 263 с.

29. Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб). Фотодокументы. Оп. 1АР-8. Д. 14224.

30. ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-129. Д. 174519.

31. ЦГАКФФД СПб. Фотодокументы. Оп. 1АР-62. Д. 99023.

32. ЦГА СПб. Ф. Р-3355. Оп. 4. Д. 127.

33. ЦГА СПб. Ф. 8557. Оп. 6. Д. 1095.

34. Яковлев Е. Н. Совещание в Вевельсбурге, план голода и «окончательное решение»: истоки нацистского замысла о геноциде народов СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – № 2. – С. 70–160. DOI: 10.24412/2409-1413-2021-2-70-161. EDN: OWSCZD

35. Кей А. Германские статс-секретари, массовый голод и совещание 2 мая 1941 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2021. – № 3. – С. 7–39.

The Mechanism of Influence of the Nazi Occupation Authorities on the Mass Consciousness of the Krasnogvardeysk Inhabitants

Michael V. Maksimov

The article examines the main factors that were inherent in the Nazi occupation regime as part of the formation of the mechanism of influence on the mass consciousness and everyday life of the occupied territory inhabitants using the example of the city of Krasnogvardeysk (Gatchina). Based on archival data, office documents, as well as personal sources, the main components of influence of the Nazi occupation authorities on local residents in order to change their mass consciousness, as well as to prevent any forms of resistance in the occupied territory, were identified. The following factors stand out most clearly in this system of influence: permanent intimidation of population with the aim of total control, use of ideological propaganda, strict censorship of information sources, the “Policy of Hunger”, as well as cruel repressions using torture and public executions in relation to civilian population. The occupation policy aimed to form negative attitude towards the Soviet regime among the population, a friendly attitude towards German soldiers as liberators of the population from Bolshevism, propaganda of cooperation and non-resistance, as well as propaganda of total submission within the framework of social-nationalist racial attitudes. This article was created as part of dissertation research on the topic “Everyday life and mass consciousness of residents of suburban areas of Leningrad in the 40s of the 20th century”.

Key words: Great Patriotic War, Nazi occupation, mass consciousness, everyday life, Leningrad.

For citation: Maksimov, M. V. (2025) Mekhanizm vliyaniya nemecko-fashistskikh okkupacionnykh vlastei na massovoe soznanie zhitel'ev g. Krasnogvardejska [The Mechanism of Influence of the Nazi Occupation Authorities on the Mass Consciousness of the Krasnogvardeysk Inhabitants]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 105–125. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_105. EDN: AXTHGM

References

1. Zagorul'ko, M. M. (1970) *Krah ekonomicheskikh planov fashistskoj Germanii na vremenno okkupirovannoj territorii SSSR* [The collapse of the economic plans of Nazi Germany in the temporarily occupied territory of the USSR]. Moscow: Ekonomika. (In Russ.)
2. Nikitin, M. N. (1943) *Chudovishchnye zlodeyaniya nemecko-fashistskikh palachej: Po materialam i dokumentam iz okkupirovannykh rajonov i gorodov Leningradskoj oblasti* [Monstrous atrocities of the Nazi executioners: Based on materials and documents from the occupied regions and cities of the Leningrad region]. Leningrad: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
3. Vagin, P. I., Nikitin, M. N. (1943) *Pod igom gitlerovskikh palachej* [Under the yoke of Hitler's executioners]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
4. Sheverdalkin, P. R. (1947) *Leningradskie partizany* [Leningrad partisans]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
5. Sheverdalkin, P. R. (1959) *Geroicheskaya bor'ba leningradskih partizan* [The heroic struggle of Leningrad partisans]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
6. Gridnev, V. M. (1976) *Bor'ba krest'yanstva okkupirovannykh oblastej RSFSR protiv nemecko-fashistskoj okkupacionnoj politiki, 1941–1944* [The struggle of the peasantry of the occupied regions of the RSFSR against the Nazi occupation policy, 1941–1944]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Arutyunyan, I. V. (1970) *Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Soviet peasantry during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Semiryaga, M. I. (2000) *Kollaboracionizm: priroda, tipologiya i proyavleniya v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Collaborationism: nature, typology and manifestations during the Second World War]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.). EDN: PDWRUH

9. Kovalyov, B. N. (2009) *Kollaboracionizm v Rossii v 1941–1945 gg. Tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945. Types and forms]. Velikiy Novgorod: Novgorodskij gosudarstvennyy universitet. (In Russ.). EDN: YASQNF

10. Lomagin, N. A. (2004) *Neizvestnaya blokada* [Unknown blockade]. Saint Petersburg: Neva. (In Russ.). EDN: XTJVJR

11. Yarov, S. V. (2018) *Povsednevnyaya zhizn' blokadnogo Leningrada* [Daily life of besieged Leningrad]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.). EDN: ZRQNFU

12. Sobolev, G. L. (2013–2017) *Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade* [Leningrad in the struggle for survival during the siege]. In 3 vol. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPBGU. (In Russ.). EDN: YOZCAF

13. Kozlov, N. D. (2002) Osobennosti okkupacionnogo rezhima i povsednevnoj zhizni naseleniya prigradnykh rayonov osazhdyonnogo Leningrada [Features of the occupation regime and the daily life of the population of the suburban areas of besieged Leningrad]. *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: Podvig naroda i uroki istorii* [The Great Patriotic War of 1941–1945: The feat of the people and the lessons of history]. Collection of articles based on international scientific online conference materials. Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT. Pp. 279–291. (In Russ.)

14. Kozlov, N. D. (2008) *Oficial'noe i obydennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Official and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. Saint Petersburg: Al'ter-Ego. (In Russ.). EDN: QOIBUP

15. Kozlov, N. D. (2002) *S voley k pobeде: Propaganda i obydennoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [With the will to win: Propaganda and everyday consciousness during the Great Patriotic War]. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. (In Russ.). EDN: SLWYVN

16. Kovalyov, B. N. (2011) *Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Rossii v period nacistской okkupacii* [Everyday life of the Russian population during the Nazi occupation]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.). EDN: QPSXGV

17. Krasnozhenova, E. E. (2021) «Detstva bol'she ne bylo»: detskaya povsednevnost' v period okkupacii severo-zapada Rossii (1941–1944 gg.) [“There was no more childhood”: children's everyday life during the occupation of north-west Russia (1941–1944)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. No. 4. Pp. 51–56. (In Russ.). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-051-057. EDN: KCZPOE

18. Krasnozhenova, E. E. (2012) Organizaciya povsednevnoj zhizni naseleniya v period Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Nizhnego Povolzh'ya) [Organization of everyday life of the population during the Great Patriotic War (based on materials from the Lower Volga region)]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture]. No. 4. Pp. 41–48. (In Russ.). EDN: KCZPOE

19. Somov, V. A. (2007) Bombyozhki g. Gor'kogo i massovoe soznanie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Bombing of Gorky and mass consciousness during the Great Patriotic War]. *Izvestiya VUZov. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki* [News of Universities. Volga region. Humanities]. No. 1. Pp. 33–39. (In Russ.)

20. Minnikova, T. N. (2018) *Okkupaciya: istoriko-psihologicheskie aspekty: (Leningradskaya oblast': Tosnenskiy rajon)* [Occupation: historical and psychological aspects: (Leningrad region: Tosnenskiy district)]. Saint Petersburg: Chast' rechi. (In Russ.)

21. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv kinofotofonodokumentov Sankt-Peterburga* [Central State Archives of St. Petersburg] (hereinafter – CGAKFFD SpB). F. 9421. I. 1. C. 81.

22. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki* [Russian State Archive of Economics] (hereinafter – RGAE). F. 7971. I. 16. C. 54.

23. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga* [Central State Archives of St. Petersburg] (hereinafter – CGA SpB). F. P-3355. I. 4. C. 233.

24. CGA SpB. F. R-3355. I. 4. C. 234.

25. Krinko, E. F. (2015) Sovetskaya shkola v usloviyakh nacistской okkupacii (1941–1944 gg.) [Soviet school under Nazi occupation (1941–1944)]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. No. 2 (23). Pp. 40–50. EDN: TXUBSX

26. Hvoshchevskij, V. M. (1992) *Korablik. Avtobiograficheskaya povest'* [Ship. Autobiographical story]. Saint Petersburg: SPISHE. (In Russ.)

27. Bernev, S. K., Penzina, A. S. (2013) *Sledstvie prodolzhaetsya: Ocherki po materialam sledstvennyh del i dokumentov Arhiva Upravleniya FSB po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti: 95-letiyu obrazovaniya organov bezopasnosti Petrograda – Leningrada – Sankt-Peterburga posvyas-hchaetsya* [The investigation continues: Essays on the materials of investigative cases and documents from the Archive of the FSB Directorate for St. Petersburg and the Leningrad Region: dedicated to the 95th anniversary of the formation of the security agencies of Petrograd – Leningrad – St. Petersburg]. Saint Petersburg: Pervyj klass. (In Russ.)

28. Burlakov, A. V. (2020) *Gatchinskij kraj v gody nemecko-fashistskoj okkupacii: stranicy istorii* [Gatchina region during the years of Nazi occupation: pages of history]. Gatchina. (In Russ.)

29. CGAKFFD SPb. Fotodokumenty. I. 1AR-8. Storage unit 14224.

30. CGAKFFD SPb. Fotodokumenty. I. 1AR-129. Storage unit 174519.

31. CGAKFFD SPb. Fotodokumenty. I. 1AR-62. Storage unit 99023.

32. CGA SPb. F. R-3355. I. 4. C. 127.

33. CGA SPb. F. 8557. I. 6. C. 1095.

34. Yakovlev, E. N. (2021) *Soveshchanie v Vevel'sburge, plan goloda i «okonchatel'noe reshenie»: istoki nacistskogo zamysla o genocide narodov SSSR* [The Wewelsburg meeting, the famine plan and the “final solution”: the origins of the Nazi plan for genocide of the peoples of the USSR]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropskih istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Research]. No. 2. Pp. 70–160. (In Russ.). DOI: 10.24412/2409-1413-2021-2-70-161. EDN: OWSCZD

35. Kej, A. (2021) *Germanskije stats-sekretari, massovyj golod i soveshchanie 2 maya 1941 g.* [German State Secretary, mass famine and meeting of May 2, 1941]. *Zhurnal rossijskih i vostochnoevropskih istoricheskikh issledovanij* [Journal of Russian and East European Historical Research]. No. 3. Pp. 7–39. (In Russ.)

Об авторе

Максимов Михаил Вячеславович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; e-mail: maximov1915@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5976-980X

About the author

Maksimov Michael V., Postgraduate, Pushkin Leningrad State University; e-mail: maximov1915@mail.ru; ORCID ID: 0009-0003-5976-980X

Статья поступила в редакцию 24.07.2024
Одобрена после рецензирования 09.01.2025
Принята к публикации 10.02.2025

Повседневная работа 5-й Ленинградской партизанской бригады по разложению антисоветских формирований и в лагерях для советских военнопленных

В. И. Хрисанфов, С. К. Бернев

В данной статье рассматривается политико-пропагандистское направление антифашистской деятельности 5-й Ленинградской партизанской бригады, самого крупного из партизанских соединений, из действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области в 1943–1944 гг. На основе впервые введенных в научный оборот документов из ведомственного архива Управления федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга прослежена работа партизан по разложению антисоветских воинских формирований, созданных немецко-фашистскими захватчиками для борьбы с партизанами (добровольцев из так называемых «восточных батальонов» вермахта, власовцев из подразделений Русской освободительной армии, служивших в тыловых немецких гарнизонах и участвовавших в карательных операциях против партизан) и местных полицейских отрядов, также привлекаемых к борьбе с партизанами. Раскрыты формы и методы политико-пропагандистской работы (листовки, газеты) партизан 5-й Ленинградской партизанской бригады, направленной на разложение антисоветских воинских формирований и ее результаты – приход в бригаду свыше 400 человек, состоявших ранее на службе в немецкой армии и в карательных отрядах. Приводится конкретный статистический материал по численности прибывавших ежемесячно в бригаду новых людей. Также раскрыты формы пропагандистской работы по организации побегов из немецких лагерей для военнопленных и трудовых гражданских лагерей. Выявленные в ходе изучения неопубликованных источников материалы раскрывают ранее неизвестные факты и подвиги людей, героически сражавшихся в рядах ленинградских партизан против немецко-фашистского оккупационного режима.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская область, оккупация, партизанское движение, 5-я Ленинградская партизанская бригада, политико-пропагандистская деятельность, листовки, Русская освободительная армия.

Для цитирования: Хрисанфов В. И., Бернев С. К. Повседневная работа 5-й Ленинградской партизанской бригады по разложению антисоветских формирований и в лагерях для советских военнопленных // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 126–139. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_126. EDN: BVVYXHM

Введение

Прошло 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но сама жизнь не дает права забыть об этой войне. Поэтому обращение к героическому и одновременно трагическому военному прошлому становится весьма актуально.

Представляется, что деятельность отдельных партизанских соединений, а их, как известно, к концу 1943 г. на временно оккупированной территории Ленинградской области было 13, изучена слабо. Это относится и к истории 5-й Ленинградской партизанской бригады, о некоторых направлениях ее деятельности и пойдет речь в данной статье.

В отечественной историографии по партизанской тематике в последние 15 лет появились работы биографического характера, в которых приводятся материалы, касающиеся истории этой бригады. Псковский исследователь Н. В. Никитенко приводит любопытные биографические сведения о командирах и комиссарах бригады [1–2]. В книге, подготовленной О. П. Аксеновым «Комбриг Карицкий – чекист и партизан», прослеживается боевой путь командира бригады, участие бригады в военных действиях на Ленинградском фронте.

Несмотря на большой привлечённый фактологический материал, основное внимание уделяется в первую очередь деятельности руководящего состава бригады, ее командира К. Д. Карицкого, а методам политико-пропагандистской работы не уделено внимание, не дана характеристика социального состава и источникам пополнения бригады.

Целью данной статьи является анализ политико-пропагандистской работы партизан 5-й Ленинградской партизанской бригады, направленной на разложение антисоветских воинских формирований, созданных немецким командованием и использовавшихся оккупационным режимом против партизан в местах дислокации бригады, с целью нейтрализации этих подразделений. Анализу подлежит и разъяснительная работа партизан среди советских военнопленных, находившихся в немецких лагерях, расположенных в местах дислокации бригады.

В исследовании в качестве основного был использован кейс-метод (Case study) или метод проблемно-ситуационного анализа, суть которого заключается в том, чтобы осмыслить различные жизненные случаи, описанные в источниках и име-

ющие отношение к рассматриваемой проблеме. В ходе изучения исторических фактов из архивных документов использован конкретно-исторический метод или нарративный, позволивший проследить суть фактов и явлений, происходивших на оккупированной территории Ленинградской области.

Источниками для исследования послужили документы и материалы, хранящиеся в фондах ЦГАИПД СПб и АУФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Результаты

На оккупированной территории Ленинградской области для борьбы с партизанами немцы, кроме регулярных войск, привлекаемых к карательным операциям, очень широко стали использовать изменников родины, служивших в антисоветских добровольческих формированиях, из так называемых «восточных батальонов» вермахта, подразделений «русской освободительной армии» (РОА), полицейских и карательных отрядов. Поэтому одним из направлений деятельности 5-й Ленинградской партизанской бригады К. Д. Карицкого в 1943 г. стала работа по разложению данных формирований.

Как известно, под руководством Ставки Верховного Главнокомандования германской армии был создан так называемый «Русский национальный комитет» (РНК) во главе с бывшим генералом Красной армии Власовым, перешедшим летом 1942 г. на сторону Германии. В задачу РНК входило создание «русской освободительной армии» (РОА) для борьбы с Красной армией и партизанами. В мае 1943 г., выполняя указания немецких оккупантов, Власов обратился с открытым письмом к населению оккупированных территорий, в котором призвал к борьбе с большевиками. После опубликования этого письма по инициативе и указаниям германского командования началось формирование РОА, в том числе и на территории Ленинградской области [4, л. 10].

Комплектование РОА шло двумя путями: добровольно и принудительно. Сначала среди населения широко было распространено мнение, что Власов собирал армию, чтобы затем выступить против немцев. Но с усилением партизанской пропаганды, через забрасываемые газеты и листовки, а также через устную пропаганду путем проведения разъяснительной работы со стороны партизан, население стало разбираться в сути дела,

и все попытки немцев провести вербовку в армию Власова потерпели крах. Так, по сведениям партизанской разведки от 23 мая 1943 г., в Плюссе немцы попытались добровольно призвать все местное население от 14 до 65 лет. Но народ саботировал. Только по Заплюсской волости из 100 призванных на комиссию добровольцев не нашлось [5, л. 95]. Главный акцент при формировании РОА был сделан на военнопленных. Лагеря для военнопленных выделяли определенное количество заключенных, согласившихся служить у оккупантов, а иногда и не спрашивая их согласия, записывали в РОА или другие немецкие подразделения (упор делался на украинцев и казахов, а также лиц, проверенных в лагере – лагерных полицейских).

Целенаправленная работа по разложению сформированных частей и подразделений РОА активно начала проводиться вследствие изменения военной обстановки на фронте, с лета 1943 г. В связи с летним наступлением Красной армии в частях РОА и полицейских отрядах проявились колебания, среди личного состава падала уверенность в победе немецкой армии.

Воспользовавшись этим обстоятельством, командование бригады через свою агентуру развернуло работу по их разложению.

Большое значение для ведения пропаганды имела полученная разведкой информация о наличии групп власовцев в немецких дивизиях, расположенных в районе дислокации бригады. Она помогала быстрее реализации партизанских мероприятий по разложению выявленных структур, и была еще одним источником пополнения бригады.

Агентурным путем и опросом бежавших власовцев опергруппе при 5-й ЛПБ под руководством Авдзейко удалось установить места дислокации отрядов РОА: в дер. Городец – 150 чел., в дер. Б. и М. Павы – 50 чел., в дер. Залезы – 120 чел., в Плюссе – 110 чел. Еще в трех деревнях, в т. ч. Переростень, наличие и численность отрядов установить не удалось [6, ч. 2, л. 6].

После перехода на сторону партизан военврача 3-го ранга В. Л. Ваневского, от него стало известно, что в каждой немецкой дивизии существовали группы власовцев-пропагандистов РОА. Такая же группа из 13 рядовых и 4 унтер-офицеров существовала при 18-й пехотной дивизии, расположенной в Уторгошском районе. Она находилась в населенном пункте М. Уторгош, в 46 км от Струг Красных. Её возглавлял лейтенант по фамилии

Гетманцев, по сведениям начальника особого отдела 5-й ЛПБ Авдзейко, «колеблющийся человек, лояльный советской власти, но боявшийся говорить об этом вслух». От него стало известно, что немецкое командование уже не надеялось на преданность всех «восточных добровольцев», служивших в армии вермахта. И в ближайшее время собиралось провести реорганизацию их подразделений по национальному признаку, отделяя украинцев от русских и белорусов [7, л. 204].

Партизаны засылали в гарнизоны специальные листовки и письма-обращения с текстами, предназначенными для определенных категорий и национальных групп солдат РОА и призывающие переходить на сторону партизан, эти обращения служили одновременно пропуском. Также устанавливали связь с подразделениями РОА, где начинались «брожения» и вели устные переговоры. Через подпольщиков в Плюссу, Лугу, Люблино, где располагались «власовцы», доставлялись сводки Совинформбюро и советские газеты [3, с. 174].

Правильно поставленная работа по разъяснению позиции изменника Власова через некоторое время стала приносить свои плоды. Уже весной 1943 г., сначала отдельные лица, затем мелкие группы военнослужащих и лица гражданской администрации стали переходить на сторону партизан.

Так, 6 августа в бригаду пришли большие группы солдат РОА. Они обратились с открытым письмом к солдатам и офицерам РОА, в котором содержался призыв убивать немецких офицеров и переходить к партизанам. Письмо было написано отдельной листовкой и широко распространялось среди солдат РОА. Эта листовка имела большое значение, поскольку фашистская пропаганда усиленно распространяла слух о «зверствах» партизан над перебежчиками. Листовка разоблачала эту ложь. За август-сентябрь типография бригады выпустила 14 названий листовок, обращенных к солдатам РОА, тиражом 7300 экз. [8, с. 242]. Эта работа велась через «агентурную разведку», создаваемую заместителем комбрига А. И. Ивановым, и при непосредственном участии Особого отдела бригады во главе с И. В. Авдзейко. Поскольку, как считает О. П. Аксенов, агитационная работа в немецких лагерях советских военнопленных и подразделениях РОА велась также «в русле оперативных интересов чекистов 5 ЛПБ», то методы вербовки Иванова и Авдзейко несколько отличались.

Получаемая информация о наличии подразделений власовцев в немецких дивизиях, расположенных в районе действий бригады, играла важную роль для ведения пропаганды в местах их дислокации. Она помогала быстрее реализовать партизанских мероприятий по разложению представленных структур, и была еще одним источником пополнения бригады [9, с. 110]. Так, из слов перебежчиков из гарнизона РОА в Пожеревицах, стала известна территория размещения частей РОА в районе на 21 июня. Выяснилось, что в Пожеревицах располагался штаб 16-го резервного учебного батальона РОА, командир ст. л-т Егоров. Там же находились две роты численностью в 400 солдат. Одна рота находилась в Дедовичах, вторая – в Сорокино. Роты были вооружены голландскими винтовками. Пулеметы хранились на складе и выдавались только при выезде на операции, на каждую роту приходилось три ручных и один станковый пулемет. Штаб формирования РОА находился в Сольцах, начальником штаба был полковник Боярский (русский). Для его обработки была подготовлена специальная операция. Здесь же находилась школа подготовки офицерского состава, в которой обучалось 100 чел. С мая 1943 г. в Пожеревицах работала школа подготовки диверсантов для работы в советском тылу. Переменный состав школы состоял из русских [5, л. 187, 222].

Поскольку добровольно люди в РОА не шли, туда забирали военнопленных. Так, 2 июля в Пскове прошел парад частей РОА, но многие «добровольцы» – участники парада были военнопленными, одетыми в немецкую форму. Так было, например, в Стругах Красных, где немцы освободили из лагеря 300 военнопленных и зачислили их в РОА, переодев в немецкую форму [5, л. 191, 265].

29 июня в районе Острова к партизанам перешли солдаты гвардейского маршевого батальона. По их словам, батальон формировался из числа военнопленных, находившихся в г. Зенберг. Командный состав проходил спецподготовку на офицерских курсах. Командиром гвардейского маршевого батальона был Сахаров, начальником штаба – Енинадзе. Оба – эмигранты. Командир офицерской роты Шишко, командир взвода агитации – майор князь Голицын (эмигрант). Начальник учебной части батальона – подполковник Ковалев [5, л. 226].

В результате пропагандистской работы, судя по отчетам командования бригады, на сторону партизан перешли из РОА – 96

чел., из полицейских и карательных отрядов – 34 чел., в т. ч. из ЕКА и подразделения полиции безопасности и СД – 4 чел., из «восточных батальонов – 7 человек [10, л. 224].

Большую работу по разложению гарнизонов РОА осенью 1943 г. проводила редакция бригадной газеты «Партизанская месть» – специальные рассказы, письма бывших солдат РОА о своих боевых делах в бригаде печатались в газете, а также в виде листовок и рассылались по гарнизонам. Только с 1 октября по 29 ноября бригадная типография выпустила 9 листовок и 22 номера газеты «Партизанская месть», общим тиражом 12 200 экз. Листовки содержали призыв к населению братья за оружие. Несколько листовок были обращены и к военнопленным и солдатам и офицерам РОА с призывом переходить на сторону партизан [11, л. 40].

Большую роль в разложении военных формирований РОА и «русских добровольцев» вермахта сыграла листовка-обращение «К бывшим бойцам Красной Армии и советским гражданам, находящимся на службе у немцев». Итоги этой работы были эффективны: в сентябре наплыв новых партизан продолжился. По сообщению Загребалова, оставшегося временно за начальника особого отдела бригады, на 26 сентября в бригаду ежедневно десятками «приходили власовцы и добровольцы с оружием и лошадьми» [6, ч. 8, л. 1].

Так, 21 сентября к партизанам-заготовителям в дер. Вяжище добровольно перешла группа из 10 человек из РОА – с оружием, 26 сентября в лагерь пришли еще 29 чел. из РОА. Среди них были шесть чел. из «кавказского легиона», которые убили своих непосредственных командиров – трех ефрейторов-немцев. Они принесли с собой два ручных пулемета и 12 винтовок, а также привели семь лошадей [12, л. 55].

В октябре к партизанам пришли 12 солдат РОА. При допросе выяснилось, что перед своим уходом они убили двух немецких офицеров, захватили два пулемета и личное оружие. Семь рабочих, служивших у немцев, взорвали железнодорожный мост и, захватив четыре винтовки, ушли к партизанам. Пять рабочих телеграфной станции на разъезде Р. взорвали коммутатор телефонной станции и генератор электротока и также ушли в лес.

Еще в сентябре в бригаду добровольно пришел немецкий комендант трудового лагеря в д. Городец Вильгельм Йоганс

Хандкамер. Свой приход к партизанам он объяснял тем, что, по его версии, его подозревали в роспуске трудового лагеря, в котором из 700 человек осталось 300 [4, л. 12, 15, 26].

В начале октября в бригаду пришли обер-ефрейтор Герман Гесс, комендант бюро труда (в исторической литературе он называется комендантом трудового лагеря) в бывшем совхозе Володарского и рядовой Ян Круверс, латыш, призванный в немецкую армию в марте 1943 г. После допроса один написал «Обращение к немецким солдатам!», второй – обращение «К латышам!». Эти обращения были напечатаны в виде листовок и разосланы по гарнизонам [12, л. 12]. А уже 4 октября в бригаде была получена радиограмма из ЛШПД, предлагавшая расширить пропагандистскую работу среди вражеских солдат: «Разлагайте с помощью Гесса Германа и Круверса немецкие гарнизоны, выпускайте листовки, обращения, устанавливайте связи» [13, л. 1]. Чем, собственно, партизаны и занимались.

Так, 2 октября, через агентурную разведку, в бригаду пришли 20 человек бывших карателей, часть – с оружием [6, ч. 1, л. 33], 14 октября перешел на сторону партизан немец, работавший техником по дорожному строительству в районе Красного Вала [6, ч. 8. л. 47]. За октябрь из Батецкого, Уторгошского, Плюского и Струго-Красненского районов в 5-ю бригаду пришло 193 чел. [12, л. 20 об.].

Правильно поставленная пропагандистская работа продолжала давать свои результаты. В начале ноября железную дорогу на Гдов, Лугу, Уторгош, Новгород охранял 664-й финский батальон 16-й армии. И 2 ноября 16 солдат этого батальона, охранявших железнодорожный мост на одном из участков Варшавской железной дороги, убили двух немецких офицеров и с оружием пришли к партизанам. В связи с массовым добровольным переходом финнов к партизанам, немецкое командование было вынуждено срочно снять батальон с охраны дороги и заменить немецкими солдатами. По словам перешедших к партизанам, 27 ноября всех финнов в течение 48 часов отправили в Финляндию [6, ч. 8, л. 327].

В ноябре в бригаду пришли три латыша, служившие в немецкой армии, они также обратились с письмом к своим землякам. Эта листовка оказала свое воздействие. К партизанам пришли еще несколько латышей. Были напечатаны также обращения

к азербайджанцам, состоявшим на службе в немецкой армии. Листовки делали свое дело. В результате в сентябре-декабре 1943 г. десятки солдат РОА перешли к партизанам [13, л. 133].

Все это подтверждают и немецкие документы. Еще 18 сентября 1943 г. появился приказ командующего охранными отрядами и командующего войсковой областью СГА фон Кюхлера, в котором констатировалось, что «в настоящее время участились случаи перехода на сторону (партизан – авт.) солдат из «восточных подразделений» русских и украинских национальностей». В некоторых местах, говорилось в нем, «...бегут не только одиночки, а целыми группами (отделения и взводы), захватывая с собой часто все вооружение». По словам генерала, причиной побега в большинстве случаев являлась «ловкая разлагающая пропаганда агентов партизан, которые имелись во всех слоях гражданского населения». В приказе прозвучало предупреждение о возрастающей «ненадежности» "восточных подразделений"» [14, л. 33].

А в октябрьском приказе германского командования уже прямо запрещалось использовать эти подразделения «без немецкого надзора», даже в небольших гарнизонах, а также на охране важных объектов (железнодорожных мостов, складов и т. д.) [15, л. 36].

К декабрю 1943 г. пропагандистская работа среди воинского контингента антисоветских формирований и восстания в ряде гарнизонов частей и подразделений РОА заставили немецкое командование разоружить оставшиеся гарнизоны. Большинство солдат РОА были заключены в лагеря или отправлены в Германию. Существовавшие школы пропагандистов и вербовочные пункты в крупных населенных пунктах были ликвидированы. На оккупированной территории остался лишь так называемый «гвардейский» батальон, расположенный под Псковом. В этот батальон продолжалось внедрение советской агентуры. В январе 1944 г. 12 чел., с оружием и боеприпасами перешли к партизанам. Всего в бригаду перешли свыше 400 чел., состоявших на службе в немецкой армии, РОА, в оккупационной администрации [14, л. 133–134].

Одновременно партизаны 5-й бригады вели большую работу по организации побегов из лагерей для военнопленных и трудовых гражданских лагерей. Все лагеря, расположенные в зоне действия бригады, снабжались через «агентурных

разведчиков» листовками с призывом уходить к партизанам, а также газетами и другими материалами.

Большую работу как по разложению гарнизонов РОА, так и в лагерях военнопленных проводила редакция бригадной газеты. Специальные рассказы и письма бывших военнопленных о своих боевых делах в отрядах печатались и в виде листовок и распространялись среди людей, находившихся в лагерях. Среди них распространялась и листовка под название «Вести с советской Родины».

В результате этой работы военнопленные и «невольники» из трудовых лагерей начали покидать лагеря.

В начале июня, через молодого парня из дер. Б. Уторгош, была установлена связь с военнопленными, находившимися в лагере этого населенного пункта. Результатом общения с ними стал приход «через несколько дней» в лес группы военнопленных, которых привел лагерный врач Ваневский. Через него вскоре из лагеря пришла еще одна группа (ок. 20 чел.).

Больше того, с целью освобождения всех военнопленных, 24 июля бригада совершила налет на немецкий гарнизон в дер. Б. Уторгош. Была уничтожена охрана лагеря, заключенные освобождены и ушли с партизанами. Освобожденные военнопленные были зачислены в бригаду и после принятия ими партизанской клятвы получили оружие [6, ч. 8, л. 34].

Уже 31 июля из лагеря в М. Уторгоши в бригаду пришел 21 человек. Их проверка проходила «через боевые задания». Ко 2 августа в бригаду были приняты еще восемь бежавших военнопленных. А 25 августа в бригаду прибыла большая группа военнопленных. Среди них шесть человек были из лагеря для военнопленных в Дуброво, 23 человек – из лагеря в Николаево, 20 человек – из лагеря в Маяково. Вскоре 27 августа группа во главе с начальником штаба бригады, возвращавшаяся из разведки, привела в лагерь 41 бывшего военнопленного, правда с оружием – только 11 чел. Всего, по данным Новикова, с начала августа в бригаду было принято 66 чел. из числа военнопленных [13, л. 10–11].

Так, 23 сентября группа партизан из отряда Павлова полка Скородумова, возвращавшаяся с боевого задания, привела с собой 23 военнопленных, бежавших из лагеря. В тот же день возвратилась группа Зеленского, отбившаяся во время боя с карателями еще 9 сентября. Она привела с собой 13 бывших

военнопленных, которых успели проверить в боевой операции – на пути в лагерь ими в дер. Погост Петровский был уничтожен маслозавод [11, л. 55].

Всего за август-сентябрь за счет военнопленных бригада пополнилась на 92 чел. [12 л. 26].

Обсуждение и выводы

Изученный материал из архивных фондов позволил сделать ряд важных выводов.

Большую работу как по разложению тыловых гарнизонов РОА, так и в лагерях для военнопленных, проводила редакция бригадной партизанской газеты «Партизанская месть». Эта работа выражалась в составлении листовок, обращенных к представителям разных по социальному и этническому признаку солдат вермахта.

Из вновь выявленных документов следует, что в октябре в Сольцах в пропагандистской работе среди военнопленных участвовала Мария Жеребцова, 1923 г., связанная с партизанами 5-й ЛПБ. Она распространяла листовки и советские газеты среди военнопленных, работавших в песчаном карьере, и вербовала их в партизаны, а 17 октября и сама пришла в отряд Святова (полк Егорова) [15, л. 79].

Главным итогом работы по разложению РОА стало то, что немцы убрали карательные отряды РОА из района действий бригады, разоружили и отправили в лагеря для военнопленных, заменив их немецкими солдатами. Это произошло в крупных деревнях Турская Горка, Городец, Б. Уторгош, Городище, Заполье, Милютино, Николаево.

Список литературы

1. Никитенко Н. В. Партизанские комбриги: люди и судьбы: (командиры партизанских бригад, действовавших на оккупированной территории Ленинградской и Калининской областей в годы Великой Отечественной войны). Псков: Великолукская городская типография, 2010. 398 с.

2. Никитенко Н. В. Партизанские комиссары: люди и судьбы: (комиссары партизанских бригад, действовавших на оккупированных территориях Ленинградской и Калининской областей в годы Великой Отечественной войны). Псков: Великолукская городская типография, 2013. 392 с.

3. Комбриг Карицкий – чекист и партизан / сост.: О. П. Аксенов. СПб.: Специальная литература, 2013. 287 с.

4. Архив Управления ФСБ России г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (АУФСБ СПб и ЛО). Ф. 13. Д. 0010. Т. 1.

5. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-116 л. Оп. 2. Д. 81.

6. АУФСБ СПб и ЛО. Ф. 13. Д. 0010. Т. 2.

7. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4000. Оп. 2. Д. 81.

8. В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области, 1943 г. Сборник документов / сост. А. Р. Дзенискевич и др. Л.: Лениздат, 1983. 391 с.

9. Аксенов О. П. Партизанский «особист» И. В. Авдзейко // Незримый фронт на защите Ленинграда, 1941–1944: посвящается 80-летию начала битвы за Ленинград: сборник статей / сост. С. К. Бернев. СПб.: Арт-Экспресс, 2021. С. 95–116.

10. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 11. Д. 160.

11. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 552.

12. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 549.

13. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 7. Д. 244.

14. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 553.

15. ЦГАИПД СПб. Ф. Р-116 л. Оп. 2. Д. 187.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Daily Work of the 5th Leningrad Partisan Brigade on the Decomposition of Anti-Soviet Formations in Camps for Soviet Prisoners of War

Valentin I. Khrisanfov, Stanislav K. Bernev

This article examines the political and propaganda direction of the anti-fascist activities of the 5th Leningrad Partisan Brigade, the largest of the partisan units operating in the temporarily occupied territory of the Leningrad Region in 1943–1944. Based on documents from the departmental archive of the Federal Security Service Directorate for St. Petersburg and Leningrad Region and the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg, introduced into scientific circulation for the first time, the work of the partisans to decompose anti-Soviet military formations created by the Nazi invaders to fight the partisans (volunteers from the so-called "eastern battalions" of the Wehrmacht, Vlasovites from units of the Russian Liberation Army who served in the rear German garrisons and participated in punitive operations against the partisans) and local police detachments also involved in the fight against the partisans is traced. The article reveals the forms and methods of political propaganda work (leaflets, newspapers) of the partisans of the 5th Leningrad Partisan Brigade, aimed at the decomposition of anti-Soviet military formations and its results – the arrival of over 400 people to the brigade, who had previously served in the German army and in punitive detachments. Specific statistical material is provided on the number of new people arriving in the brigade every month. The article reveals the forms of propaganda work to organize escapes from German prisoner-of-war camps and civilian labor camps. The materials revealed during the study of unpublished sources show previously unknown facts and exploits of Russian people who heroically fought in the ranks of the Leningrad partisans against the Nazi occupation regime.

Key words: Great Patriotic War, Leningrad Region, occupation, partisan movement, 5th Leningrad Partisan Brigade, political propaganda activities, leaflets, Russian Liberation Army.

For citation: Khrisanfov, V. I., Bernev, S. K. (2025) Povsednevnaya rabota 5 Leningradskoj partizanskoj brigady po razlozheniyu antisovetskikh formirovaniy i v lageryah dlya sovetских voennoplennyykh [Daily Work of the 5th Leningrad Partisan Brigade on the Decomposition of Anti-Soviet Formations in Camps for Soviet Prisoners of War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 126–139. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_126. EDN: BBYSXM

References

1. Nikitenko, N. V. (2010) *Partizanskie kombrigi: lyudi i sud'by: (komandiry partizanskih brigad, deystvovavshih na okkupirovannoy territorii Leningradskoj i Kalininskoj oblastej v gody Velikoj Otechestvennoy vojny)* [Partisan brigade commanders: people and destinies: (commanders of partisan brigades operating in the occupied territory of the Leningrad and Kalinin regions during the Great Patriotic War)]. Pskov: Velikolukskaya gorodskaya tipografiya. (In Russ.)
2. Nikitenko, N. V. (2013) *Partizanskie komissary: lyudi i sud'by: (komissary partizanskih brigad, deystvovavshih na okkupirovannykh territoriyah Leningradskoj i Kalininskoj oblastej v gody Velikoj Otechestvennoy vojny)* [Partisan commissars: people and destinies: (commissars of partisan brigades operating in the occupied territories of the Leningrad and Kalinin regions during the Great Patriotic War)]. Pskov: Velikolukskaya gorodskaya tipografiya. (In Russ.)
3. (2013) *Kombrig Karickij – chekist i partizan* [Brigade Commander Karitsky – Chekist and partisan]. Comp. O. P. Aksenov. St. Petersburg: Special'naya literatura. (In Russ.)
4. *Arhiv Upravleniya FSB Rossii g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti* [Archive of the FSB Directorate of Russia for St. Petersburg and Leningrad Region] (hereinafter – AUFBS SPb i LO). F. 13. D. 0010. T. 1.
5. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Petersburg* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (hereinafter – CGAIPD SPb). F. R-116 l. Op. 2. D. 81.
6. AUFBS SPb i LO. F. 13. D. 0010. T. 2.
7. CGAIPD SPb. F. R-4000. Op. 2. D. 81.
8. (1983) *V tylu vraga: Bor'ba partizan i podpol'shchikov na okkupirovannoy territorii Leningradskoj oblasti, 1943 g.* [Behind Enemy Lines: The Struggle of Partisans and Underground Fighters in the Occupied Territory of the Leningrad Region, 1943]. Collection of Documents, ed. A. R. Dzeniskevich and others. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
9. Aksenov, O. P. (2021) Partizanskiy «osobist» I. V. Avdzejko [Partisan "Specialist" I. V. Avdzejko]. *Nezrimyj front na zashchite Leningrada, 1941–1944: posvyashchaetsya 80-letiyu nachala bitvy za Leningrad* [An invisible front on the defense of Leningrad, 1941–1944: dedicated to the 80th anniversary of the beginning of the battle for Leningrad]. Collection of articles, ed. S. K. Bernev. St. Petersburg: Art-Ekspress. Pp. 95–116. (In Russ.)
10. CGAIPD SPb. F. R-116 l. Op. 11. D. 160.
11. CGAIPD SPb. F. R-116 l. Op. 1. D. 552.
12. CGAIPD SPb. F. R-116 l. Op. 1. D. 549.
13. CGAIPD SPb. F. R-116 l. Op. 7. D. 244.
14. CGAIPD SPb. F. R-116 l. Op. 1. D. 553.
15. CGAIPD SPb. F. R-116 l. Op. 2. D. 187.

Об авторах

Хрисанфов Валентин Иванович, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: veronika.hrisanfova@yandex.ru

Бернев Станислав Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда» СПб ГБУК ГММОБЛ, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: bernev_sk@gmmobl.ru

About the authors

Khrisanfov Valentin I., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Independent Researcher, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: veronika.hrisanfova.v@yandex.ru

Bernev Stanislav K., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of the History of the Defense and Siege of Leningrad, St. Petersburg GBUK GMOBL, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: bernev_sk@gmmobl.ru

Статья поступила в редакцию 29.01.2025

Одобрена после рецензирования 06.05.2025

Принята к публикации 13.05.2025

Мероприятия по переселению колхозников в Кексгольмский и Раутовский районы Ленинградской области в 1945–47 гг.

И. И. Иноземцев

В статье дается оценка событий, связанных с переселением колхозного населения на Карельский перешеек Ленинградской области. Указываются причины, побуждающие население к переезду на новое место жительства, а также влияние государственных мероприятий, направленных на привлечение людей к переезду. Рассматриваются мероприятия, проводимые на местах – от выдачи продуктов питания и промтоваров, до предоставления нового жилища и приусадебного участка переселенцам. Также охарактеризованы льготы государственного масштаба для колхозников, такие как выдача долгосрочных денежных ссуд, снижение налоговой нагрузки. На конкретных примерах рассматриваются аспекты повседневной жизни переселенцев, а также случаи выходов из колхозов, в том числе самовольных. Демографические показатели региона после переселения возросли, что позволило гораздо быстрее приступить к ликвидации последствий Великой Отечественной войны в указанных районах Ленинградской области. В написании статьи использовались материалы архивов ЦГАИПД, ЛОГАВ и периодической печати описываемого периода.

Ключевые слова: политика переселения, Карельский перешеек, крестьянство, колхозы, приживаемость.

Для цитирования: Иноземцев И. И. Мероприятия по переселению колхозников в Кексгольмский и Раутовский районы Ленинградской области в 1945–47 годах // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 140–152. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_140. EDN: BEJDNO

Введение

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб Советскому Союзу. Особенно пострадали регионы, на территории которых проходили боевые действия, в частности Кексгольмский и Раутовский районы Ленинградской области, бывшие в финской оккупации с 1941 по 1944 гг. Так, в отчете секретаря Раутовского райкома ВКП(б) указывалось, что районный центр – поселок Рауту (Сосново) подвергся опустошительному уничтожению. На момент освобождения в нем не осталось ни одного уцелевшего здания старой постройки. Восстановление учреждений, предприятий и жилых домов в райцентре приходилось проводить заново [1, л. 2]. Учитывая, что для восстановления и развития народного хозяйства требовались рабочие руки, партийные и государственные органы власти прикладывали большие усилия для привлечения населения на новое место жительства. Проводилась планомерная работа по агитации, финансовой поддержке и расселению людей на местах прибытия в районах Карельского перешейка.

Историография данного вопроса сравнительно небольшая, что дает возможность для более широкого дальнейшего исследования [2]. Отчасти это можно объяснить незначительными по историческим меркам временными рамками и тем, что тематика политики освоения Карельского перешейка и повседневной жизни переселенцев достаточно нова.

К основным историческим трудам, связанным с переселенцами в Северо-Западные районы Ленинградской области, стоит отнести работу В. А. Кутузова «Возрождение земли Ленинградской», где отмечаются сложности, которые сопровождали переселенцев при переезде на новое место жительства, используется ряд статистических данных [3].

В монографии В. Н. Степакова и Е. А. Балашова «В "новых районах"» были использованы данные архивных фондов ЦГА СПб и некоторых других архивов [4]. А. К. Молчанов в своей книге «На грани войны и мира» приводит свидетельства финских авторов о переселении жителей Карельского перешейка в 1940-е гг. [5]. Г. И. Большакова в монографии «Заложники новой границы» рассмотрела аспекты переселенческой политики государства, приживаемость нового населения в районах Карельского перешейка, особенности повседневной жизни прибывших [6].

В дальнейшем, Г. И. Большакова издала ряд статей об адаптации переселенцев на новом месте жительства в 1940–60 е гг. [7].

В диссертации Л. В. Геращенко «Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1953 гг.» в числе прочего рассматривается ситуация, связанная с окончанием боевых действий на перешейке, задачи советских и партийных органов по переселению людей в указанные районы¹.

Целью данной статьи является изучение мероприятий, направленных на государственную переселенческую политику, влияние переселения на процессы восстановления народного хозяйства и жизни населения в послевоенные годы на территории Карельского перешейка.

В написании статьи были использованы архивные документы фондов ЦГАИПД, ЛОГАВ и периодические издания, выходившие в Кексгольском и Раутовском районах в указанные годы. Мемуары участников данных событий также являются важным источником по вопросу переселения [9].

Результаты

Практически сразу после освобождения районов Ленинградской области, бывших в оккупации, стала проводиться политика привлечения населения на постоянное проживание в районы Карельского перешейка. В феврале 1945 г. в Кексгольмский район прибыла очередная партия переселенцев. Учитывая всю важность приезда колхозников, райторготдел провел следующие мероприятия: были подобраны пункты питания и выделены люди для приготовления горячих обедов на четырех ж/д станциях, где проходила выгрузка людей, их имущества и скота. В частности, для этих целей использовались столовые воинских частей, совхозов и т. д. Было произведено и выдано питание на три дня по форме рабочих карточек и сверх этого было добавлено рыбы по 0,5 кг и по 2 кг картофеля на человека [10, л. 1].

Во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны от 12 июня 1945 г. № 9953 «О переселении колхозников в районы Карельского перешейка Ленинградской области» исполком Ленинградского областного Совета депутатов и бюро Ленинградского обкома ВКП(б) постановил: переселить в сентябре

¹ Геращенко Л. В. Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2009. 259 с.

и октябре 1945 г. в район Карельского перешейка 1000 хозяйств, из них 100 хозяйств рыбаков из Владимирской, Вологодской, Калининской, Кировской и Ярославской областей. В Кексгольмском районе предполагалось расселить 400 хозяйств, в том числе 30 хозяйств рыбаков, в Раутовском районе – 255 хозяйств, из них 40 рыбацких. Исполкомы перечисленных районов были обязаны к 1 сентября 1945 г. привести в порядок все жилые и хозяйственные постройки, отведенные для размещения колхозников, а также организовать прием переселенцев на станциях разгрузки. Обустроить помещения для временного пребывания, пунктов питания и медицинских учреждений [11, л. 10].

Для привлечения населения к переезду на постоянное местожительство в районы Карельского перешейка постановлением правительства были приняты ряд льгот, которые разделялись на льготы в местах выхода и местах заселения. В первом случае с колхозников списывались все недоимки по натуральным поставкам, денежному налогу и страховым платежам. За счет государства выдавалось единовременное пособие в расчете 5 тыс. р. на каждую переселяемую семью. Переезд на новое место жительства был бесплатным для колхозников и скота, находящегося в личном пользовании, а также имущества общим весом 2,5 т на семью. В местах выхода на каждую семью продавалось три пары валенок, одна пара кожаной обуви, два платка и две шапки. Дома и надворные постройки могли быть проданы, а семьям, не имеющим личного скота, обисполкомом выделялось по корове, две-три овцы, пять-десять кур с ферм колхозов, в которых они состояли. В пути следования выдавались сухпайки в расчете на десять дней по нормам, установленных для рабочих. Кроме того, переселенцы обеспечивались горячим питанием из двух блюд один раз в сутки [11, л. 12].

На местах заселения колхозникам бесплатно выдавался дом с надворными постройками, приусадебный земельный участок в размере от 0,6 до 1 гектара, включая землю, занятую постройками. Нуждающимся переселенцам выдавалась ссуда до 8 тыс. р. на одно хозяйство, с возвратом в течение семи лет равными частями, начиная с третьего года пользования кредитом. Переехавшие колхозники и организуемые для них колхозы освобождались от всех денежных налогов, страховых платежей и обязательных поставок государству на 1946–1948 гг. Каждой

семье по приезду продавались необходимые промтовары, такие как керосин, ткани, соль, спички, мыло и т. д.

Кроме этого, выдавались продовольственные товары из расчета на количество прибывших. Колхозникам Кексгольмского района – в количестве 2 400 чел. – выделялись 36 центнеров печеного хлеба, 2,89 крупы, 4,31 рыбы / мяса, 0,96 жиров, 0,96 кондитерских изделий, 36 картофеля (в центнерах). Переселенцам Раутовского района – 1 530 чел., выдали 23 центнера хлеба, 1,84 – крупы, 2,75 – рыбы / мяса, 0,61 – жиров, 0,61 – кондитерских изделий, 23 центнера картофеля.

Также для прибывших открывались специальные магазины, в которые по плану требовалось завезти для продажи, исходя из количества хозяйств (255 в Раутовском и 400 в Кексгольмском районе), 7,65 и 13 тыс. м хлопчатобумажной ткани, 2 550 и 4 000 л керосина, 25,5 и 40 центнеров соли, 10,2 и 13 тыс. коробок спичек, 765 и 1 300 кг хозяйственного мыла, 2 550 и 4 000 катушек ниток соответственно [11, л. 14–15].

Всего же за 1945 г. в Кексгольмский (Приозерский) район прибыло 3 649 чел., из них мужчин – 1 439, женщин – 2 210. Трудоспособного населения мужского пола – 500, женского пола – 961 чел. Организованы были 23 новых колхоза, пополнены прибывшими 35 существовавших ранее колхозов. Были обеспечены домами 761, приусадебными участками 367 хозяйств. Не наделено участками 394 хозяйства. Выдано зерновой ссуды на 59 810 центнеров. Получено промтоваров на 632 хозяйства. Единовременное денежное пособие в сумме 215 тыс. р. получили 101 хозяйство. На переселенцев имелось 735 голов крупного рогатого скота, птицы 3 486 штуки. Животные были обеспечены кормами [10, л. 49].

Переселенцы, закрепившись на местах нового жительства, получали предусмотренные правительством льготы, обеспечивались жилыми домами, надворными постройками и приусадебными участками. Всего на Карельском перешейке к 1946 г. было организовано 132 колхоза, создано 25 совхозов и 226 подсобных хозяйств, предприятий и учреждений. Была проведена работа по восстановлению гидроэлектростанций, целлюлозно-бумажной, лесной, рыбной промышленности и предприятий по производству стройматериалов, жилищно-коммунального хозяйства городов и райцентров, школ, культурных и медицинских учреждений, а также местной государственной и коопе-

ративной промышленности, связанных с бытовым обслуживанием населения и производственных нужд колхозов.

Наряду с этим Ленинградский облисполком не использовал полностью всех имеющихся возможностей в деле быстрого восстановления Карельского перешейка и организационно-хозяйственного укрепления колхозов. Не были приняты должные меры к восстановлению мелиоративной системы. Урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота в районах данного региона была ниже, чем в остальных районах Ленинградской области. Организованные колхозы и подсобные хозяйства зачастую не имели достаточного количества средств производства и рабочей силы, тягла, сельскохозяйственных машин и инвентаря. В то же время слабую помощь в деле скорейшего ввода в действие новых производственных мощностей оказывали министерства – электростанций, бумажно-целлюлозной, рыбной промышленности и др. Крайне слабо велось строительство жилой площади для размещения рабочих и инженерно-технических работников [12, л. 1, 2].

Широко привлекались воинские части для транспортировки переселенцев на новое место жительства. В сентябре 1945 г. Кексгольмский РК ВКП(б) обратился к командиру части № 37736 с просьбой помочь в перевозке колхозников, прибывающих на Карельский перешеек. И за два дня, 19–20 сентября 1945 г., без всяких задержек были перевезены 105 семей, среди них: престарелые колхозники, дети, а также хлеб, картофель, предметы домашнего обихода – всего до 300 т груза. Водители грузовиков также помогали переселенцам с погрузочно-разгрузочными работами [10, л. 39].

Организованным колхозам было передано на вечное пользование 6039 га земли. Колхозы вовремя и полностью были снабжены необходимой документацией (устав сельхозартели, книги учета и отчетности, бланки производственных планов, финансовых смет, трудовые книжки и т. д.). Для весеннего сева была отпущена семенная ссуда зерна в количестве 879 центнеров, картофеля 316 т, завезено рабочих лошадей – 160 и молодняка 19 голов. Установленный колхозам района план весеннего сева по состоянию на 1 июня 1945 г. был выполнен на 95 %, в т. ч. по зерновым – 111 %, по картофелю – 67 %, по овощам на 55 %.

Кроме колхозов, в проведении весеннего сева 1945 г. участвовали пять совхозов и 17 подсобных хозяйств и организаций. К этому моменту было проведено землеуказание, собрано и отремонтировано достаточное количество плугов, борон, культиваторов, косилок и т. д. На поля было вывезено свыше 1 500 т навоза, из них 545 т под картофель и овощи, а также 82 центнера золы. Собственных семян колхозы не имели, а семена были получены в порядке ссуды к началу и в период сева. Рабочего скота к началу сева в колхозах не имелось, а в совхозах было недостаточное количество. К выборочной обработке земли приступили 25–27 апреля, а к массовой 5–7 мая 1945 г. Первоначально обработка почв велась вручную, причем по колхозам было вскопано 162 га, или 23 % всего весеннего сева. Норма на колхозника была установлена в размере 0,02–0,03 га. Причем некоторые колхозники вспахивали по 0,06–0,08 га. По мере получения лошадей переходили на конную обработку пашни. Из-за слабости лошадей, отсутствия концентрированных кормов, вспахивали по 0,2–0,25 га. Всего по Кексгольмскому району было посеяно 1 360 га, в том числе зерновых – 817 га, картофеля – 409 га, овощей – 116 га и прочих 18 га [13, л. 92].

Во избежание сложностей с обеспечением переселенцев жильем, в выделенные для проживания поселки заранее были отправлены ответственные лица, которые производили осмотр домов под заселение колхозников. Многие дома требовали ремонта. Так, в Мюлюпельтовском сельсовете на 2 августа 1945 г. из свободных для заселения домов в колхозе «Красная волна» восемь домов требовали застекления. В колхозе «Красный герой» в пяти домах требовалось перестелить полы, в 12 домах не было столовых приборов. 13 домов колхоза «Красное знамя» требовали мелкий, четыре дома – капитальный ремонт. В хозяйствах «Путь Сталина» и «Заря» в 16 и 11 домах соответственно требовалось застекление и мелкий ремонт. Особое внимание уделялось тому, чтобы в предоставляемых домах была мебель, надворные постройки, баня и колодец, наличие рабочей печки, запаса дров и т. д. [11, л. 25, 36, 41].

По плану на 1945 г. в Кексгольмском (Приозерском) районе должны была быть развернута медицинская сеть из трех больниц на 25 коек, двух амбулаторий, двух фельдшерских пунктов, одного ФАПа, двух дезпунктов. Фактически же были

открыты две больницы на 15 коек, два фельдшерских и четыре дезпункта. Требовались врач-акушер в больницу и акушерки в фельдшерские пункты для обслуживания населения.

Для оказания ветеринарной помощи были открыты ветлечебница и два ветпункта, однако они были не в состоянии обеспечить ветеринарной помощью колхозы района, имея в виду новый завоз скота. Работа восьми имеющихся точек райпотребсоюза не была налажена должным образом. Культурно-просветительские мероприятия для населения не проводились, кинообслуживание отсутствовало, были открыты только две избы-читальни [11, л. 33, 34].

Переселенцам на время транспортировки выдавались личные пропуска, заверенные управлением НКВД области выселения, а также справки переселенца, выдаваемые райисполкомом, где указывались ФИО, количество человек в семье и пункт прибытия. Для провоза домашнего скота выдавалась ветеринарная справка и удостоверение о том, что животные перед отправкой были осмотрены ветврачом [14, л. 33, 42, 58, 70, 76, 93].

О планомерной политике переселения говорят и данные статистики. Так, население Раутовского района Ленинградской области на 1 января 1946 г. составило 5908 чел., к 1 июля 1946 г. – 7942 чел. Из них мужчин с 16 до 60 лет на 1 января – 1070, на 1 июля того же года – 1667. Количество женщин 16–60 лет увеличилось с 2978 до 4001 соответственно. Членами ВКП(б) на 1 июля 1946 г. было 399 человек, к 1 января 1947 г. – уже 472 чел. Членами ВЛКСМ были к 1 июля 1946 г. – 587, 1 января 1947 г. – 610 чел. [15, л. 1].

По итогам 1946 г. положение Раутовского района оставалось сложным. Колхозы района если и справились с весенним севом своевременно, то большинство из них затагнули уборку и обмолот зерновых, тем самым потеряв значительную часть урожая. Работа местной промышленности еще не удовлетворяла растущие потребности населения. Вновь прибывшие колхозники-переселенцы остро нуждались в таких товарах, как бочки, корыта, дуги, мебель, изготовлению которых руководство местной промышленности не придавало должного значения [16].

Многие переселенческие колхозы по-хозяйски стали осваивать закрепленную за ними землю, проявляли хозяйственную инициативу. В сельхозартели «Победа» Кексгольмского района колхозники занялись созданием ягодной плантации,

члены артели имени Мичурина своими силами восстановили разрушенную водяную мельницу. В 1946 г. в совхозе «Первомайский» было 500 рамомест для высадки овощей, в частности капусты. В 1947 г. совхоз значительно расширил парниковое хозяйство. Были заложены 440 парниковых и 500 рамомест полузакрытого грунта. Для них было вывезено 170 т удобрений, вместо 120 т по плану [17].

Несмотря на потребность в рабочих руках, отбор переселенцев в Раутовский (Сосновский) и Кексгольмский (Приозерский) районы был достаточно тщательный. Житель Костромской области Владимир Васильевич Чернов выбрал Карельский перешеек как постоянное местожительство: «Есть желание переехать в Раутовский район, где я воевал, лежал в госпитале в Рауте. Сам работаю в колхозе бригадиром и семейство мое. В 1947 году дом сгорел и все имущество. Просьба Раутовскому райкому партии меня перевести в ваш район и быть вашим жителем, вызов сделайте как погоревшей семье». В ответном письме РК ВКП(б) не возражал против его переезда в Сосновский (Раутовский) район. В. В. Чернову предоставлялись работа в колхозе и дом для жилья. Однако льготы, как переселенцу, предоставлены не были [18, л. 125–126].

Присутствовали и факты выхода переселенцев из колхозов, в том числе самовольных. Так, в Раутовском районе за период зимы 1946 – весны 1947 г. ряд колхозников выбыли с места жительства по разным причинам. Александр Серов, глухонемой колхозник, был направлен в школу глухонемых. Часть населения было переведено из колхозов на учебу в ремесленные училища, некоторые женщины выходили замуж и выбывали из колхозов. Также было несколько случаев, когда колхозники-переселенцы в одиночку или семьями выбывали из колхозов и устраивались на работу в организации внутри своего или соседних районов Карельского перешейка. Учитывая, что государством были затрачены большие средства на переселение и хозяйственное устройство, а также предоставленные льготы и ссуды, принимались меры по возврату самовольно выбывших обратно в колхозы, а при отказе через суд взыскивались затраченные на них средства [19, л. 1–31].

Обсуждение и выводы

Первые послевоенные годы стали для нашей страны временем восстановления народного хозяйства, сопряженного с бытовыми сложностями и проблемами, связанными с частым отсутствием необходимых для жизни вещей, мебели, продуктов питания. В Ленинградской области серьезно пострадал жилищный фонд, школы, детские сады и т. д. Но основной потерей в послевоенные годы в областях, пострадавших от боевых действий, была резкая убыль населения. Вопрос внутренней миграции трудоспособного населения стал насущным для руководства страны, и местных органов власти, в частности. Учитывая большую убыль населения Ленинградской области в результате Великой Отечественной войны, проводилась агитация в других областях и районах Советского Союза, призывающая сменить место жительства со своего региона на вышеуказанные районы [19, с. 131].

Несмотря на ряд сложностей, в основном политика привлечения населения к переезду на Карельский перешеек в 1945–1947 гг. была успешной. Для переселенцев сыграли свою побудительную роль материальные стимулы, такие как государственная помощь при переезде, предоставление готовых жилищ, единовременные денежные пособия и долгосрочные ссуды на обустройство домов и приусадебных участков.

Подстегивала к переезду в Кексгольмский и Раутовский районы и близость Ленинграда, второго города страны, что стало не менее важным мотивационным фактором для колхозников-переселенцев из отдаленных регионов Советского Союза.

Список литературы

1. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. О-11. Оп. 5. Д. 113.
2. Справочник по истории административно-территориального деления районов Ленинградской области, расположенных на Карельском перешейке (1940–1941, 1944–1991 гг.). Выборг: Остров, 2012. 303 с.
3. Кутузов В. А. Возрождение земли ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1985. 244 с.
4. Степаков В. Н., Балашов Е. А. В «Новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка в 1940–1950 гг. СПб.: Нордмедиздат, 2001. 143 с.
5. Молчанов А. К. На грани войны и мира. Карельский перешеек и Северное Приладожье в 1939–1948 гг. СПб.: Курорты Петербурга, 2005. 53 с.
6. Большакова Г. И. Заложники новой границы. Проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940–1960 годах. СПб.: Астерион, 2009. 138 с.

7. Большакова Г. И. Проблемы адаптации советских переселенцев на Карельском перешейке в 1940–1960-е годы // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 12. – С. 42–47.

8. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб.: Издательство Европейского университета, 2005. 477 с.

9. ЦГАИПД СПб. Ф. р-463л. Оп. 1. Д. 10.

10. ЦГАИПД СПб. Ф. О-463. Оп. 1. Д. 9.

11. ЦГАИПД СПб. Ф. О-4. Оп. 3. Д. 19.

12. ЦГАИПД СПб. Ф. р-463л. Оп. 1. Д. 12.

13. Ленинградский областной государственный архив в Выборге (ЛОГАВ). Ф. р-4665. Оп. 3. Д. 1.

14. ЦГАИПД СПб. Ф.р-11л. Оп. 5. Д. 117.

15. Сталинское слово. – 1947. – № 1. – С. 2.

16. Красная звезда. – 1947. – № 21. – С. 1.

17. ЦГАИПД СПб. Ф. р-11л. Оп. 5. Д. 159.

18. ЛОГАВ. Ф. р-4665. Оп. 3. Д. 5.

19. Иноземцев И. И. Демографические процессы как «зеркало» повседневной жизни населения Ленинградской области в 1946 году // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Международная научная конференция 11 марта 2022 г. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. – С. 130–134.

Activities for Resettling Collective Farmers to the Kexholm and Rautovsky Districts of the Leningrad region in 1945–47

Igor I. Inozemtsev

The article is devoted to the assessment of events related to the resettlement of collective farms population to the Karelian Isthmus of the Leningrad region. The author indicates the reasons, encouraged population to move to a new place of residence, as well as the impact of government measures aimed at attracting people to move. The local measures carried out are considered – from the distribution of food and manufactured goods, to the provision of new housing and a personal plot for resettlers. State-scale benefits for collective farmers, such as issuance of long-term cash loans and reduction in the tax burden, are also described. Using specific examples, aspects of the daily life of migrants are considered, as well as cases of exits from collective farms, including unauthorized ones. The author considers the thesis that, in general, the policy of resettlement to the areas of the Karelian Isthmus, conducted by the state, has been quite successful. The demographic indicators of the region increased after resettlement, which made it possible to begin much faster to eliminate the consequences of the Great Patriotic War in these areas of the Leningrad region. The article was written using the materials from the archives of TSGAIPD, LOGAV and periodicals of the described period.

Key words: resettlement policy, Karelian isthmus, peasantry, collective farms, survival rate.

For citation: Inozemtsev, I. I. (2025) Meropriyatiya po pereseleniyu kolhoznikov v Keksgol'mskij i Rautovskij rajony Leningradskoj oblasti v 1945–47 godah [Activities for Resettling Collective Farmers to the Kexholm and Rautovsky Districts of the Leningrad region in 1945–47]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 140–152. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_140. EDN: BEJDNO

References

1. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* [The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (hereinafter – CGAIPD SPb). F. O-11. Op. 5. D. 113.
2. *Spravochnik po istorii administrativno-territorial'nogo deleniya rajonov Leningradskoj oblasti, raspolozhennyh na Karel'skom pereshejke (1940–1941, 1944–1991 gg.)* (2012) [Handbook on the history of the administrative-territorial division of the districts of the Leningrad region located on the Karelian Isthmus (1940–1941, 1944–1991)]. Vyborg: Ostrov. (In Russ.)
3. Kutuzov, V. A. (1985) *Vozrozhdenie zemli leningradskoj. Kommunisty v avangarde vosstanovleniya narodnogo hozyajstva Leningradskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The revival of the Leningrad land. Communists in the vanguard of the restoration of the national economy of the Leningrad region during the Great Patriotic War]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
4. Stepakov, V. N., Balashov, E. A. (2001) *V «Novyh rajonah». Iz istorii osvoeniya Karel'skogo pereshejka v 1940–1950 gg.* [In the "New Areas". From the history of the development of the Karelian Isthmus in 1940–1950]. St. Petersburg: Nordmedizdat, 2001. (In Russ.)
5. Molchanov, A. K. (2005) *Na grani vojny i mira. Karel'skij peresheek i Severnoe Priladozh'e v 1939–1948 gg.* [On the verge of war and peace. The Karelian Isthmus and the Northern Ladoga Region in 1939–1948]. St. Petersburg: Kurorty Peterburga. (In Russ.)
6. Bol'shakova, G. I. (2009) *Zalozhniki novoj granicy. Problemy zaseleniya i osvoeniya Karel'skogo pereshejka v 1940–1960 godah* [Hostages of the new border. Problems of settlement and development of the Karelian Isthmus in 1940–1960]. St. Petersburg: Asterion, 2009. (In Russ.)
7. Bol'shakova, G. I. (2008) *Problemy adaptacii sovetskikh pereselencev na Karel'skom pereshejke v 1940–1960-e gody* [Problems of adaptation of Soviet settlers on the Karelian Isthmus in the 1940s and 1960s]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the I. Kant Russian State University]. Ser. Humanities. Issue 12. Pp. 42–47.
8. *Granica i lyudi. Vospominaniya sovetskikh pereselencev Priladozhskoj Karelii i Karel'skogo pereshejka* (2005) [Border and people. Memories of Soviet settlers of Ladoga Karelia and the Karelian Isthmus]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta. (In Russ.)
9. CGAIPD SPb. F. r-463l. Op. 1. D. 10.
10. CGAIPD SPb. F. O-463. Op. 1. D. 9.
11. CGAIPD SPb. F. O-4. Op. 3. D. 19.
12. CGAIPD SPb. F. r-463l. Op. 1. D. 12.
13. *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v Vyborge* [Leningrad Regional State Archives in Vyborg] (hereinafter – LOGAV). F. r-4665. Op. 3. D. 1.
14. CGAIPD SPb. F. r-11l. Op. 5. D. 117.
15. *Stalinskoe slovo* [Stalin's Word]. 1947. No. 1. P. 2.
16. *Krasnaya Zvezda* [Red Star]. 1947. No. 21. P. 1.
17. CGAIPD SPb. F. r-11l. Op. 5. D. 159.
18. LOGAV. F. r-4665. Op. 3. D. 5.
19. Inozemcev, I. I. (2022) *Demograficheskie processy kak «zerkalo» povsednevnoj zhizni naseleniya Leningradskoj oblasti v 1946 godu* [Demographic processes as a “mirror” of everyday life of the population of the Leningrad region in 1946]. *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and provinces: the relationship between the center and regions in the history of Russia]. International scientific conference, March 11, 2022. St. Petersburg: LGU im. A.S. Pushkina. Pp. 130–134. (In Russ.)

Об авторе

Иноземцев Игорь Игоревич, аспирант кафедры отечественной истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: iiinozemcev@gmail.com; ORCID ID: 0009-0001-3903-6305

About the author

Inozemtsev Igor I., Postgraduate of the Department of Russian History of Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: iiinozemcev@gmail.com; ORCID ID: 0009-0001-3903-6305

*Статья поступила в редакцию 15.10.2024
Одобрена после рецензирования 10.01.2025
Принята к публикации 25.01.2025*

Практики социального обеспечения студентов сталинградских высших учебных заведений в первые послевоенные годы

П. П. Фантров, А. Н. Дубровина

Настоящая статья представляет собой комплексное исследование практик социального обеспечения студенческого контингента высших учебных заведений Сталинграда в период послевоенного восстановления (1945–1953 гг.). Методологической основой работы послужил анализ широкого спектра архивных документов и трудов исследователей, что позволило осуществить реконструкцию социально-экономических условий жизни учащейся сталинградской молодежи в первые послевоенные годы. В рамках исследования выявлены и систематизированы ключевые факторы, детерминировавшие материальное положение студенчества, включая особенности стипендиального обеспечения, функционирование карточной системы распределения продовольствия, а также состояние жилищно-бытовой инфраструктуры. Особое внимание уделено анализу динамики изменений в сфере социального обеспечения на протяжении рассматриваемого периода. В статье представлен критический анализ эффективности предпринимаемых мер по улучшению материально-бытового положения учащихся вузов в контексте общих социально-экономических процессов послевоенного периода. В процессе проведенного исследования установлено, что, несмотря на значительные усилия и достижения в области восстановления структуры высшего образования в послевоенном Сталинграде, этот процесс сопровождался комплексом проблем, требовавших системного подхода к их решению. Анализ ситуации с продовольственным обеспечением студентов в послевоенном Сталинграде демонстрирует значительную дифференциацию между вузами, обусловленную как объективными факторами (наличие подсобных хозяйств), так и эффективностью управленческих решений руководства учебных заведений. Жилищная проблема оставалась одной из наиболее острых для студенческого контингента в послевоенный период. Жилищно-бытовые условия находились в прямой зависимости от общей социально-экономической ситуации в регионе, которая определялась степенью материального ущерба, нанесенного военными действиями, уровнем развития городской инфраструктуры, а также общим состоянием коммунального хозяйства Сталинграда.

Ключевые слова: высшее образование, студенчество, социальное обеспечение, социальная поддержка, стипендии, послевоенное восстановление, Сталинград.

Для цитирования: Фантров П. П., Дубровина А. Н. Практики социального обеспечения студентов сталинградских высших учебных заведений в первые послевоенные годы // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 153–174. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_153. EDN: BMKDQA

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена многоаспектностью проблемы социального обеспечения студенчества в первые послевоенные годы, которая остается недостаточно изученной в современной отечественной историографии. Комплексный анализ данного вопроса позволяет глубже понять механизмы восстановления и развития системы высшего образования в Сталинградской области после окончания Великой Отечественной войны, а также выявить ключевые факторы, влиявшие на качество подготовки специалистов в условиях острого дефицита ресурсов.

В рамках послевоенного восстановления народного хозяйства подготовка высококвалифицированных кадров приобрела стратегическое значение для Советского государства. Однако реализация этой задачи сталкивалась с множеством объективных трудностей, среди которых можно выделить: недостаточность материально-технической базы вузов, нехватку преподавательских кадров, ограниченность финансовых возможностей как учебных заведений, так и самих студентов.

Исследование фокусируется на примере Сталинграда, где функционировало четыре высших учебных заведения, продолжавших свою деятельность даже в крайне тяжелых послевоенных условиях. Анализ их опыта позволяет выявить общие тенденции и специфические особенности организации учебного процесса и социального обеспечения студентов в региональном аспекте.

Особое внимание в статье уделяется вопросам материального положения студенчества, системе стипендиального обеспечения и льгот для отдельных категорий обучающихся. Рассмотрение этих аспектов в исторической перспективе создает основу для сравнительного анализа с современной ситуацией в сфере социальной поддержки студентов, что подчеркивает практическую значимость исследования [1, с. 126].

Кроме того, изучение данной темы способствует более глубокому пониманию взаимосвязи между социальным обеспечением студентов и качеством образовательного процесса, что имеет важное значение для разработки эффективных механизмов стимулирования академической успеваемости и поддержания высокого уровня подготовки специалистов в современных условиях.

Таким образом, комплексное исследование проблемы социального обеспечения студенчества в послевоенный период не только заполняет существующие пробелы в историческом знании, но и предоставляет ценный материал для осмысления современных проблем в сфере высшего образования и социальной политики государства в отношении студенческой молодежи.

Целью исследования является комплексный анализ и систематизация практик социального обеспечения студентов высших учебных заведений Сталинграда в период 1945–1953 гг. для выявления основных тенденций, проблем и специфических особенностей функционирования системы социальной поддержки студенчества в контексте послевоенного восстановления и развития высшего образования в СССР.

Историография темы представлена работами Е. В. Австрийского, Н. А. Володина, С. В. Кафтанова, И. М. Корниловой, М. Р. Круглянского, Н. В. Кузнецовой, И. Н. Макаровой, Е. Н. Медынского, Е. В. Панкратовой, А. И. Харинина и Л. В. Харининой, занимающихся исследованием проблем социального обеспечения студенчества на территории Сталинграда в послевоенный период времени.

В диссертационном исследовании Е. В. Австрийскова «Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы (май 1945 – март 1953)»¹ дан комплексный анализ функционирования системы обеспечения населения стратегически важного региона страны в период послевоенной реконструкции. Ключевой исследовательской задачей являлось изучение механизмов и практик снабжения населения продовольственными ресурсами и промышленной продукцией в условиях масштабных экономических деформаций, дефицита и социальной напряженности, обусловленных последствиями Великой Отечественной войны.

Н. А. Володина в статье «Восстановление и развитие народного образования в 1945–1953 гг. (на материалах Среднего Поволжья)» фокусируется на исследовании механизмов регенерации образовательной инфраструктуры, анализе кадрового обеспечения образовательных учреждений, а также мер,

¹ Австрийский Е. В. Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы (май 1945 – март 1953): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 225 с. EDN: ZNUPVZ

направленных на расширение доступности образования для различных социальных групп [2].

В ряде научных работ, выполненных С. В. Кафтановым, И. М. Корниловой, М. Р. Круглянским и Е. Н. Медынским [1; 3–6], были исследованы специфические аспекты эволюции системы высшего образования в Поволжском регионе в послевоенный период. Анализ архивных документов позволил выявить характерные черты и закономерности развития образовательной среды, а также вопросы, связанные с социальным обеспечением студенчества, в обозначенный исторический период.

Предметом научного интереса Н. В. Кузнецовой является анализ проблемно-ориентированных и специфических характеристик процесса восстановления жилищного фонда Сталинграда в период с 1943 по 1953 гг. [7].

В объекте исследовательского интереса Л. В. Харининой и А. И. Харинина находится система социального обеспечения студентов высших учебных заведений в Сталинградской области в период с 1945 по 1953 г. [8–11].

Методологической основой настоящего исследования выступают принципы историзма, системности и объективности.

Применение принципа историзма позволяет глубоко анализировать конкретно-исторические условия послевоенного периода, рассматривая события в их динамическом развитии и взаимосвязи, а также выявлять причины и последствия политики советского руководства в контексте высшего образования Сталинграда в 1945–1953 гг.

Согласно принципу системности, региональный объект исследования интерпретируется как подсистема, которая генетически, структурно и функционально связана с деятельностью всей советской высшей школы. Такой подход обеспечивает комплексное понимание взаимозависимостей и специфики функционирования образовательных учреждений в Сталинграде в контексте общей структуры высшего образования послевоенного Советского Союза.

Принцип объективности сыграл ключевую роль в формировании концептуальных идей авторов статьи, позволяя устранить политизированные оценки и представить исторический нарратив с научной беспристрастностью и точностью.

При написании настоящей статьи использовались специализированные методы исторической науки: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический.

Результаты

В контексте послевоенного периода социально-экономическое положение студенчества Сталинграда характеризовалось комплексом взаимосвязанных проблем, обусловленных последствиями Великой Отечественной войны. Существенное сокращение реальных доходов домохозяйств, являвшихся основным источником финансового обеспечения обучающихся, в совокупности с дефицитом жилищного фонда, предназначенного для размещения студентов, создавало предпосылки для формирования значительной зависимости данной социальной группы от государственных мер поддержки.

Послевоенная реконструкция народного хозяйства обострила потребность в квалифицированных кадрах, однако процесс их подготовки осложнялся неудовлетворительным материальным положением большинства советских семей. Данное обстоятельство существенно ограничивало доступность профессионального образования для выпускников школ. В этих условиях государственная поддержка приобретала особую значимость для студенческого контингента, поскольку стипендиальное обеспечение зачастую являлось единственным источником дохода обучающихся.

В рамках реализации государственной политики по улучшению социально-бытовых условий студенчества 8 сентября 1944 г. Оргбюро ЦК ВКП (б) инициировало создание специальной комиссии. Ее основной задачей являлась разработка комплекса мер, направленных на оптимизацию материально-бытового обслуживания студентов высших учебных заведений [5, с. 132–133]. В результате деятельности комиссии Наркомторг СССР издал директиву, регламентирующую систему питания обучающихся. По мнению Е. В. Австрийского, «... особого внимания заслуживает факт приравнивания студентов к служащим второй категории в системе нормированного распределения продовольствия; установленные нормы предусматривали ежедневное получение 400 г. хлеба, а также ежемесячное обеспече-

ние 600 г. сахара, 1200 г. мяса и рыбы, 300 г. жиров, 800 г. крупы и макаронных изделий»¹.

В первые послевоенные годы система материального стимулирования студенческого контингента подверглась существенной трансформации, приобретя более структурированный характер и ориентацию на поощрение академической успеваемости. Фундаментальным элементом данной системы являлось стипендиальное обеспечение, нормативно-правовое регулирование которого осуществлялось на основании Постановления СНК СССР от 15 сентября 1943 г.²

Механизм стипендиального обеспечения характеризовался дифференцированным подходом, учитывающим статус высшего учебного заведения и этап обучения студента. Примечательно, что данная система предусматривала градацию размера стипендий в зависимости от индивидуальных достижений обучающихся: предполагалось увеличение базового размера стипендии на 25 % для студентов, демонстрирующих выдающиеся академические результаты, и на 50 % для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Дополнительным инструментом стимулирования академической активности служила система именных стипендий, названных в честь выдающихся государственных деятелей. Размер данных стипендий варьировался в диапазоне от 500 до 770 р. в месяц, что существенно превышало базовый уровень стипендиального обеспечения. Параллельно функционировала система стипендий, учрежденных Советом Министров СССР, СНК РСФСР и профильными ведомствами [3, с. 82].

Следует акцентировать внимание на том, что предоставление стипендиального обеспечения осуществлялось на основе академической успеваемости студентов, а именно при наличии в зачетной книжке оценок «отлично» и/или «хорошо». При этом система оплаты образовательных услуг характеризовалась унифицированным подходом: размер годовой платы за обучение составлял 300 р. для всех категорий обучающихся.

¹ Австрийков Е. В. Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы (май 1945 – март 1953): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2008. 225 с. EDN: ZNUFVZ

² О размерах и порядке назначения стипендий в высших учебных заведениях и техникумах и об освобождении студентов от призыва в Красную Армию: постановление СНК СССР № 996 от 15 сентября 1943 г. // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1943. № 12. Ст. 217. С. 214–224.

В 1945 г. был имплементирован комплекс льгот для отдельных категорий абитуриентов, включая инвалидов и участников Великой Отечественной войны, а также выпускников средних общеобразовательных учреждений, продемонстрировавших выдающиеся академические результаты. В частности, юноши и девушки, получившие в 1944 г. аттестат отличника, а начиная с 1945 г. – золотые медали, зачислялись в высшие учебные заведения без прохождения вступительных испытаний. Для остальных категорий абитуриентов сохранялась необходимость прохождения приемных экзаменов [11, с. 91–92].

Несмотря на формирование комплексной системы, направленной на стимулирование академической успеваемости и обеспечение доступности высшего образования для различных категорий населения, анализ динамики стипендиального обеспечения в период 1945–1953 гг. выявляет негативную тенденцию: при росте заработной платы рабочих с 500 до 700 р. в месяц, размер студенческих стипендий оставался неизменным, что свидетельствует о снижении реального уровня материального обеспечения студенчества в рассматриваемый период.

Послевоенная эпоха, по мнению И. М. Корниловой, отмеченная сложной социально-экономической ситуацией как в Поволжье, так и в Советском Союзе в целом вызвала острую потребность в квалифицированных специалистах [4, с. 224]. Однако процесс подготовки кадров столкнулся с множеством значительных препятствий, обусловленных материальными трудностями, с которыми сталкивались семьи того времени. В этих условиях студенческое сообщество оказалась в особенно уязвимом положении, что создавало необходимость в целенаправленной государственной поддержке, направленной на обеспечение молодёжи возможностями для получения образования и профессионального роста.

Проблемы материально-бытового положения студентов не ограничивались лишь низким уровнем стипендиального обеспечения. Значительное влияние на качество жизни обучающихся, особенно в первые послевоенные годы, оказывал продовольственный кризис. Разрушение сельскохозяйственной инфраструктуры во многих регионах СССР в результате военных действий привело к существенному снижению объемов производства продуктов питания, что негативно

отразилось на продовольственном обеспечении населения, включая студенческий контингент.

Руководство сталинградских высших учебных заведений предпринимало меры по смягчению продовольственного дефицита путем организации подсобных хозяйств, централизованных закупок продовольствия для институтских столовых, а также введения системы талонов на дополнительное питание. Однако эффективность этих мер зачастую оказывалась недостаточной для кардинального улучшения ситуации.

1947 г. ознаменовался некоторым улучшением в сфере продовольственного обеспечения студентов сталинградских вузов, что было обусловлено благоприятными погодными условиями и, как следствие, хорошим урожаем. Тем не менее, кардинального изменения ситуации не произошло. В этот период особая роль отводилась руководству сталинградских высших учебных заведений, которое стремилось оптимизировать условия жизни студентов посредством заготовки дополнительных продуктов питания по доступным ценам и выделения финансовых средств для поддержки малообеспеченных обучающихся.

В контексте изучения стратегий преодоления продовольственного дефицита в послевоенном Сталинграде особого внимания заслуживает опыт руководства Сталинградского механического института. В условиях отсутствия собственной сельскохозяйственной базы администрация вуза продемонстрировала нестандартный подход к решению проблемы продовольственного обеспечения студенческого контингента. Осенью 1946 г. была организована централизованная закупка значительных объемов продовольствия с последующим распределением среди обучающихся. Количественные показатели приобретенной продукции впечатляют своими масштабами: 8 400 кг капусты, 2 тыс. кг рыбы, 700 кг картофельной муки, 3 тыс. л молока, 8 300 кг картофеля, 3 700 кг коммерческого хлеба и 30 тыс. ед. булочных изделий. Данная инициатива представляет собой яркий пример адаптивных механизмов, применяемых образовательными учреждениями в условиях послевоенного дефицита [10, с. 113].

Анализируя динамику продовольственного обеспечения населения в начале 1950-х гг., следует отметить тенденцию к постепенному улучшению ситуации. Этот процесс был обусловлен комплексом факторов, среди которых ключевую роль играли

восстановление аграрного сектора экономики и систематическое снижение розничных цен на продукты питания. Однако, несмотря на общую положительную динамику, ситуация в отдельных образовательных учреждениях оставалась критической.

Показательным в этом отношении является пример Сталинградского медицинского института. Согласно архивным документам, в 1953 г. функционирование данного учебного заведения осуществлялось в крайне неблагоприятных условиях, что было детерминировано следующими обстоятельствами:

- несоответствием материально-технической базы института, включая учебные и клинические площади, растущим потребностям образовательного процесса;
- неудовлетворительными бытовыми условиями студентов и профессорско-преподавательского состава;
- ежегодным увеличением контингента обучающихся, создававшим дополнительную нагрузку на ограниченные ресурсы института [12].

Острый дефицит учебных площадей привел к тому, что из пяти аудиторий, имевшихся в распоряжении Сталинградского медицинского института, три были размещены в подвальных помещениях, не отвечающих санитарно-гигиеническим нормам по уровню освещенности и вентиляции. Кроме того, вместимость аудиторий не соответствовала численности студенческих потоков: из 175 студентов одного курса 55 не имели возможности посещать лекционные занятия из-за отсутствия мест [12]. Ограниченность материально-технической базы существенно препятствовала организации полноценного учебного процесса и научно-исследовательской деятельности студентов.

Приоритетной задачей в контексте нормализации положения сталинградского студенчества являлась реституция утраченных и реконструкция разрушенных зданий институтов. Органы местного самоуправления осуществляли ряд мер, направленных на решение данной проблемы:

- инициирование прямых обращений в отраслевые министерства с целью обеспечения административной поддержки ходатайств высших учебных заведений;
- оказание административного воздействия на предприятия и учреждения для обеспечения реституции помещений и организации ремонтно-восстановительных работ;

– мобилизация общественности для участия в восстановительных работах (в частности, через «черкасовское» движение г. Сталинграда).

К концу 1945 г. в Сталинграде функционировали 23 строительные организации с общей численностью персонала 30 458 чел., из которых более 12 тыс. были задействованы в трестах «Главсталинградстроя». Основной задачей данных подразделений являлось восстановление промышленной инфраструктуры, включая реконструкцию и возведение зданий институтов и общежитий. Однако эффективность восстановительных работ была ограничена рядом факторов, включая недостаточное финансирование, дефицит строительных материалов и квалифицированной рабочей силы, преимущественно задействованной в восстановлении промышленных объектов. В результате уровень освоения выделенных правительством финансовых средств не превышал 35–40 %, что существенно замедляло темпы строительства новых вузовских помещений [7, с. 12].

В рамках послевоенной реконструкции Сталинграда особую значимость приобрело восстановление системы высшего образования. Приоритетной задачей стала реконструкция зданий педагогического, медицинского и механического институтов, на что советским правительством было ассигновано около 168 млн рублей.

Период 1945–1953 гг. характеризовался существенным ростом высших учебных заведений Сталинграда, трансформировавшихся в крупнейшие образовательные центры страны. К 1954 г. контингент сельскохозяйственного института достиг 1 800 студентов. Динамика роста педагогического института отражена в следующих показателях: 1943–44 уч. год – 216 студентов, 1947–48 уч. год – 828, 1949–50 уч. год – 1 108, 1953–54 уч. год – 1 506 обучающихся. В механическом институте в 1953 г. был создан факультет цветных металлов [13, л. 113].

Однако процесс восстановления высшей школы сталкивался с рядом трудностей. Местные партийные организации, сконцентрированные на решении первоочередных задач по восстановлению городской инфраструктуры и промышленности, уделяли недостаточно внимания проблемам высших учебных заведений. Это проявлялось в редком рассмотрении вопросов, связанных с функционированием вузов, на заседаниях партийных органов.

Существенной проблемой оставался дефицит учебных помещений и студенческих общежитий. Строительство новых объектов осуществлялось медленными темпами. Например, к концу 1940-х гг. механический институт располагал лишь 1 200 м² учебной площади на 1 100 студентов, что существенно ограничивало возможности выполнения плана набора. Общежития института, общей площадью 600 кв. м, были сосредоточены в четырех зданиях, одно из которых находилось на значительном удалении от основного кампуса [13, л. 115].

Процесс восстановления материально-технической базы сталинградских вузов осложнялся рядом факторов. Так, трест Жилстрой в 1953 г. освоил лишь 530 тыс. р. из запланированных 700 тыс. на подготовительные работы. Задержки в решении вопроса о переносе трамвайной линии Сталинградским горисполкомом также негативно влияли на темпы строительства механического института. В результате к началу 1949 г. функционировал только один корпус, а довоенное здание учебного корпуса было восстановлено лишь к 1954 г. [12, л. 118].

Анализ архивных документов позволяет выявить ряд системных затруднений, препятствовавших эффективной реализации планов по реконструкции и строительству объектов высших учебных заведений. Одной из ключевых проблем являлась несогласованность действий между проектными организациями и строительными трестами. Характерным примером служит ситуация с возведением педагогического института, где строительные работы были приостановлены из-за отсутствия необходимой проектной документации. Несмотря на обращения руководства института в городской комитет ВКП (б) с просьбой ускорить подготовку чертежей, проблема оставалась нерешенной, что создавало риск консервации объекта [15, л. 111].

Аналогичные трудности наблюдались при строительстве объектов других сталинградских вузов. Так, институт инженеров городского хозяйства, несмотря на выделенное финансирование, столкнулся с крайне низкими темпами освоения средств при возведении общежития. За первое полугодие 1953 г. было использовано менее 1 % от ассигнованной суммы [15, л. 118], что свидетельствует о серьезных организационных проблемах.

В контексте послевоенного восстановления Сталинграда особого научного интереса заслуживает проблематика про-

странственного размещения образовательных учреждений. Анализ архивных материалов свидетельствует о наличии существенных препятствий в процессе выделения и освоения земельных участков под строительство вузовских объектов в первые послевоенные годы [13, л. 118].

Следует акцентировать внимание на выявленную в ходе исследования дифференциацию темпов строительства сталинградских высших учебных заведений. Сравнительно-исторический анализ позволяет констатировать, что сельскохозяйственный институт, передислоцированный из Урюпинска в Сталинград в 1948 г., продемонстрировал значительную оперативность в решении инфраструктурных задач, приступив к возведению нового комплекса уже к 1951 г. В то же время другие образовательные учреждения города сталкивались с серьезными затруднениями даже на этапе обеспечения минимально необходимых площадей для осуществления образовательного процесса [6, с. 19].

Данная асимметрия в развитии материально-технической базы вузов представляет собой интересный феномен, требующий дальнейшего углубленного изучения с привлечением широкого спектра архивных источников Государственного архива Волгоградской области (ГАВО) и Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Исследование факторов, обусловивших подобную неравномерность, может способствовать более глубокому пониманию механизмов восстановления системы высшего образования в послевоенный период и специфики взаимодействия образовательных учреждений с партийными органами в контексте решения инфраструктурных задач.

Стоит выделить проблему недостаточного внимания со стороны партийных органов к нуждам высших учебных заведений [6]. Анализ архивных документов показывает, что даже принятые постановления зачастую не реализовывались в полной мере. В ходе слушания на пленуме городского комитета ВКП (б) вопроса «об учебно-воспитательной работе в медицинском институте» было принято решение: «Поручить исполкому городского Совета депутатов трудящихся рассмотреть вопрос об оказании необходимой помощи медицинскому институту в предоставлении дополнительных помещений, как для учебных занятий, так и под общежитие студентов» [13, л. 113].

Таким образом, процесс восстановления системы высшего образования в послевоенном Сталинграде характеризовался комплексом взаимосвязанных проблем, включающих недостатки в проектировании, низкие темпы строительства, сложности с выделением земельных участков и недостаточное внимание со стороны руководящих органов. Эти факторы существенно замедляли темпы реконструкции и развития высших учебных заведений города, что, в свою очередь, оказывало негативное влияние на качество подготовки специалистов и развитие научно-образовательного потенциала региона в целом.

Другой проблемой социального обеспечения студентов сталинградских высших учебных заведений в первые послевоенные годы оставалась снабжение их продовольствием. Анализ архивных материалов позволил выявить существенные различия в организации питания студентов различных вузов города, обусловленные как объективными факторами, так и эффективностью управленческих решений руководства учебных заведений [14, л. 158].

Сталинградский сельскохозяйственный институт (СХИ) демонстрировал более благоприятную ситуацию в сфере продовольственного обеспечения студентов. Наличие развитых подсобных хозяйств позволило организовать трехразовое питание в институтской столовой. Рацион студентов СХИ в 1945–1946 уч. г. был относительно сбалансированным и включал в себя 120 г крупы (муки), 80–100 г мяса (рыбы), 20 г жиров, 700–800 г овощей и 150–200 г молока на человека ежедневно. Особого внимания, по мнению Л. В. Харининой, заслуживает «... дифференцированный подход к питанию: отличники и инвалиды Отечественной войны получали усиленные рационы, а во время экзаменационных сессий увеличивался отпуск продуктов питания всем студентам»¹. Однако следует отметить, что даже в относительно благополучном СХИ наблюдались периоды ухудшения продовольственного снабжения, в частности в 1947 уч. г., что было обусловлено неурожаем.

Примечательна инициатива руководства СХИ по оптимизации работы студенческой столовой в 1946–1947 уч. году. Комплекс мероприятий включал в себя ремонтные работы, улучшение условий труда персонала столовой и усиление контроля за каче-

¹ Харинина Л. В. Восстановление и развитие высших учебных заведений Нижнего Поволжья в послевоенные годы (1945–1953 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2012. 290 с. EDN: ZOLPAT

ством приготовления пищи. Особо следует отметить роль общественного контроля со стороны профкома, что способствовало повышению эффективности использования продовольственных ресурсов и предотвращению злоупотреблений [15, л. 35].

В Сталинградском педагогическом институте неблагоприятные погодные условия 1946 г. привели к значительному снижению урожайности в подсобном хозяйстве. После выполнения обязательных государственных поставок объем продовольственных ресурсов, доступных для внутреннего потребления, оказался крайне ограниченным. Данное обстоятельство обусловило необходимость перехода на одноразовое питание в студенческой столовой, что существенно ухудшило рацион обучающихся. В качестве компенсационной меры администрация института инициировала выдачу 130 карточек дополнительного питания и 33 карточек СП-2 (спецпаек второй категории), преимущественно распределяемых среди инвалидов Великой Отечественной войны и студентов, демонстрирующих высокие академические результаты. Для оптимизации системы распределения продовольствия были введены регулярные проверки складских запасов, усилен контроль за движением продуктов и ведением соответствующей документации. Тем не менее в работе столовой были выявлены нарушения, включавшие нецелевое использование продуктов и манипуляции с отчетностью, которые повлекли за собой дисциплинарные взыскания в отношении ответственных лиц [16, л. 113]. Аналогичные проблемы наблюдались и в других сталинградских высших учебных заведениях, в частности в медицинском институте, где вопросы материально-бытового обеспечения студентов регулярно обсуждались на заседаниях профсоюзного комитета, комитета ВЛКСМ и руководства вуза [15, л. 69].

После 1953 г. наметились позитивные тенденции в функционировании системы общественного питания сталинградских вузов. В частности, Л. В. Харанини в проведенном исследовании отмечает, что «... были реализованы меры по оптимизации графика работы столовых, проведению ремонтных работ и снижению цен на питание, частности, были снижены цены в столовых, работавших по третьей категории обслуживания, где студентам предлагалось дневное питание стоимостью от 4 до 8 рублей. Существенную роль в улучшении продовольствен-

ного обеспечения сыграло повышение эффективности подсобных хозяйств, сохранившихся при многих высших учебных заведениях г. Сталинграда» [8, с. 18].

В послевоенный период одной из ключевых проблем, с которой столкнулись высшие учебные заведения Сталинграда, являлась острая нехватка жилья для студентов. В условиях острого дефицита бюджетных ассигнований образовательные учреждения были вынуждены либо адаптироваться к существующим условиям, либо прибегать к аренде помещений у сторонних организаций. Примечательно, что помещения, отводимые под студенческие общежития, зачастую лишь номинально соответствовали минимальным санитарно-гигиеническим нормам проживания.

К концу 1949 г. состояние общежитий медицинского института характеризовалось как крайне неудовлетворительное. Несоблюдение санитарно-эпидемиологических норм приводило к повышенной заболеваемости среди студентов, включая распространение таких инфекционных заболеваний, как малярия и фурункулез. Следует отметить практическое отсутствие надлежащего медицинского обслуживания: прикрепленный к институту санитарный врач не осуществлял регулярных медицинских осмотров, несмотря на стесненные условия проживания и наличие очагов инфекционных заболеваний в студенческой среде [15, л. 72].

В педагогическом институте ситуация также была сложной. Директор института Фурсенко был вынужден сосредоточить свои усилия на переводе вуза из Камышина в Сталинград, проведении капитального ремонта уцелевших зданий, восстановлении инфраструктуры и обеспечении института необходимым оборудованием. В результате недостаточно внимания уделялось организации учебного процесса. Заместитель директора по научно-учебной работе профессор Потапов также был занят решением первоочередных проблем, связанных с отсутствием отопления и нехваткой мебели, что негативно сказывалось на контроле качества преподавания [9, с. 117].

Большинство студентов педагогического института проживали в общежитиях в крайне стесненных условиях. Наблюдался острый дефицит мебели: например, в общежитии по ул. Баррикадной на 12 чел. в комнате приходилось всего по одному столу и 3–4 стула. В общежитии № 2 по ул. Ковровская первокурсники размещались по 25–30 чел. в комнате. Температура в помеще-

ниях часто не превышала 5 градусов, что вынуждало студентов спать в верхней одежде. Для улучшения материально-бытовых условий проводились совещания с участием хозяйственников института, бытовой комиссии комитета комсомола и студенческого актива. Однако многие проблемы оставались нерешенными, и институт был вынужден обращаться за помощью к вышестоящим организациям [16, л. 112].

В первые послевоенные годы Сталинградский сельскохозяйственный институт (СХИ) столкнулся с серьезными инфраструктурными проблемами, наиболее острой из которых являлась нехватка жилых помещений для студентов. Данная ситуация сохранялась как во время пребывания института в Урюпинске, так и после его перемещения в Сталинград в декабре 1948 г.

Несмотря на предпринятые местными органами власти меры по выделению двух зданий под общежития, их вместимость оказалась недостаточной для удовлетворения потребностей учащихся. Количественные показатели наглядно демонстрируют масштаб проблемы: из общего контингента в 762 студента СХИ только 345 чел. (45,3 %) получили возможность размещения в предоставленных помещениях. При этом условия проживания характеризовались крайней стесненностью: на каждого обучающегося приходилось лишь 3 м² жилой площади, что существенно ниже санитарных норм того времени. В целях максимального использования ограниченного пространства администрация общежитий прибегла к нестандартному решению – внедрению двухъярусного расположения кроватей. Данная мера, хотя и позволила увеличить вместимость помещений, создала дополнительные трудности для проживающих. Следствием сложившейся ситуации стало вынужденное изменение учебных практик студентов. Не имея возможности полноценно готовиться к занятиям в жилых помещениях, учащиеся были вынуждены использовать учебные аудитории в ночные часы и выходные дни. Этот факт свидетельствует о высокой мотивации студентов к получению образования, несмотря на неблагоприятные бытовые условия [17, л. 40].

По мере увеличения численности студентов и расширения сельскохозяйственного института, условия его функционирования ухудшались. Возможности дальнейшего развития СХИ в Урюпинске были ограничены ввиду неспособности небольшого

провинциального города удовлетворить растущие потребности вуза в дополнительных учебных и жилых помещениях. В связи с этим директор СХИ Рыжугин обратился к первому секретарю Сталинградского обкома ВКП (б) Прохвятилову с ходатайством о переводе института в Сталинград и выделении не только учебных корпусов и общежитий, но и квартир для профессорско-преподавательского состава. Общая потребность института в площадях оценивалась приблизительно в 9 тыс. кв. м [18, л. 80].

Проблема нехватки и перенаселенности студенческих общежитий вызывала серьезную обеспокоенность как у руководства высших учебных заведений, так и у местных властей. Подобная ситуация приводила к нарушению санитарно-эпидемиологических норм, что в свою очередь способствовало распространению инфекционных заболеваний среди студентов.

Альтернативным вариантом размещения студентов являлась аренда частного жилья, однако и этот способ был сопряжен с рядом трудностей. Стоимость проживания на частных квартирах устанавливалась на договорной основе и составляла 100 р. в месяц за каждого студента, а также предполагала предоставление 200 кг угля на отопительный сезон. При этом каждый студент ежемесячно вносил в кассу института 60 р. в качестве платы за проживание [18, л. 82].

В период с конца 1940-х по начало 1950-х гг. наблюдалась постепенная положительная динамика в сфере жилищно-бытовых условий студентов высших учебных заведений Сталинграда. Данный процесс характеризовался комплексом мероприятий, включавших расширение жилого фонда, модернизацию и утепление помещений в общежитиях, обновление мебельного инвентаря, а также проведение ремонтных и санитарно-профилактических работ силами студенческого и преподавательского состава. Особое внимание уделялось предоставлению дополнительного жилья наиболее нуждающимся категориям обучающихся.

Ключевую роль в оптимизации материально-бытового положения студенчества, по мнению Н. А. Володиной и Е. В. Панкратовой, играли руководители высших учебных заведений [2, с. 189]. Их непосредственное участие способствовало снижению остроты жилищной проблемы и обеспечению базового набора товаров первой необходимости для студентов послевоенного периода. Следует отметить, что местные органы власти не всегда

в полной мере реализовывали свои обязательства по восстановлению разрушенной инфраструктуры институтов и общежитий. Несмотря на выделение централизованных средств руководством СССР на эти цели, их освоение не превышало 35–40 %. Данная ситуация обуславливалась рядом факторов, среди которых можно выделить системные недостатки в функционировании локальных строительных организаций Сталинграда. К таковым относились преобладание ручного труда, низкая производительность на строительных объектах, высокая текучесть кадров, обусловленная неудовлетворительным уровнем оплаты труда и неблагоприятными жилищно-бытовыми условиями работников.

Обсуждение и выводы

В период послевоенного восстановления социально-экономическое положение студентов высших учебных заведений Сталинграда характеризовалось комплексом нерешенных проблем. Анализ архивных документов и научных трудов позволяет выделить ряд ключевых факторов, детерминировавших сложную ситуацию в студенческой среде:

1. Диспропорция между размером стипендиального обеспечения и средней заработной платой в промышленном секторе. Стипендиальные выплаты составляли приблизительно 66,7 % от среднего уровня оплаты труда рабочих и служащих, что существенно ограничивало финансовые возможности учащихся.

2. Функционирование карточной системы распределения, согласно которой студенты были отнесены к категории служащих II разряда. Данная классификация не только ограничивала доступ к продовольственным ресурсам, но и не гарантировала стабильности в снабжении.

3. Дефицит жилого фонда, обусловленный масштабными разрушениями в ходе военных действий и реэвакуацией предприятий.

В начале 1950-х гг. в сфере социального обеспечения сталинградского студенчества наметилась неоднозначная динамика, характеризующаяся как положительными сдвигами, так и сохранением ряда системных проблем. Комплексный анализ архивных материалов и научных трудов историков позволяет выявить некоторые ключевые тенденции.

Во-первых, произошло улучшение продовольственного обеспечения, обусловленное государственной политикой сниже-

ния цен и диверсификации ассортимента товаров. Данный процесс сопровождался качественными изменениями в функционировании системы общественного питания, что положительно отразилось на рационе студентов.

Во-вторых, необходимо отметить дисбаланс в динамике стипендиального обеспечения и роста средней заработной платы в промышленном секторе. В то время как заработная плата рабочих и служащих продемонстрировала рост приблизительно в 1,4 раза, размер стипендий оставался статичным. Это явление способствовало усугублению социально-экономического неравенства между студенчеством и трудящимся населением.

В жилищно-бытовой сфере в период 1945–1953 гг. наблюдалась медленная, но устойчивая положительная динамика. Факторами, способствовавшими данному процессу, являлись: реституция общежитий, ранее переданных эвакуированным предприятиям и учреждениям; интенсификация ремонтно-восстановительных работ корпусов высших учебных заведений и строительство новых зданий.

Таким образом, анализ практик социального обеспечения студентов в Сталинграде в период 1945–1953 гг. показывает, что, несмотря на серьезные проблемы и вызовы, система социальной поддержки была в значительной степени адаптирована для решения потребностей студентов, что способствовало их подготовке как специалистов, необходимых для послевоенного восстановления и развития страны. Исследование данного периода предоставляет ценные уроки для понимания эволюции систем социальной помощи и образовательных практик в СССР и в современном обществе.

Список литературы

1. Макарова И. Н. Проблемы развития высшего образования в Среднем Поволжье в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 125–127. EDN: VCGYJH
2. Володина Н. А., Панкратова Е. В. Восстановление и развитие народного образования в 1945–1953 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2011. № 2. С. 188–191. EDN: NYDDVP
3. Кафтанов С. В. Высшее образование в СССР. М.: Молодая гвардия, 1950. 119 с.
4. Корнилова И. М. Развитие высшего педагогического образования в национальных районах Поволжья в (1946–1950 гг.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 1(64). С. 222–226. EDN: KVJVLH

5. Круглянский М. Р. Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во: «Высшая школа», 1970. 314 с.

6. Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М.: Изд-во Академии педагогических наук СССР, 1952. 286 с.

7. Кузнецова Н. В. Восстановление жилого фонда Сталинграда в 1943–1953 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2003. № 8. С. 12–19. EDN: MNIPKB

8. Харинина Л. В. Восстановление учебно-материальной базы сталинградских вузов в 1945–1953 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2010. № 8–2. С. 17–23. EDN: SMNMKT

9. Харинина Л. В. Реализация государственной политики по увеличению контингента студентов в вузах Нижнего Поволжья в 1945–1953 годах // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 91–98. EDN: KDYJAX

10. Харинина Л. В., Харинин А. И. Социальное обеспечение студентов высших учебных заведений в 1945–1953 годах (по архивным материалам Нижнего Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия: Философия. 2013. № 1. С. 110–116. EDN: RVYAGB

11. Харинина Л. В., Харинин А. И. Социальные льготы при поступлении и обучении в ВУЗах в 1945–1953 гг. (на примере Нижневолжского региона) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 2. С. 89–96. EDN: ULTBGR

12. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р.-4330. Оп. 2. Д. 78.

13. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф.Р.-113. Оп. 48. Д. 197.

14. ГАВО. Ф.Р.-329. Оп. 2. Д. 10.

15. ЦДНИВО. Ф.Р.-113. Оп. 24. Д. 274.

16. ЦДНИВО. Ф.Р.-113. Оп. 23. Д. 151.

17. ЦДНИВО. Ф.Р.-133. Оп. 24. Д. 246.

18. ЦДНИВО. Ф.Р.-113. Оп. 46. Д. 151.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Social Security Practices of Students of Stalingrad Higher Education Institutions in the First Post-War Years

Pavel P. Fantrov, Anastasia N. Dubrovina

This article is a comprehensive study of the practices of social security of higher educational institutions' students of Stalingrad in the period of post-war reconstruction (1945–1953). The methodological basis of the work was the analysis of a wide range of archival documents and works of researchers, which allowed to carry out a multidimensional reconstruction of socio-economic conditions of life of students of Stalingrad youth in the first post-war years. The study identifies and systematizes the key factors that determined the material situation of students, including the peculiarities of scholarship provision, functioning of the card system of food distribution, and the state of housing and living infrastructure. Special attention is paid to the analysis of the dynamics of changes in the sphere of social security during the period under consideration. The article presents a critical analysis of the effectiveness of measures taken to improve the material and living conditions of university students in the context of general socio-economic processes of the post-war period. It is established during the research that despite significant efforts and achievements in the field of restoration of the higher education system in post-war Stalingrad, this process was accompanied by a set of problems that required a systematic approach to their solution. The

analysis of the situation with food provision for students in post-war Stalingrad demonstrates a significant differentiation between higher education institutions due to both objective factors (the presence of subsidiary farms) and the effectiveness of managerial decisions of the educational institutions' leadership. The housing problem remained one of the most acute for the student contingent in the post-war period. Housing and living conditions were in direct dependence on the general socio-economic situation in the region, which was determined by the degree of material damage caused by military operations, the level of development of urban infrastructure, as well as the general state of public utilities in Stalingrad.

Key words: higher education, students, social security, social support, scholarships, post-war reconstruction, Stalingrad.

For citation: Fantrov, P. P., Dubrovina, A. N. (2025) Praktiki social'nogo obespecheniya studentov stalingradskikh vysshih uchebnykh zavedenij v pervye poslevoennye gody [Social Security Practices of Students of Stalingrad Higher Education Institutions in the First Post-War Years]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 153–174. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_153. EDN: BMKQGA

References

1. Makarova, I. N. (2015) Problemy razvitiya vysshego obrazovaniya v Srednem Povolzh'e v konce 1950-h – pervoj polovine 1960-h gg. [Problems of development of higher education in the Middle Volga region in the late 1950 years]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture]. No. 6. Pp. 125–127. (In Russ.)
2. Volodina, N. A., Pankratova, E. V. (2011) Vosstanovlenie i razvitie narodnogo obrazovaniya v 1945–1953 gg. (na materialah Srednego Povolzh'ya) [Restoration and development of public education in 1945–1953 (on the materials of the Middle Volga region)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science]. No. 2. Pp. 188–191. (In Russ.)
3. Kaftanov, S. V. (1950) *Vysshee obrazovanie v SSSR* [Higher Education in the USSR]. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.)
4. Kornilova, I. M. (2009) Razvitie vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v nacional'nykh rajonakh Povolzh'ya v (1946–1950 gg.) [Development of higher pedagogical education in the national districts of Volga region in (1946–1950)]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta* [Academic Notes of Russian State Social University]. No. 1. Pp. 222–226. (In Russ.)
5. Kruglyanskij, M. R. (1970) *Vysshaya shkola SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Higher School of the USSR during the Great Patriotic War]. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
6. Medynsky, E. N. (1952) *Narodnoe obrazovanie v SSSR* [People's education in USSR]. Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk SSSR. (In Russ.)
7. Kuznecova, N. V. (2003) Vosstanovlenie zhilogo fonda Stalingrada v 1943–1953 godah [Restoration of the housing fund of Stalingrad in 1943–1953]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International Relations]. No. 8. Pp. 12–19. (In Russ.)
8. Kharinina, L. V. (2010) Vosstanovlenie uchebno-material'noj bazy stalingradskikh vuzov v 1945–1953 godah [Restoration of the educational and material base of Stalingrad universities in 1945–1953]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molodykh uchenykh* [Bulletin of Volgograd State University. Series 9: Studies of young scientists]. No. 8–2. Pp. 17–23. (In Russ.)
9. Kharinina, L. V., Kharinin, A. A. (2009) Realizaciya gosudarstvennoj politiki po uvelicheniyu kontingenta studentov v vuzah Nizhnego Povolzh'ya v 1945–1953 godah [Realisation of the state policy to increase the contingent of students in the universities of the Lower Volga region in 1945–1953]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvashskiy University]. No. 1. Pp. 91–98. (In Russ.)
10. Kharinina, L. V., Kharinin, A. A. (2013) Social'noe obespechenie studentov vysshih uchebnykh zavedenij v 1945–1953 godah (po arhivnym materialam Nizhnego Povolzh'ya) [Social security of students of higher educational institutions in 1945–1953 years (on archival materials

of the Lower Volga region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series: Philosophy]. No. 1. Pp. 110–116. (In Russ.)

11. Kharinina, L. V., Kharinin, A. A. (2015) Social'nye Igoty pri postuplenii i obuchenii v VUZah v 1945–1953 gg. (na primere Nizhnevolzhskogo regiona) [Social benefits at admission and training in universities in 1945–1953 (on the example of Lower Volga region)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional Studies. International relations]. No. 2. Pp. 89–96. (In Russ.)

12. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti* [State Archive of Volgograd Region] (hereinafter – SAVR). F. R.-4330. Op. 2. D. 78.

13. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti* [Documentation Center of the Recent History of Volgograd Region] (hereinafter – CDNIVO). F. R.-113. Op. 48. D. 197.

14. SAVR. F.R.-329. Op. 2. D. 10.

15. CDNIVO. F.R.-113. Op. 24. D. 274.

16. CDNIVO. F.R.-113. Op. 23. D. 151.

17. CDNIVO. F.R.-133. Op. 24. D. 246.

18. CDNIVO. F.R.-113. Op. 46. D. 151.

Об авторах

Фантров Павел Петрович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация; e-mail: pavelfantrov@volsu.ru; ORCID ID: 0000-0002-9832-6169

Дубровина Анастасия Николаевна, студентка института права, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация; e-mail: dubrovina.a.n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6729-8118

About the authors

Fantrov Pavel P., Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation; e-mail: pavelfantrov@volsu.ru; ORCID ID: 0000-0002-9832-6169

Dubrovina Anastasia N., Student of Institute of Law, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation; e-mail: dubrovina.a.n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6729-8118

Статья поступила в редакцию 26.07.2024

Одобрена после рецензирования 22.11.2024

Принята к публикации 06.12.2024

Биография героя Великой Отечественной войны в контексте коллективной памяти семьи

А. О. Волгушева

Статья посвящена герою Великой Отечественной войны (1941–1945) полковнику Борису Михайловичу Сон, участнику крупных сражений, включая Московскую битву, Курскую дугу, освобождение Варшавы, взятие Берлина. Новизна статьи обусловлена тем, что было проведено комплексное рассмотрение биографии героя. На основе впервые публикуемых сведений из домашнего семейного архива, в котором сохранилось много подлинных документов, артефактов, раскрываются особенности социального статуса семьи Баранаевых, потомком которых являлся Борис Михайлович Сон. Описываются его годы учёбы, участие в боевых действиях, послевоенная служба в Советской армии со слов его детей, поэтому данное исследование носит устноисторический характер. Автор статьи – Алла Олеговна Волгушева (внучка Фаины Михайловны Сон, родной сестры Бориса Михайловича) является одним из последних потомков семьи Баранаевых.

Ключевые слова: историческая память, коллективная память семьи, Великая Отечественная война, Борис Михайлович Сон, битва за Москву, битва за Берлин, Курская дуга, Касимов, купцы Баранаевы, Касимовский кожевенный завод.

Для цитирования: Волгушева А. О. Биография героя Великой Отечественной войны в контексте коллективной памяти семьи // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 175–191. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_175. EDN: BXOUHO

Введение

В современной историографии в последнее время достаточно часто уделяется внимание исторической памяти [1–5] и даже постпамяти [6]. У истоков данного подхода стояли такие исследователи, как Ю. М. Лотман, М. Хальбвакс, Я. Ассманн, П. Рикер, П. Нора, Хаттон П, Жак Ле Гофф и другие [7–12], в работах которых философские концепции активно влияли на историческую науку и зачастую данные исследования находились на стыке различных социальных и гуманитарных дисциплин.

Так, Жак Ле Гофф не желает видеть понятие памяти и истории в роли синонимов, он разводит их, поскольку, с его точки зрения, память является исходным материалом истории, она представляет собой некий живой источник, питающий историков, и неважно, в какой форме она существует: в устной или письменной [13, с. 6].

Пьер Нора не отрицает того, что память и история не одно и то же: «Память в силу своей чувственной и магической природы уживается только с теми деталями, которые ей удобны... помещает материал в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... история взывает к анализу и критическому дискурсу» [11, с. 20].

М. Хальбвакс обращается непосредственно к коллективной памяти семьи, справедливо замечая, что каждая семья развивает свой собственный дух, опираясь на традиции, принадлежащие только ей одной. В памяти семьи хранятся воспоминания не только об отношениях родства, соединяющих ее членов, но и о событиях и лицах, оставивших след в ее истории [8, с. 208].

Несмотря на усиливающуюся критику постмодернистского подхода к проблеме исторической памяти, доктор исторических наук Л. П. Репина справедливо замечает, что, несмотря на субъективный взгляд некоторых воспоминаний, они не перестают быть историческим источником даже тогда, когда «проблема интерпретации источников осознается как проблема интерпретации интерпретаций» [14].

При всем многообразии подходов к категории памяти, следует отметить одну общую особенность: память – это способ конструирования людьми своего прошлого¹.

¹ Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

Целью данного исследования является комплексное рассмотрение биографии героя Великой Отечественной войны, которое было невозможно при жизни героя, исходя из реалий советской эпохи.

Историческими источниками послужили данные из личного архива, который был своевременно актуализирован и структурирован сыном Б. М. Сона. В семье сохранилось большое количество ценных артефактов и подлинных документов, которые прежде никогда не упоминались и не публиковались.

С другой стороны, фиксация историка на личности героя биографии невозможна, приходится соприкасаться с жизнью других людей, оказавшихся связанных с ним на протяжении всего его жизненного пути. В данном случае автор статьи лично знала героя, а также имела общение с его ближайшими родственниками.

Наряду с другими научными методами, такими как анализ и синтез, научность и историзм, обратимся к методу устной истории, который является одним из сравнительно новых и перспективных в создании и сохранении ретроспективной информации, представляющий собой «практику научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами, использующими современные технические средства. Несмотря на все противоречия данного метода, он позволяет создавать тематически заданные документы, заполняющие лакуны в традиционном корпусе источников» [15].

Семейная память безусловно является мозаичной и плохо структурированной, однако данная биография героя носит более реалистичный характер, так как написана со слов людей, знавших его лично, а не понаслышке, либо исключительно по официальным документам, так как в последнем случае, как справедливо писал В. Набоков, образ был бы «скуп и холоден» [15, с. 668].

Семья

Борис Михайлович Сон родился 14 апреля 1920 г. в городе Касимове Рязанской области.

В советское время было необходимо скрывать своё происхождение, если оно было не рабоче-крестьянское, поэтому в биографии Бориса Михайловича, во всех его военных документах мы находим, что он из семьи служащих [16] (рис. 1)¹, что явля-

¹ Иллюстрации к статье здесь и далее см. на с. 206–211.

лось распространённой практикой, однако в действительности его предки по отцу (Баранаевы), а по матери (Победоносцевы) были знатными и небедными людьми.

Как пишет исследователь истории касимовского купечества Д. Ю. Филиппов, Баранаевы являлись постоянными представителями в гильдиях и составляли основу касимовского купеческого сообщества в конце XVIII – начале XX в. Им принадлежало кожевенное производство, поскольку некоторые купцы, помимо торговой деятельности, активно занимались промышленным производством [17, с. 100].

Касимовский историко-культурный музей-заповедник периодически публикует рукописи своего бывшего директора, Леонтия Алексеевича Кленова, который также подробно описывал кожевенный завод купцов Баранаевых, построенный в 1863 г. С его слов, хотя условия труда на заводе у кожмастеров были крайне тяжёлыми, они мяли, отмачивали кожи на Оке при любых погодных условиях, в любое время года, их рабочий день длился 15–16 ч, однако слава о заводе распространялась за пределами России. Баранаевы принимали участие в выставке кож в США, а через Нижегородскую ярмарку американцы закупали касимовскую кожу¹.

Бабушка нашего героя – Людмила Васильевна Баранаева была внучкой Льва Даниловича, купца 3-й гильдии², имевшего завод с 1791 г. и племянницей Федора Львовича – владельца первой фотографии в городе.

Также, со слов родственников, известно, что Людмила Васильевна Баранаева ещё до революции вышла замуж за Семена Сона, еврея по национальности. Её брак не был одобрен родственниками, которые обязали жениха принять православие. Приданное за невесту, тем не менее, дали, но замужество оказалось неудачным, поскольку Семен забрал её векселя и эмигрировал в США. Однако после него у Людмилы Васильевны остался сын Михаил, который в последующем станет отцом Бориса.

После прихода к власти большевиков, их имущество конфисковали, а семью выселили в барак, где они проживали с городским священником. По словам самого Бориса Михайловича, приютив-

¹ Кожевенный завод. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kasmuzey.ru/index.php/novosti/1891-ko-zhevennyj-zavod> (дата обращения: 21.04.2025).

² Фабриканты и заводчики Рязанской губернии 30-х годов XIX в. [Электронный ресурс]. URL: <https://history-ryazan.ru/node/12939> (дата обращения: 21.04.2025).

ший семью батюшка был очень образованным, владел несколькими иностранными языками, однако вспомнить его имя он не смог.

Декрет «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности при царском и буржуазном строе» от 23 сентября 1919 г. указывал на возникшую необходимость установления открытого контроля над ними¹. Положение бывших периодически менялось: в период НЭПа контроль за ними не ослабевал, к началу 1930-х гг. их положение немного улучшилось, а к концу 1930-х они вновь оказались под пристальным вниманием государства.

В середине 1930-х гг. семья Бориса Михайловича в составе его родителей, брата, сестры и бабушки, Людмилы Васильевны Баранаевой, предпочла уехать в поисках нового места, подальше от родного города, чтобы избежать преследований.

Выбором их нового местожительства стал город Энгельс (до 1931 г. Покровск – столица АССР немцев Поволжья). Поначалу Покровск активно развивался, однако многое оказалось утраченным с началом Великой Отечественной войны и выселением поволжских немцев: город лишился статуса столицы и был присоединён к Саратовской области, став оперативным тылом Сталинградского фронта во время войны, а после обычным провинциальным поволжским городом.

Концепция советской идеологии о государстве диктатуры пролетариата, предполагала, что представители «эксплуататорских классов» не должны занимать руководящие посты в государстве, а также ответственные должности, так как в силу своего воспитания и прошлого опыта, они были идеологическими чуждыми элементами в новой социалистической общественной структуре.

Однако можно было избавиться от стигматизации, устроившись на работу в государственное учреждение и получив статус трудящегося. Уже в 1918 г. было издано постановление, утверждающее, что трудящийся не является «буржум» [18, с. 54], при этом барьеры при трудоустройстве и карьерном росте все равно оставались. Большое значение имели квалификация, знакомства, подделка документов и др.

Имело место и то, что называлось аристократическим хобби (игра на музыкальных инструментах, журналистика, сочинение музыки, участие в домашних оркестрах, рисование и др.), кото-

¹ Декреты советской власти: в 13 т. М.: Политиздат, 1973. С. 124–125.

рое до революции не было профессиональной деятельностью, а после революции могло пригодиться в качестве источника получения денег, так как советская власть предоставила возможность профессионализировать своё хобби. Такой способ конвертации, с одной стороны, приносил доход, с другой стороны, давал творческое удовлетворение [18].

Отец Бориса Михайловича – Михаил Семенович Сон, имевший талант к рисованию, работал при советской власти художником-оформителем. Как вспоминает его внучка Татьяна Борисовна (дочь Бориса Михайловича): «бабушка мне показывала вывеску, написанную маслом для булочной в 1966 г. в городе Энгельсе», большинство оформительских работ в городе принадлежало именно ему.

Мать – Евгения Александровна Победоносцева, вышла замуж за Михаила Семеновича по любви, о чем свидетельствует надпись на фотографии, подаренной будущему мужу в 1915 г., а также воспоминания их детей (рис. 2).

В советское время Евгения Александровна была вынуждена работать продавцом в хлебном магазине и скрывать свой до-революционный социальный статус, поскольку необходимо было преодолевать преграды, которые хоть и не были непреодолимыми, но являлись некоторым испытанием на приспособляемость к новым требованиям рынка труда.

У Бориса Михайловича были брат-близнец Глеб, который умер в детстве, а также младшие брат Лев и сестра Фаина.

Никаких разговоров о происхождении рода, занятии предков в семье с детьми, внуками и правнуками в советское время не велось никогда, поскольку люди были поражены страхом, и безопасность в это время стояла на первом месте.

Тем не менее фамильное столовое серебро (рис. 3), остатки мебели и кое-какие уцелевшие предметы гардероба бабушки, не могли не свидетельствовать об отсутствии пролетарского происхождения, на котором очень активно настаивала Людмила Васильевна Баранаева, даже в разговорах со своими внуками.

У старшей дочери Бориса Михайловича Людмилы Борисовны осталась семейная икона от бабушки (рис. 4), в честь которой её и называли Людмилой. На иконе упоминается имя Павла Львовича Баранаева, который являлся родным дядей Людмилы Васильевны.

Младшая дочь Бориса Михайловича Татьяна Борисовна вспоминает, как «бабушка Люда открывала старинный комод и показывала ей свои наряды – венецианскую шаль, юбку из тончайшей английской шерсти и прочее, но на вопрос: "откуда?", – отвечать категорически не хотела».

Годы учёбы

Дети семьи Сона стали учениками обычной средней школы № 2 города Энгельса. Если бы не небольшой эпизод в жизни Бориса, возможно, он так же бы и остался проживать в этом провинциальном городе, как его брат Лев и сестра Фаина, но судьба распорядилась иначе.

В 17 лет он с другом сделал модель крейсера и парусной яхты, которые управлялись по радио, по принципу современных радиоуправляемых дронов. Школьники, изучив схемы по статьям из журналов, повторили детекторный искровой передатчик и приёмник Попова, собрав их из деталей, найденных в хозяйственных магазинах и просто в быту (провода, пробирки угольный порошок, металлическая стружка). Изобретение ребят не могло пройти незамеченным, это было настоящей фантастикой для 1937 г., по крайней мере без серьёзных знаний в области химии и физики было не обойтись. Газеты немецкой республики написали про них статьи, вырезки из которых до сих пор бережно хранятся в семейном архиве (рис. 5) [19]. Как выяснилось, это было стартом к будущей профессиональной карьере Бориса Михайловича.

Неслучайно, что с 1939–1941 гг. он являлся курсантом военного училища связи г. Ульяновска (УВУС).

На фото (рис. 6) совсем юный молодой человек со своими преподавателями и однокурсниками, не знавший, что ждёт его впереди, как и все люди этой эпохи.

Закончив училище, молодые люди сразу ушли на фронт, потому что началась война. Борис тоже ушёл и воевал до 1945 г., пройдя невероятно сложный путь войны, горя, ужаса, одновременно путь достижений, личного роста, любви и надежды.

Война (1941–1945)

В учётной карточке члена КПСС мы находим весь послужной список будущего героя СССР (рис. 7) [19].

Сухие строчки из учётной карточки нам практически ничего не поясняют, между тем, исходя из воспоминаний об отце сына Бориса Михайловича – Сергея Борисовича, а также из документов домашнего архива, мы узнаем о военном периоде жизни не только официозные факты, но живые эмоционально окрашенные подробности.

В октябре 1941 г. Борис Михайлович в разгар паники попал как связист танковых войск под Москву и сразу в окружение. Из Вяземского котла их выводил майор Подольского училища, хорошо знавший местность. Среди попавших в окружение была и пехота, и танкисты. И когда они уже почти вышли к своим, то наткнулись на заградительный отряд НКВД.

Следует заметить, что заградительный отряд должен был останавливать бегущих, стреляя выше, поверх голов и только в крайнем случае стрелять на поражение, но расчёт пулемёта нарушил все инструкции, в итоге майор погиб. Однако, разобравшись в ситуации, командир НКВД разрешил им избить пулемётчиков, но не до смерти, а Борису Михайловичу удалось соответственно выжить.

Потом была оборона Москвы и последующее контрнаступление, где их бронетранспортёр БТ-7 попал под танк Т-IV. «Водителю оторвало голову, командир полез наверх и его срезало пулемётной очередью, а отец нырнул вниз и выполз через нижний люк, но получил осколок в левое бедро. Он полз 1–2 км и его подобрала бойцы из чужой части», – рассказывает сын Бориса Михайловича, Сергей Борисович.

А матери Бориса прилетела первая похоронка, всего их было две или три, она потом перестала считать и верить в них.

«Отец попал в госпиталь и ему предложили отрезать ногу, но ему был 21 год, и он наотрез отказался, считая, что вряд ли какая женщина выйдет за него», – продолжает свой рассказ сын Бориса Михайловича. Полгода учился ходить заново, а в 1942 г. попал под Ржев, но уже по связи артиллеристов. На его глазах погиб Александр Матросов, так как в этот момент Борис был на КПП.

В 1943 г. он воевал уже на Курской дуге в качестве помощника начальника связи корпуса по радио, далее – участник освобождения Варшавы и штурма Берлина.

Описания его подвигов и наград за них хранятся в архиве Министерства обороны РФ¹:

- орден Красной Звезды 1944 г.;
- медаль «За оборону Москвы» 1944 г.;
- орден Отечественной войны II степени 1945 г.;
- медаль «За освобождение Варшавы» 1945 г.;
- медаль «За взятие Берлина» 1945 г.;
- медаль «За боевые заслуги» 1950 г.;
- орден Красной Звезды 1954 г.;
- орден Отечественной войны I степени 1985 г.

На официальном портале «Память народа 1941–1945» тоже содержится официальная информация, однако интересные факты можно узнать только из уст в уста, и хотя Борис Михайлович, по словам его сына, не любил рассказывать про войну, повторяя, что война – это жуткое порождение зла, однако некоторые интересные сведения до нас все же дошли.

Примечательно, что свои награды бойцы надевали, когда шли в бой. Сбитые рубины на ордене Красной Звезды – след от осколка, который попал в награду, но спас жизнь (рис. 8).

На Варшавском мосту у Бориса погиб друг по имени Сергей и он впоследствии попросил свою жену назвать сына его именем.

«Как он выжил, понятия не имею», – говорит Сергей Борисович (сын Бориса Михайловича), но, чтобы мотивировать бойцов на взятие Берлина, так как совершенно очевидно, что умирать накануне Победы никому не хотелось, их провели через Освенцим, они должны были увидеть зверства фашистов своими глазами. Они увидели, но жена Бориса Михайловича, с которой он познакомился на Курской дуге в 1943 г., проход через Освенцим не выдержала, её психика сильно пошатнулась, что впоследствии дало о себе знать в 1970-е гг., когда, казалось бы, все должно быть не так живо, нежели в 1945 г.

Её, бывало, приглашали в школу, где учились её дети, рассказать про подвиги, а она рассказывала не про подвиги, а про Освенцим. Про расстрельную камеру, про огромную илистую лужу, в которую наступила по щиколотку, а это оказался не ил, а кровь, и она просто представить не могла, сколько людей нужно было убить, чтобы всё помещение заполнить кровью по щиколотку.

¹ Сон Борис Михайлович. Память народа. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3La3d5> (дата обращения: 20.04.2025).

Любовь и война

Известно давно, что война до необычайности обостряет человеческие чувства, переживания, эмоции. Ненависть к врагу усиливалась, вместе с этим росла злоба, а порой отчаяние. Однако вероятность погибнуть в любую минуту порождала у бойцов противоположные чувства любви, потребность в мире, чтобы как-то отгородиться от смерти и создать свой собственный мир счастья, добра и иллюзорного спокойствия. Любовь во время Великой Отечественной войны была неотъемлемой частью фронтовой и повседневной жизни.

Борису Михайловичу в начале войны был 21 год, совсем юноша, и он не мог не влюбиться в свою Надю, которой на момент встречи едва исполнилось 18 (рис. 9).

«Дед мой плакал: 11 сыновей, и тут 12-ую, единственную дочку на войну забрали, за телегой бежал на Алтае», – вспоминает Сергей Борисович про свою мать. С его слов, когда в 1943 г. на Курской дуге Надежда увидела Бориса, выползшего с передовой, вонючего и грязного, то её первая мысль: «не дай Бог замуж за такого», однако судьба их связала и до конца жизни они были неразлучны.

Во время войны чувства возникали быстро, ни о какой регистрации отношений молодые люди порой не задумывались, но Надежда была настойчива, считая, что никакой командир части, а только начальник ЗАГСa расписать должен. И в момент паузы между Курской дугой и операцией «Багратион», в Речице они поженились.

Несмотря на то что была война и, казалось бы, радости и смеху не было места, люди они были молодые, поэтому некоторые смешные моменты не могли вспоминать, не улыбаясь.

На Курской дуге, в одном из домов в погребе нашла Надежда квашеную капусту, ей предложили набить её в военный бак, который цеплялся сзади, как ранец, и ползти с этой капустой по полю боя, держась за линию провода телефонной проводной связи. Она так и сделала, но вдруг немецкий пулемётчик прострелил ей бак. Все кричать начали, что Надю убило, а на деле, бак пробило и её всю красным свекольным рассолом залило. Надя бедная, ни жива, ни мертва, так посреди поля и застряла, у неё шок был. Бойцы её вытащили за ноги и за руки в окоп под огнём пулемёта. Потом, естественно, все смеялись.

И ещё, Борис её все время из-под печек при бомбёжке доставал. Когда они проходили через деревни, сожжённые отступающими немцами, то, как правило, печки оставались целыми. При бомбёжке нужно было прятаться в окоп, а Надя под печки лезла, думая, что там безопасно, хотя на деле с точностью до наоборот.

В 1944 г. Надежда заболела лейкемией и её отправили на лечение в Энгельс, в семью Бориса Михайловича, там её поили бычьей кровью, лечили как могли и в итоге в 1945 г. она вернулась к мужу.

После войны

После войны жизнь Бориса Михайловича была достаточно интересной и насыщенной.

Сразу по окончании войны, с 1945–1950 гг. он с женой остался в составе оккупационных войск в Германии и их поселили в доме бывшего канцлера Германии Бернгарда Генриха Карла Мартина фон Бюлова. В семейном архиве хранится альбом канцлера, куда Борис Михайлович наклеивал свои орденские книжки (рис. 10) [25].

Вероятность отправки в СССР была у тех, кто попадал в окружение, и Борис Михайлович просто промолчал об этом эпизоде своей биографии, а его боевой товарищ, напротив, похвастался, что попал в окружение, но героически вырвался, после чего его выслали из Германии в СССР в 24 часа.

В Германии у семейной пары родились две дочери: Людмила и Татьяна.

Когда Борису Михайловичу исполнилось 25 лет руководство аккуратно поинтересовалось, почему он, будучи уже майором, орденосцем, не вступает в партию. Отличительной чертой того времени была необходимость членства в ВКПб, в противном случае продвижение по карьерной лестнице могло быть неожиданно прерванным, в итоге он вступил в партийные ряды.

Из Германии Борис Михайлович с семьёй уехал служить в Лугу (Ленинградский военный округ) на должность начальника связи 1206 гв. кадровой пушечной арт дивизии (рис. 11). Послевоенная служба была трудной: жили в землянках, пока строились дома для офицеров, вокруг заминированные леса, они были свидетелями частых случаев гибели взрослых и детей. В Луге у Надежды и Бориса родился сын, которого в память о погибшем боевом товарище назвали Сергеем.

В 1950–1951 гг. Борис Михайлович отучился в Высшей офицерской школе связи Киевского военного округа.

А когда в 1959–1960 гг. в СССР возникла необходимость создания ракетных войск стратегического назначения (РВСН), его назначили начальником связи 7-й гвардейской ракетной Режицкой Краснознамённой дивизии в составе 27-й гвардейской ракетной армии ракетных войск стратегического значения (РВСН) вооружённых сил СССР, где он и служил ещё 10 лет, до 1970 г. Ввиду секретности, на фотографии Б. М. Сон в форме лётчика, на коллективной фотографии все сослуживцы также, однако это были именно ракетные войска стратегического назначения (рис. 12).

Прежде чем описать некоторые подробности одного эпизода, который произошёл во время службы Бориса Михайловича, необходимо пояснить, что из себя представляла система АСУ «Крокус» – это автоматизированная система управления частями РВСН, разработанная Ленинградским НИИ. «Крокус» – переносная система информирования о ракетном нападении. Приказ от главкома должен был прийти по всем каналам связи на КП каждого полка МБР УР100 в автоматическом режиме. По положению, принятому Советом Оборона СССР, эти чемоданчики были закреплены за Верховным Главнокомандующим Вооружёнными силами Советского Союза, министром обороны, начальником Генерального штаба и секретарём ЦК КПСС. Где бы ни находились эти лица, офицеры с чемоданчиком всегда были рядом с ними.

Данная система была предназначена для управления ядерными силами и обеспечения их безопасности. Она позволяла быстро и эффективно передавать команды и контролировать ядерные арсеналы, что было чрезвычайно важно во времена холодной войны.

Полковник Б. М. Сон был причастен к тестированию АСУ «Крокус», смысл которого заключался в том, что согласно техническому заданию на 1000 сообщений о начале ядерной войны, допускалось только две ошибки, при этом 998 сигналов должны были быть верными. При тестировании же выходило 990 верных, а 10 ошибочных сигналов. В итоге Борис Михайлович приёмку системы не подписал, несмотря на то что Д. Ф. Устинов был намерен подписать и закрыть тему, но ситуация, в которой «странный полковник» отказывался ставить свою подпись, дошла до Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева,

который, разобравшись в ситуации, встал на сторону полковника, а не министра обороны. Просто потому, что техническое задание было подписано самим Д. Ф. Устиновым и именно оно при испытании не выполнялось должным образом. В конечном итоге после устранения причины (дефектная пайка соединений), которую обнаружил Б. М. Сон с подчинёнными, приёмка системы состоялась (рис. 13).

В 1970 г. Б. М. Сону после выхода на пенсию было предложено выбрать несколько городов для проживания, среди которых Ленинград, Ивангород, Винница, Гомель. Выбор семьи пал на Гомель, что объяснялось сентиментальной причиной, поскольку создание их семьи начиналось с Речицы, которая всего в 52 км от Гомеля. С тех пор военный пенсионер, герой Великой Отечественной войны, полковник Борис Михайлович Сон с женой и детьми стал проживать в Белоруссии.

Последние годы трудовой деятельности у него прошли в средней школе № 33 города Гомеля, где он преподавал ребятам физику и НВП, причем всегда обращался к школьникам на «вы», что было совсем нетипично, но придавало каждому ученику значимости.

Однако человеческая жизнь быстротечна, Борис Михайлович Сон умер в 2005 г., прожив сложную, но невероятно интересную и насыщенную жизнь, память о нем останется навсегда в душе тех людей, с кем ему удалось пересечься на жизненном пути.

Обсуждение и выводы

Сегодня мы пытаемся опереться на традиции, найти авторитеты, возрастает интерес одновременно и к постсоветскому, и к дореволюционному прошлому. Коллективная память семьи, возможно, и не претендует на объективность, однако позволяет восстановить биографию человека, которую при жизни он не смог отразить в своей официальной автобиографии, да и рассказать о себе в неофициальной обстановке также не представилось возможным. Его социальный статус не был предпочтительным в эпоху социализма, однако мы смогли проследить его становление и превращение в полноценного члена нового общества, путём переосмысления семейной истории, приспособления к новым условиям, умалчивания многих автобиографических сведений с целью

перехода из одной социальной группы в другую, когда постепенно стали исчезать старые и появляться новые границы и основания для социальных взаимодействий.

Наш герой, родившийся два года спустя после установления советской власти, смог сделать карьеру благодаря своему воспитанию и унаследованным от предка интеллектуальным задаткам.

Судьба его детей сложилась также весьма успешно. Старшая дочь – Людмила Борисовна, закончив Тартуский университет, стала ученым-физиком твёрдого тела, всю жизнь проработала в научном центре Академии наук РСФСР на Кольском полуострове, где и осталась жить.

Вторая дочь – Татьяна Борисовна, до выхода на пенсию успешно занималась бизнесом.

Сын, Сергей Борисович закончил Ленинградский институт авиационного приборостроения (ныне ГУАП СПб) и всю жизнь работает в сфере информационных технологий и компьютерных сетей, преподаёт студентам информатику. В настоящее время работает ведущим инженером-программистом в Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации.

У Бориса Михайловича много внуков, правнуков и праправнуков, которые гордятся своим дедом-героем и чтут память о нем.

Список литературы

1. Грибан И. В. Историческая память как исследовательская проблема. Анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 1. С. 334–340.
2. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6. С. 132–137. EDN: UGVVVF
3. Ростовцев Е. А., Сосницкий Д. А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер.2. Вып.2. С. 106–126. EDN: SFACSL
4. Артамонова Ю. Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 29–40. EDN: XQWIEH
5. Баранов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс обеспечения межэтнического согласия // Наследие веков. 2017. № 2. С. 55–61. EDN: ZLYKWR
6. Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура. М.: Новое издательство, 2021. 428 с.
7. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллинн: изд. «Александра», 1992. 479 с.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007. 348 с. EDN: QXSOFX
9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

10. Рикёр П. Память, история, забвение / пер. с франц. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с. ISBN: 5–87121–031–7 EDN: QWGQRR

11. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

12. Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб.: «Владимир Даль», 2004. 422 с.

13. Ле Гофф Ж. История и память / пер. с франц. К. З. Акоюна. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 303 с.

14. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с

15. «Устная история» и источниковедение истории науки // Материалы к заседаниям Летней школы «Источник в работе историка науки» 4–5 июня 2001 г. М.: Изд. РГГУ, 2001. С. 2–5.

16. Набоков В. Памяти Ю. И. Айхенвальда. Собр. соч. русского периода: в 5 т. СПб.: Изд. Симпозиум, 2021. Т. 2. 784 с.

17. Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

18. Филиппов Д. Ю. Купеческое сообщество города Касимова конца XVIII века – начала XX века // Рязанская старина. 2003. № 1. С. 95–122.

19. Чуйкина С. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-годы). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 259 с.

20. Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

21. Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

Biography of the Hero of the Great Patriotic War in the Context of Family's Collective Memory

Alla O. Volgusheva

The article is dedicated to the hero of the Great Patriotic War (1941–1945), Colonel Boris Mikhailovich Son, major battles participant, including the Battle of Moscow, the Kursk Bulge, Warsaw liberation, and the capture of Berlin. The novelty of the article is due to the fact that for the first time a comprehensive review of the hero's biography was carried out. The article, based on the first published information from the home family archive, in which many original documents and artifacts have been preserved, reveals the features of the social status of the Baranaev family, whose descendant was Boris Mikhailovich Son. His years of study, participation in hostilities, and post-war service in the Soviet army are described from the words of his children, so this study has oral historical nature. The author of the article is Alla Olegovna Volgusheva (granddaughter of Faina Mikhailovna Son, Boris Mikhailovich's sister), who is one of the last descendants of the Baranaev family.

Key words: historical memory, collective family memory, Great Patriotic War, Boris Mikhailovich Son, battle for Moscow, battle for Berlin, Kursk Bulge, Kasimov, Baranaev merchants, Kasimov tannery.

For citation: Volgusheva, A. O. (2025) Biografiya geroya Velikoj Otechestvennoj vojny v kontekste kolektivnoj pamjati sem'i [Biography of the Hero of the Great Patriotic War in the Context of Family's Collective Memory]. *Istorija povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 175–191. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_175. EDN: BXOUIO

References

1. Griban, I. V. (2016) Istoricheskaya pamjat' kak issledovatel'skaya problema. Analiz sovremnykh podhodov [Historical memory as a research problem. Analysis of modern approaches]. *Byulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of science and practice]. No. 1. Pp. 334–340. (In Russ.)

2. Dmitrieva, O. O. (2015) Istoricheskaya pamjat' i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh koncepcij v otechestvennoj nauke [Historical memory and the mecha-

nisms of its formation: an analysis of historiographic concepts in domestic science]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. No. 6. Pp. 132–137. EDN: UGVVVF (In Russ.)

3. Rostovcev, E. A., Sosnickij, D. A. (2014) Napravleniya issledovaniy istoricheskoy pamyati v Rossii [Directions of Historical Memory Research in Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. Ser. 2. Iss. 2. Pp. 106–126. EDN: SFACSL (In Russ.)

4. Artamonova, Yu. D. (2018) K voprosu o mekhanizmah istoricheskoy pamyati [On the Mechanisms of Historical Memory]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures]. Vol. 48. Pp. 29–40. EDN: XQWIEH (In Russ.)

5. Baranov, A. V. (2017) Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne kak resurs obespecheniya mezhetnicheskogo soglasiya [Historical Memory of the Great Patriotic War as a Resource for Ensuring Interethnic Harmony]. *Nasledie vekov* [Heritage of the Centuries]. No. 2. Pp. 55–61. EDN: ZLYKWR (In Russ.)

6. Hirsh, M. (2021) *Pokolenie postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura* [The Postmemory Generation. Writing and Visual Culture]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

7. Lotman, Yu. M. (1992) Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii [Memory in Cultural Studies]. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. In 3 vols. Vol. 1. Tallinn: Alexandra Publishing House. (In Russ.)

8. Hal'bvaks, M. (2007) *Social'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. EDN: QXSOFX (In Russ.)

9. Assman, Y. (2004) *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turah drevnosti* [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russ.)

10. Rikyor, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury. ISBN: 5-87121-031-7 EDN: QWGQRR (In Russ.)

11. Nora, P. (1999) Problematika mest pamyati [Problematics of Places of Memory]. *Franciya-pamyat'* [France-Memory]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pp. 17–50. (In Russ.)

12. Hatton, P. H. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the Art of Memory]. St. Petersburg: «Vladimir Dal'. (In Russ.)

13. Le Goff, Zh. (2013) *Istoriya i pamyat'* [History and Memory]. Moscow: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN). (In Russ.)

14. Repina, L. P. (2003) *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historical writing (historiographical notes)]. Moscow: GU VShE. (In Russ.)

15. (2001) «Ustnaya istoriya» i istochnikovedenie istorii nauki ["Oral history" and source studies of the history of science]. *Materialy k zasedaniyam Letnej shkoly «Istochnik v rabote istorika nauki» 4–5 iyunya 2001 g.* [Materials for the meetings of the Summer School "Source in the Work of the Historian of Science" June 4–5, 2001]. Moscow: izd RGGU. S. 2–5. (In Russ.)

16. Nabokov, V. (2021) *Pamyati Yu. I. Ajhrenal'da. Sobr. soch. russkogo perioda* [In Memory of Yu. I. Aikhrenvald. Collected Works of the Russian Period]. In 5 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Izd. Simpozium. (In Russ.)

17. *Lichnyj arhiv Son S. B.* [Son S. B. Personal archive]. F. 1. Op. 1. D. 3.

18. Filippov, D. Yu. (2003) Kupecheskoe soobshchestvo goroda Kasimova konca XVIII veka – nachala XX veka [The merchant community of the Kasimov city in the late 18th – early 20th century]. *Ryazanskaya starina* [Ryazanskaya Starina]. No. 1. Pp. 95–122. (In Russ.)

19. Chujkina, S. (2006) *Dvoryanskaya pamyat': «byvshie» v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30 gody)* [Noble memory: "former" in a Soviet city (Leningrad, 1920–30s)]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

20. *Lichnyj arhiv Son S. B.* [Son S. B. Personal archive]. F. 1. Op. 1. D. 2.

21. *Lichnyj arhiv Son S. B.* [Son S. B. Personal archive]. F. 1. Op. 1. D. 4.

Об авторе

Волгушева Алла Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: volgusheva_irbis@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4684-421X

About the author

Volgusheva Alla O., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: volgusheva_irbis@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4684-421X

Статья поступила в редакцию 04.02.2025

Одобрена после рецензирования 25.04.2025

Принята к публикации 29.04.2025

Послевоенная повседневность Ленинграда и популяризация образа Тани Савичевой. Интервью с А. В. Ураловым*

А. А. Павлов

Материалы интервью отражают малоизученную тему – популяризацию образа Тани Савичевой и «блокадного дневника» в советскую эпоху, показывают внимание к теме блокады в 1950–1980-е гг., содержат информацию о повседневности послевоенных лет, а также судьбе квартиры, где был написан дневник, ставший символом страшных событий блокады Ленинграда. Оценку событий дает Александр Владимирович Уралов, житель квартиры Савичевых, семья которого получила её в 1944 г. Описано посещение квартиры творческими деятелями советского периода, композиторами, писателями и поэтами-шестидесятниками. В интервью также упоминается процесс увековечивания памяти жертв блокады, в том числе и самой Тани, в частности история формирования мемориального класса, установки мемориальной доски и нереализованной музеефикации квартиры. Подчёркивается важность сохранения исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: А. В. Уралов, Таня Савичева, блокадный дневник, квартира Савичевых, музеефикация.

Для цитирования: Павлов А. А. Послевоенная повседневность Ленинграда и популяризация образа Тани Савичевой. Интервью с А. В. Ураловым // История повседневности. – 2025. – № 2. – С. 192–204. DOI: 10.35231/25422375_2025_2_192. EDN: CAYTLQ

* Интервью взято при личной встрече с записью аудиоматериала 08.04.2024 г.
© Павлов А. А., 2025

Введение

Знакомство с Александром Владимировичем Ураловым произошло в марте 2024 г. на 2-й линии Васильевского острова. Александр Владимирович – местный житель, проживающий в доходном доме В. Ф. Громова, расположенном по адресу: 2-я линия В.О., дом 6. Трёхэтажный дом был возведён в середине XIX в., в 1910 г. в нём была открыта булочная Николая Родионовича Савичева (1884–1936), в здании предприниматель проживал с семьёй [1]. Таня Савичева родилась в 1930 г. и значительную часть жизни провела в этом доме. Именно по адресу 2-я линия В.О., дом 6 был написан «блокадный дневник», ставший символом блокады Ленинграда. Отец информанта – Владимир Ильич Уралов, был заселён с семьёй в квартиру Савичевых в апреле 1944 г., получив её как служебное жилище, сама Таня была эвакуирована в Горьковскую область ещё летом 1942 г., где 1 июля 1944 г. скончалась от дистрофии. Александр Владимирович, проживающий в данных стенах со второй половины 1940-х гг., поведал не только о судьбе ленинградской девочки, её семье и квартире, процессе мемориализации «блокадного дневника», но и о послевоенной повседневности жителей Васильевского острова и всего Ленинграда. Цель интервью – изучить процесс популяризации образа Тани Савичевой, «блокадного дневника» и рассмотреть послевоенную повседневность Ленинграда.

Тема блокады Ленинграда является одной из важнейших в рамках изучения Великой Отечественной войны, в этой связи в историографии рассматривалась и тема жизни в блокадном городе. В 1983 г. была издана документальная хроника – «Блокадная книга», в которой зафиксированы 200 рассказов жителей блокадного города [2]. Рассматривалась также жизнь детей в Ленинграде, в 1994 г. вышла книга Э. И. Голубевой, в которой показано отражение блокады в детских рисунках [3]. Наибольшее количество работ, посвящённых в том числе «блокадному дневнику» и Тани Савичевой, опубликовано в последние десятилетия. «Блокадный дневник» как исторический источник рассмотрен в работах Б. А. Никишина [4], К. В. Котовой [5], К. Н. Телешовой [6]. К теме образа Тани Савичевой обращается и финский журналист Калле Книйвиля [7], который в своей книге представил интервью с жителями «улицы Тани». При-

существует в этой работе и фрагмент интервью с Александром Владимировичем Ураловым, жителем квартиры Савичевых.

В публикуемом же материале не только поэтапно рассматривается процесс популяризации образа Тани Савичевой и его отдельные проявления в культуре, в частности в литературе послевоенного периода, но представлено описание квартиры, полученной в 1944 г., что позволяет восстановить её облик в период блокады, а также затрагивается вопрос музеефикации квартиры и рассмотрена послевоенная повседневность жителей Васильевского острова.

Интервью

– Александр Владимирович, насколько мне известно, Ваш отец был участником Великой Отечественной войны. Можете рассказать о нём и его деятельности?

Я попытался найти информацию об отце на сайте, но при моём владении компьютером я не смог сразу сделать это и прекратил. Родился 1897 г., воевал всю Первую империалистическую¹. Рано вступил в ВКП(б), в 1918 г. Знаю, что до того как стать начальником Приморского сектора обороны, он был призван с гражданской службы, на которую ушёл с должности командира кавалеристского дивизиона в 1924 г., после этого он закончил Академию народного хозяйства имени Куйбышева, служил на гражданской службе в Мурманской области, дошёл до зампредгорисполкома в г. Апатиты и г. Кировск, откуда вернулся в ранге майора в 1939 г. То есть период гражданки длился с 1924 по 1939, и вот он застал финскую войну и отечественную, уже был подполковником, всё войну в этой должности прослужил. В 1945-м его отправили комендантом в Латвию, Вентспилс, называвшийся по-русски Виндава, и до 1948 г. наша семья проживала в этом городе. Впоследствии все родственники, включая нас, вернулись в Ленинград, а отец был назначен военным комендантом Кронштадта, один был морским комендантом, а другой – МВД. Въезд был строго по пропускам, город был закрытым, меня передавали на корабле, сидел в каюте капитана, было лет 5–6 и с тех пор у меня тяга к морю! В 1949-м отец перевёлся сюда (в Ленинград) и уже здесь дослуживал до 1956 г. в органах МВД, у него был зелёный китель с синем галифе.

¹ Империалистическая война – наименование Первой мировой войны в советской историографии.

– В какой период Ваша семья заселяется в квартиру Савичевых и какие обстоятельства этому предшествовали?

Когда отца пришлось переселить из дома 2 по 9-й линии, куда попал снаряд, неизвестно, где они жили, но подыскивали ему служебную площадь, и нашли этот дом (2-я линия д. 13) с пробитой крышей, но так как он выезжал в Москву на ускоренные 6-месячные курсы в академию Фрунзе, где готовили военные кадры несмотря на войну, он с беременной женой (А. В. Ураловой, мать рассказчика), и моей старшей сестрой Тамарой уехали в Москву, где пробыли там шесть месяцев. После по предписанию они вернулись и уже вселились в эту, отремонтированную после попадания снаряда квартиру, с 1946 г., по бумагам. Ордер на заезд был получен ещё в апреле 1944 г.

– Известно ли Вам, как выглядела квартира после эвакуации Тани?

Да, нам рассказывали, стали подыскивать, куда отцу переехать из 9-й линии, матушка моя рассказывала, что она на лестницу вошла, подняла голову – а там небо наверху! Оказалось, что стройматериалов в разбомбленном доме (5-я линия, вдоль Большого проспекта) было полно сверху, там большой доходный дом был, кстати, эти брёвна, которые они натаскали оттуда в 1943–1944 году, продержались вплоть до капремонта в 1975-м, через 30 лет после победы они ещё служили, хотя шатались, когда кто-то танцевал на втором этаже.

То есть в квартире была тогда печка сложена, тут печное отопление у нас было до 1961 г., значит печка была посреди небольшой комнаты, специально для утепления, временно, потом её разобрали, и две печки в каждой комнате были, дровяные. Во всём доме было печное отопление, у всех были сараи в подвалах, либо в деревянных подвалах во дворе.

– В каком возрасте Вы впервые услышали о Тане Савичевой и её судьбе?

Вот, это самый интересный вопрос! Дело в том, что конец 1940-х – начало 1950-х как-то всё время убывало то отношение к победителям, которое сформировалось после 9 мая 1945 г. Но во всяком случае раньше, это видно по фотографиям и хроникам, носили медали в полном виде, колодок было мало, за орден и медали платили каждый месяц, носили орденскую книжку. В конце 1940-х гг. распоряжение прекратить выплаты понижи-

ло интерес носить медали, и при 6-дневной рабочей неделе даже 9 мая не было выходным днём, до 1965 г. Да, были салюты, не такие пышные, правда, как сейчас. И вся тема блокады не очень афишировалась, скорее между собой, когда компании взрослых собирались на кухне, обменивались воспоминаниями по бытовому о блокаде. У моей матери до 1949 г. болел желудок, несмотря на то что она работала в госпитале и отец получал паёк, варили клей, ели суррогаты, многие тоже пострадали. Тему блокады люди старались забыть, потому что это тяжелейшее время, оно не героизировалось, скорее по бытовому переживали, вспоминали, кто умер, есть ли могилы, нету..., кого эвакуировали и т. д.

И вот про Таню Савичеву мы впервые стали слышать, когда на телевидении появился Сергей Сергеевич Смирнов¹, писатель, развивавший тему героики, это был 1961 г., через 16 лет после войны. Он вёл еженедельные передачи, раскрыл подвиг Брестской крепости, комиссара, который оборонял её 30 дней, многие другие факты, и в том числе началась тема Тани Савичевой. Когда он начал регулярно ею заниматься, к нам стали приходить московские творческие люди, которые стали беседовать с моей матерью. Спрашивали, знает ли она о тех, кто умер в этой квартире. Она отвечала, что из тех, кто проживал в нашем доме до войны, умерли 17–18 человек. Стали появляться из-за того, что Смирнов призывал развивать тему героики, героизации, московские писатели, композиторы по-видимому получили заказ. Интересовались, в каких стенах происходили события. А в то время все стены, входная группа, окна, перегородка между их булочной – всё было на месте. Двор был со всеми флигелями, которые перегораживали наш двор и соседний, и они каким-то образом старались в стихах или песнях отразить это. С ними даже матушка моя подружилась. Я, будучи 17–18-летним тоже общался с ними.

– В этой связи интересно, какие поэты, писатели, деятели культуры посещали Вас?

Больше всего нам запомнился Михаил Светлов – знаменитый наш советский поэт, который всегда приезжал с подарками.

¹ Сергей Сергеевич Смирнов (1915–1976) – советский писатель, историк, радио- и телеведущий, общественный деятель. автор пьес и киносценариев, документальных книг и очерков о неизвестных героях Великой Отечественной войны, в том числе «Брестская крепость», «Рассказы о неизвестных героях». Много лет вёл на телевидении популярную передачу – телеальманах «Подвиг».

У него был, как бы сказать, агент, который предвещал его визит. Когда Светлов пришёл впервые, у матушки было воспаление лёгких, он с ней лежачей общался, у них завязалась дружба. А Светлов был очень популярен, писал стихи замечательные!

Потом Никита Богословский, как всегда был при деле, он появился у нас тоже, его знаменитые военные песни были популярны, Тёмная ночь, например. Одним из последних поэтов, интересовавшимся этой темой, был Михаил Дудин, который вёл себя самым достойным образом, всегда заранее звонил, это были 1970-е, накануне годовщины войны. Бывал поэт Долматовский, затем композитор Колмановский, знаменитые московские ребята. К тому времени уже в экскурс-бюро, по улице Желябова, ныне Конюшенной, дом Тани Савичевой стали включать в маршруты, и до 1965 г. к нам уже начали ездить икарусы, дом включили в программы.

Потом у нас был интересный контакт с Василием Павловичем Соловьёвым-Седым, он приезжал со своим музыкальным руководителем ансамбля Анатолием Викторовичем Милославским, с которым ездил по всему Советскому Союзу с гастролями, и у нас до 1980-х гг. образовалась связь, и была дружба, особенно с Милославским, который к тому времени был уже руководителем Театра комедии им. Акимова.

Кроме уже упомянутых, были многие не раскрытые поэты, могу вспомнить Андрея Дементьева, спорили о его визите с поэтом Москвиным, когда тот жив был, но отмечу, что таких знаменитых, как Евтушенко или Рождественский не было. Были поэты-песенники, но какая же может быть песня про Таню Савичеву...Только стихи, к тому грустные.

Однако к 1965 г. был заказ, я к тому времени ушёл в армию, наша семья уже была вовлечена в эту историю, но я всю жизнь не понимал, какое мы имеем к этому отношение.

– А о чём в первую очередь заходила речь, когда деятели культуры посещали Вашу квартиру?

За жизнь. За жизнь в этом доме. Чаще всего мать «отбивалась», она была непосредственным участником блокады. Спрашивали различные интимные подробности, но мы с теми Савичевыми даже не встречались, мы просто унаследовали судьбу жить здесь, в этой квартире. Часто спрашивали: «Что вы чувствуете, здесь умерло 5 человек?», а в нашем доме столько поу-

мирало. А я рос... У нас во дворе была прачечная, и всю блокаду, особенно 1941 и 1942, она использовалась как мертвецкая. Туда свозили трупы со всей округи и отставляли, прежде чем вести их хоронить. Конечно, с Васильевского на Пискарьёвку вряд ли везли, у нас, наши захоронения были здесь, до сих пор оформлены как братские могилы на Смоленке. Прежде чем туда отвезти, они штабелями хранились в нашей прачечной, и после войны жители старались её не использовать. Она была сама по себе, там было очень холодно, но все помнили, что там была мертвецкая. Вся военная тематика была близко, рядом. Находили и черепа, и оружие... А из подвалов выгнали сараи, сделали бомбоубежище. Детство было у нас военизированное. Сестра моя ещё в 13 лет получила медаль За оборону Ленинграда, потому что дружиной командовала по спасению крыш от зажигалок.

– Известно ли Вам, знал ли Ваш отец, или старшие родственники, о трагической судьбе ленинградской девочки?

В 1943 г., во время войны, уже работала комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории СССР. Туда собирались все свидетельства, юридические документы, касающихся их зверств, а так как мой отец был начальником сектора обороны Ленинграда, он, конечно, участвовал в работе этих комиссий, работали военные юристы, они обязаны были предоставлять сведения. Я с самого 13-летнего возраста, когда отец умер, так и не узнал, был ли он в курсе дневника, но то, что в материалах для нашего прокурора Руденко¹, который выступал на Нюрнбергском процессе, были сведения об этом дневнике – это точно, потому что на Нюрнбергском процессе прозвучала в полный рост тема Анны Франк², еврейской девочки в Голландии, которая пряталась на чердаке, оставила обширный дневник, издававшийся на разных языках, и вот как бы наша Таня Савичева уравнивала его своим лаконичным, но не менее драматичным дневником. Но на самом заседании Руденко не дали времени, чтобы это озвучить. Но когда стал создаваться музей истории блокады, уже тогда было известно, что есть такое свидетельство ужаса, как люди тогда жили. Сказать точно, знал ли отец об этом –

¹ Роман Андреевич Руденко (1907–1981) – советский государственный деятель, возглавлявший Генеральную прокуратуру 27 лет. В 1945–1946 годах стал главным обвинителем от СССР на Нюрнбергском процессе.

² Анна Франк (настоящее имя – Аннелиз Мари Франк) – еврейская девочка, уроженка Германии, одна из самых известных жертв Холокоста.

не могу, но когда писатели и учёные стали исследовать этот вопрос, стало звучать сравнение Анны Франк и Тани Савичевой.

– То есть существует как раз легенда, что «блокадный дневник» был представлен на Нюрнбергском процессе. Но Вы думаете, что у неё нет оснований?

Дневник не был представлен. Хотя был в материалах у Руденко.

– Как известно, у Тани остались родственники в лице сестры Нины и брата Михаила. Общались ли Вы с ними?

Да, только с Ниной. Михаил жил в этом же доме, но в другой квартире, и не привлекался так активно кинодокументалистами, как Нина. А Нину снимали на кинохронику в этой квартире, она стояла у окна в большой комнате, давала интервью, глядя на 2-ю линию, делилась воспоминаниями. Она прожила очень прилично, до 90 лет, по-моему. Она была старше Тани и работала тогда, но так как была прописана в общежитии химкомбината на Охте, то она здесь уже никак не числилась. Семья не только здесь жила, ещё на втором этаже пару комнат было, поэтому все упомянутые в дневнике не только в квартире умирали.

– А упоминала ли Нина то, как выглядела квартира раньше, в их время?

Нет, не упоминала, потому что, когда она была и снималась, здесь практически ничего и не менялось. Вот до капремонта 1975 г., когда мы всерьёз обратились в горисполком с просьбой музеификации, об этом есть заявление и решения горисполкома, не было никаких изменений внутри, кроме создания перегородки между булочной и квартирой. Булочная была у нас за стеной до 1975 г., там же, где она и была при Савичевых.

– Вы также упоминали о плане создания мемориального музея в квартире Савичевых. Какие факторы этому помешали?

Интересна история второго обращения. Мария Францевна Уралова, моя мать, будучи врачом, была лично знакома с зампредом горисполкома Иваном Яковлевичом Поповым, тесно общались. Когда поступило предложение о капремонте в 1975-м, Мария Францевна решила пойти к Попову на Исаакиевскую площадь, так как тогда он уже был зампредом горисполкома, занимался эксплуатацией и распределением жилого фонда. К Ивану Яковлевичу не попала, на заявление было отвечено отказом, предложили жить дальше в той же квартире. Однако секретарша Попова, зная Марию Францевну, сообщила, что отказ

был связан с тем, что семья Савичевых относилась к нэпманам, и даже в 1930-е отец и старший брат сидели в тюрьме, и не только потому, что у них была булочная и пекарня, а ещё у них был кинотеатр на 3-й Советской улице. Держали их недолго, однако булочную и кинотеатр конфисковали. По этой причине, как классово чуждые элементы, не подошли под те каноны, которые существовали. Интересно, что через два года после капремонта в дом въехал сам И. Я. Попов, став нашим соседом на 2 этаже. Когда началась перестройка, всем было уже не до музея, еле-еле разобрались с наследием музея история города.

– Занимались ли Вы изучением темы семьи Савичевых? Какие источники и информацию при этом удалось найти?

Честно говоря, не занимался. Мне хватало того, что было много информации от корреспондентов, раскрыто было всё, начиная с 1963 г., тем более к 1965 г. У нас даже висела её фотография, принесённая детьми из 35 школы, где Таня училась. В архивах не рылся, но было много общения, в частности с корреспондентами центральных газет. Запомнился Илья Шатуновский из газеты «Известия», фельетонист, многое от него узнавал. В настоящее время в «Российской газете» изучали вопрос. Всё-таки разрыв в два года, между смертью Савичевых и заездом нашей семьи сыграл свою роль.

– Вы упомянули 35-ю школу. В какое время формируется коллекция её школьного музея и принимали ли Вы в этом участие?

Мы даже принимали детей в своей квартире, мой сын учился в этой школе. Мемориальный класс Тани Савичевой был ликвидирован недавно, детей принимали даже после перестройки. В коллекции музея в основном вещи той эпохи, личных вещей не осталось, даже в момент заезда родителей в доме была дыра.

– Как вы думаете, а какую роль происхождение Тани Савичевой сыграло в освещении её биографии и темы «блокадного дневника» в 1960–80-е гг.? (тема «лишенцев»¹)

Практически никакого. Абсолютно никто не упоминал. До 1975 г. никакого отрицательного отзыва, за исключением обращения в горисполком, и то он был неформальным. До этого практически не интересовались происхождением Тани Савиче-

¹ Лишенцы – категория населения, лишённая избирательных и других гражданских прав в связи с принадлежностью к эксплуататорскому классу (до принятия Конституции 1936 г.).

вой, тем более ее родственники работали на Адмиралтейском заводе, сама она была школьницей.

– В каком виде, на Ваш взгляд, должен был быть представлен мемориальный музей?

Достаточно свидетельств быта того времени, были обмерные чертежи булочной Савичевых, в проектно институте, перед капитальным ремонтом 1975 г. Там даже сохранилась рустовка и внутренняя лестница. Можно было бы реконструировать небольшую блокадную булочную, она размером была чуть побольше нашей кухни. Работала, висел там телефон-автомат. Главное, чтоб люди представляли блокадный быт. Одна гражданка, на улице Некрасова, рядом с Кузнечным рынком, музеефицировала свою квартиру. У неё была керосинка, мешки с крупами, сухарями, которые она меняла, т. е. прецеденты есть. Интересна стихийная музеефикация на родине Сталина в Гори, Грузия. В 1956 г. был открыт шикарный музей, куда привезли даже его вагон, для которого пришлось проложить рельсы, снести множество домов. А тут, с Таней Савичевой, не смогли квартиру организовать. С логистикой, вроде, тоже всё нормально было. Судя по общей обстановке, уже не светит возвращение к этой теме.

Впоследствии идеология уже не мешала, но начались вопросы финансовые. В 1990-е плохо финансировали музей, не до того было. Нужна достаточность информации, достаточность внимания предыдущих жильцов.

Первый раз про мемориальную доску мы заговорили, когда я учился на 5 курсе. Я поступил на восточный факультет, но мои одногодки, Владимир Эмильевич Горевой, Сергей Кубасов, Иван Уралов, поступили в Академию художеств. Горевой учился на скульптора, обратился к нему с просьбой, к дому уже ездило много туристов. Решили взять мемориальную доску как дипломные проект. Я предложил сделать её с небольшим загибчиком, у окна, но она не прошла. Я дружил с Иваном Григорьевичем (Ураловым), совместно с Сиваковым они хорошо восприняли идею, пробили финансирование и сделали её, немного в стороне, не под нашими окнами. На том месте раньше там был детский сад и булочная. Реализовали её, правда, через 60 лет после войны (2005 г.), а первый проект был ещё в 1972 г.

– В чём, на Ваш взгляд, ценность блокадного дневника и почему стоит сохранять память о событиях прошлого?

Внимание к блокадному дневнику вызвано невероятной концентрацией того трагического состояния общества, в котором мы оказались, ни прибавить, ни убавить, тем более устами младенца. Многие уже интуитивно это чувствуют. Представляешь, в одной записной книжке она, дрожащей ручкой, фиксирует всё это, ведь ей так и не удалось оправиться, когда её отправили в эвакуацию, летом, она ведь прожила...часть 1942, 1943 и в 1944 г. умерла. Многие поэты, приходившие к нам, плакали.

Вывод

Интервью с А. В. Ураловым является важным источником послевоенной повседневности Ленинграда. Как житель, Александр Владимирович упоминает изменения города, рассказывает о судьбе дома и квартиры Тани Савичевой на Васильевском острове. В ходе интервью удалось узнать о процессе популяризации «блокадного дневника» и образа Тани Савичевой, который происходил с юбилея XX-летия Победы, как была увековечена Таня, какие творческие деятели обращались к её образу. Также затрагивался вопрос создания мемориальной доски и формирования музея по теме блокады Ленинграда¹.

Список литературы

1. Никитенко Г. Ю., Соболев В. Д. Дома и люди Васильевского острова. М.: ЗАО «Центр-полиграф», 2008. 121 с.
2. Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. М.: Советский писатель, 1983. 433 с.
3. Голубева Э. И. Рисуют дети блокады. СПб.: Издательство «Аврора», 1994. 79 с.
4. Никишин Б. А. Жизнь детей в блокадном Ленинграде // Наука без границ. 2021. № 2 (54). С. 5–10. EDN: UOTGDD
5. Котова К. В. Блокада Ленинграда глазами детей // Двадцатые Петровские чтения. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: Северная звезда, 2019. С. 71–75.
6. Телешова К. Н. Дети и война (Эпизод блокадной жизни) // Волонтер. Всероссийский научно-практический журнал. 2016. № 1 (17). С. 52–57.
7. Книйвиля К. Улица Тани = Tanjan katu. Хельсинки: Mondial, 2017.

¹ Иллюстрации к статье см. на с. 212.

The Post-War Everyday Life of Leningrad and the Popularization of the Tanya Savicheva Image. Interview with A. V. Uralov

Arseniy A. Pavlov

The interview materials reflect a little-studied topic – the popularization of the image of Tanya Savicheva and the "blockade diary" in the Soviet era, show the attention to the blockade topic in the 1950s – 1980s, contain information about the daily life of the post-war years, as well as the fate of the apartment where the diary was written, which became a symbol of the terrible events of the siege of Leningrad. A retrospective assessment is made by a direct participant in the events, Aleksandr Vladimirovich Uralov, a resident of the Savichevs' apartment, whose family received it in 1944. Aleksandr Vladimirovich is a witness to the post-war years, the popularization of the image of Tanya Savicheva and the original appearance of the place where the "blockade diary" was written. The interview describes visits of creative figures of the Soviet period, composers, writers and poets of the sixties to the apartment. It also shows the process of perpetuating the memory of the victims of the blockade, including Tanya herself, in particular, the history of the formation of a memorial classroom, the installation of a plaque and the unrealized museumification of the apartment, emphasizes the importance of preserving the historical memory of the events of the Great Patriotic War.

Key words: A. V. Uralov, Tanya Savicheva, the blockade diary, the Savichevs' apartment, museumification.

For citation: Pavlov, A. A. Poslevoennaya povsednevnost' Leningrada i populyarizatsiya obraza Tani Savichevoj. Interv'yu s A. V. Uralovym [The Post-War Everyday Life of Leningrad and the Popularization of the Tanya Savicheva Image. Interview with A. V. Uralov]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 2. Pp. 192–204. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_2_192. EDN: CAYTLQ

References

1. Nikitenko, G. Yu., Sobol, V. D. (2008) *Doma i lyudi Vasilevskgo ostrova* [Houses and people of Vasilyevsky Island]. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf. (In Russ.)
2. Adamovich, A. M., Granin, D. A. (1983) *Blockadnaya kniga* [The Blockade book]. Moscow: Soviet writer. (In Russ.)
3. Golubeva, E. I. (1994) *Risuyut deti blockady* [The children of the blockade draw]. St. Petersburg: Aurora Publishing House. (In Russ.)
4. Nikishin, B. A. (2021) Zhizn' detei v blockadnom Leningrade [The life of children in besieged Leningrad]. *Nauka bez granic* [Science without borders]. No. 2 (54). Pp. 5–10. (In Russ.) EDN: UOTGDD
5. Kotova, K. V. (2019) Blockada glazami detei [The siege of Leningrad through the eyes of children]. *Dvadcatye Petrovskie chteniya* [Twentieth Peter's Readings]. Materials of the All-Russian scientific conference with international participation. St. Petersburg: Severnaya Zvezda. Pp. 71–75. (In Russ.)
6. Teleshova, K. N. (2016) Deti i vojna (episod blockadnoy zhizni) [Children and war (Episode of blockade life)]. *Volontjor. Vserossijskij nauchno-prakticheskij zhurnal* [Volunteer. All-Russian Scientific and Practical journal]. No. 1 (17). Pp. 52–57. (In Russ.)
7. Kniville, K. (2017) Ulita Tani [Tanja Street = Tanja ktu]. Helsinki: Mondial.

Об авторе

Павлов Арсений Артёмович, студент факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: arse.p@mail.ru

About the author

Pavlov Arseniy A., Student at the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: arse.p@mail.ru

Статья поступила в редакцию 09.04.2025

Одобрена после рецензирования 05.05.2025

Принята к публикации 12.05.2025

Сельская школа. Верхнеорловский район Молотовской области (Пермский край)
Официальный сайт Чусовского городского округа. Культура. URL: <https://chusovkiyug.ru/news/66503> (дата обращения: 11.05.25).

К статье Л. Н. Семеновой

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА № 12073308 ЧЛЕНА КПСС	
1. Фамилия	Сон
Имя	Борис
Отчество	Михайлович
2. Пол	Мужской 3. Год рождения 1920
4. Место рождения	с. Касимов, Рязанская область, Рязанская обл., район, город.
5. Национальность	Русские
6. Родной язык	Русский
7. Социальное положение	Служащий
8. Пребывание в ВАКСМ	с 1938 г. по 1946 г.
9. Время вступления в КПСС:	
а) в кандидаты	Май 1946 года
	Рязань, г.д.
	Партийная организация
	Партия коммунистов
	Партия коммунистов
	Партия коммунистов
б) в члены	Май 1949 года
	Рязань, г.д.
	Партийная организация
	Партия коммунистов
	Партия коммунистов
	Партия коммунистов

Рис. 1. Учетная карточка члена КПСС Сон Бориса Михайловича
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 3

Рис. 2. Евгения Александровна Победоносцева
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 1

К статье А. О. Волгушевой

Рис. 3. Серебряные чайные ложки с гравировкой «ЛБ» (Людмила Баранаева) из семейного архива
 Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 5

Рис. 5. «Ученики 2 школы 7 класса «А» изобрели и изготовили модели крейсера и парусной яхты в технической станции. На снимке Сон и Котельников около своих моделей»
 Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 8

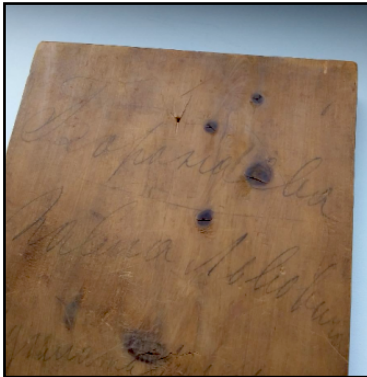

Рис. 4. Семейная икона Баранаевых из семейного архива Михайловича
 Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 6

К статье А. О. Волгушевой

Рис. 8. Фото наград Б. М. Сон
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1.
Оп. 1. Д. 3. Л. 9

Рис. 9. Попова Надежда Епифановна 1943 год
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 11

К статье А. О. Волгушевой

**Рис. 10. Личный альбом канцлера
Германии Бюлова**
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.
Л. 12

Рис. 11. Б. М. Сон. Луга (1952 год)
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 14

К статье А. О. Волгушевой

Рис. 12. Войсковая часть 14245
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 13

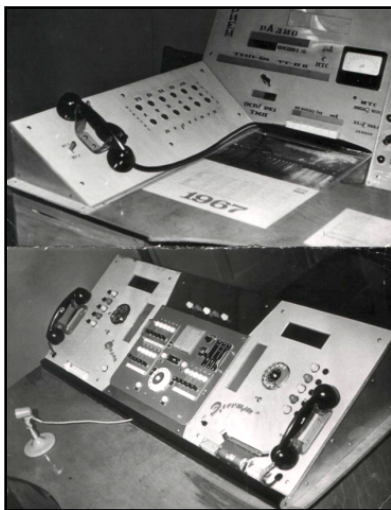
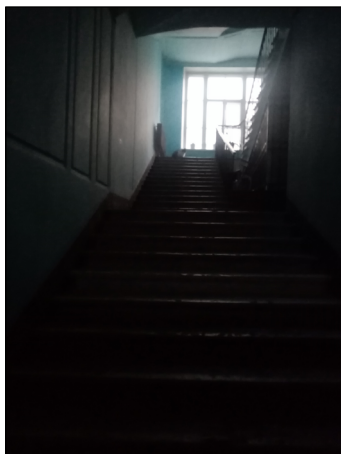
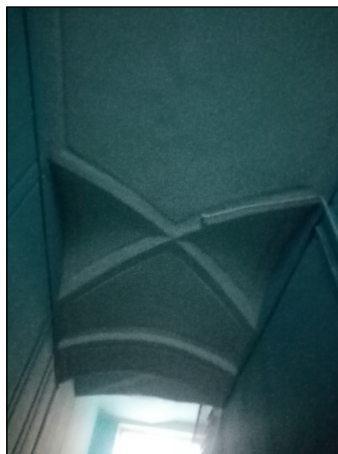

Рис. 13. Пульта начальника связи дивизии РВСН.
1967 год, изготовленный Б. М. Сон с подчинёнными до появления стандартных заводских образцов
Личный архив Сон С. Б. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 15

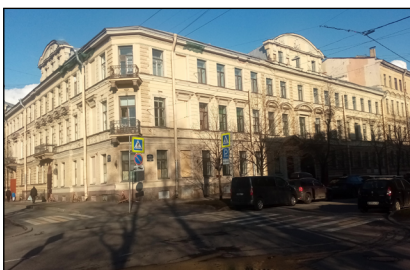
Парадная лестница дома Громова
Фотография из личного архива А. А. Павлова

Парадная лестница дома Громова
Фотография из личного архива А. А. Павлова

Мемориальная доска, посвящённая Тане Савичевой (2005 г.)
Фотография из личного архива А. А. Павлова

Доходный дом Громова, на 1 этаже которого проживала Таня Савичева
Фотография из личного архива А. А. Павлова

Правила оформления литературы

(10 кегль, абзацный отступ – 0,4) Список литературы содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). Список оформляется в порядке цитирования (упоминания в работе). К каждому источнику необходимо указывать код EDN при его наличии (его можно узнать на странице публикации eLIBRARY.RU в верху страницы).

МОНОГРАФИЯ

— Езерский Н. Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с. EDN: ABCDEF

— Сабенникова И. В., Гентшке В. Л., Ловцов А. С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с. EDN: YNFSLI

КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

— Гендерный подход в дошкольной педагогике / отв. ред. Л. В. Штылева. Мурманск: КРЦДОи РЖ, 2001. 200 с. EDN: ABCDEF

— Женская активность: история и современность / отв. ред. С. В. Сиражудинова, О. С. Мутиева, Н. Л. Пушкарёва. Махачкала: АЛЕФ, ДГУНХ, 2021. 325 с. EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

— Дегтярева М. И. Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 101–114. EDN: PUVPWL

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

— Веремёнко В. А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 2. С. 320–354. DOI: 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101. EDN: KCFJDI

СТАТЬИ (МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)

— Зайцева С. В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2-х т. / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарёва, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. М.: ИЭА РАН, 2018. Т. 1. С. 180–182. EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

— Ващева И. Ю. «Церковные истории» поздней античности: социальные функции, смысл и назначение // Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени: сб. науч. ст. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. С. 5–18. EDN: HUFYXJ

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

— Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513.

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Puar J. The Right to Maim: Debility, Capacity, Disability. Durham; London: Duke University Press, 2017. 296 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Wenneras C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // Nature. 1997. Vol. 387. No. 6631. Pp. 341–343.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

— История протестов и самоорганизации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/istoriya-protestov-i-samoorganizatsii-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.05.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

— Historical Archives of the European Union. Available at: <https://www.eui.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (accessed 20 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

— Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

— Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

— Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 193 с. EDN: NQHTVX

— Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 25 с. EDN: NKMWTN

References

References должны быть представлены на латинице. Необходимо учитывать, что:

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать автоматический машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке;
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например <http://translit-online.ru/>, используя две основные формулы:

Для научных статей

— Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya zagolovka stat'i* [Translation of the Headline of the Article]. *Trasliteraciya nazvaniya istochnika* [Translation of the Headline of the Source]. Vol. 0. No. 0. Pp. 0–0. (In Russ.)

Для книг

— Familia, I. O. (Year) *Trasliteraciya nazvaniya knigi* [Translation of the Headline of the Book]. Place: Izdatel'stvo. (In Russ.)

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

— Abramov, YA. V. (1900) *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday Schools. Their Past and Present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva. (In Russ.). EDN: ABCDEF

КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ

— Shtyleva, L. V. (2001) (ed.) *Gendernyj podhod v doskol'noj pedagogike: teoriya i praktika* [Gender approach in preschool pedagogy: theory and practice]. Murmansk: KRTSDOi RZh. (In Russ.). EDN: ABCDEF

— Sirazhudinova, S. V., Mutieva, O. S., Pushkareva, N. L. (2021) (eds.) *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'* [Women's activism: history and modernity]. Mahachkala: DGU. (In Russ.). EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

— Sinova, I. V. (2016) *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the Working Population in Urban Society in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 3 (52). Pp. 62–69. (In Russ.). EDN: WIDAQZ

СТАТЬИ (МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ)

— Zajceva, S. V. (2018) *Sud'ba nezakonno-rozhdennyh detej i ih materej v rossijskih gorodah vo vtoroj polovine XIX v.* [The Fate of Illegitimate Children and Their Mothers in Russian Cities in the Second Half of the 19th Century]. *Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban Women and Citizens in the Political, Economic and Cultural Processes of Russian Urbanization of the 14th–21st Centuries]. Proceedings of the 11 International Scientific Conference RAIZHI and IEA RAS, 4–7 October 2018, Nizhny Novgorod. In 2 vols. Eds. N. L. Pushkareva, N. A. Gronskaya, N. K. Radina. Moscow: IEA RAS. Vol. 1. Pp. 180–182. (In Russ.) EDN: ABCDEF

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

— Vashcheva, I. Yu. (2011) «Tserkovnye istorii» pozdnei antichnosti: sotsial'nye funktsii, smysl i naznachenie [“Church Histories” of Late Antiquity: Social Functions, Origin and Purpose]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Almanac on the History of the Middle Ages and the Early Modern Era]. Nizhny Novgorod: UNN. Pp. 5–18. (In Russ.). EDN: HUFYXJ

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (34)

2025

Редактор **Т. Г. Захарова**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 16.06.2025. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,5.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 2039

На обложке размещена картина А. И. Лактионова
«Письмо с фронта», 1947 г. (авторское повторение 1962 г.)
Государственный Русский музей, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru